DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

УРОКИ
ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ.

СОСТАВИЛЪ

А. Радонежскій.

Изданіе **шестое**, дополненное.

Во второмъ изданіи **одобрена** Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія, въ качествѣ **учебнаго руководства** для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ **одобрена, въ качествѣ руководства** для духовныхъ семинарій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 августа 1900 г.

808
R131u

Теорія словесности.

Подъ именемъ словесности разумѣются тѣ словесныя произведенія, въ коихъ съ особою силою, полнотою и красотою отражается жизнь народа. Понятіе о словесности.

Теорія словесности есть систематическое изложеніе существенныхъ свойствъ словесныхъ произведеній. Она разсматриваетъ общія основныя свойства всѣхъ сочиненій и частныя, отличительныя черты каждаго рода и вида ихъ. Согласно сему теорія словесности дѣлится: на общую и частную. Опредѣленіе теоріи словесности и раздѣленіе ея.

ОБЩАЯ ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ И ОБЩИХЪ СВОЙСТВАХЪ СОЧИНЕНІЙ.

Составъ сочиненія и главнѣйшія требованія отъ сочиненія.

Сочиненіемъ называется стройное изложеніе мыслей о какомъ-либо предметѣ. Понятіе о сочиненіи.

Въ каждомъ сочиненіи должно отличать три стороны: а) содержаніе, б) изложеніе и в) выраженіе.

Подъ содержаніемъ разумѣется совокупность всѣхъ мыслей или сужденій объ извѣстномъ предметѣ (тэма), находящихся въ сочиненіи. Изложеніемъ сочиненія называется такой или другой планъ или порядокъ въ расположеніи мыслей. Выраженіе—это слогъ или языкъ сочиненія.

Требованія относительно содержанія.

Содержаніе—важнѣйшая сторона сочиненія. Содержаніемъ сочиненія должно служить только то, что способствуетъ умственному, нравственному и эстетическому совершенствованію человѣка—истина, благо и красота. „Обращаться съ словомъ, говоритъ Гоголь, нужно честно; оно есть высшій подарокъ Бога человѣку. Слово гнило, да не исходитъ изъ устъ вашихъ“.

а) Тэма.

Тэма сочиненія должна быть избираема только такая, которая, при своемъ развитіи, можетъ принести пользу читателю въ умственномъ или нравственномъ отношеніи, или доставить художественное наслажденіе. Она должна быть доступна, серьезна и занимательна. Какъ не слѣдуетъ разсуждать о предметахъ, превышающихъ разумѣніе человѣческое, о „началѣ всѣхъ началъ“, подобно Метафизику въ баснѣ, такъ и все извѣстное, слишкомъ обыкновенное, обыденное, слѣдовательно мало занимательное и безполезное, не должно служить предметомъ сочиненія.

б) Единство содержанія.

Сочиненіе должно представлять собою одно стройное цѣлое. Главная мысль должна быть средоточіемъ, связывающимъ всѣ части его.

в) Полнота содержанія.

Полнота содержанія зависитъ отъ всесторонняго развитія тэмы. Только тогда сочиненіе можетъ доставить читателю удовлетвореніе, когда предметъ (тэма) разсмотрѣнъ по возможности полно съ избранной точки зрѣнія. Такъ, описаніе Гоголя „Днѣпръ“ представляетъ полное развитіе тэмы съ точки зрѣнія красоты рѣки, ибо Днѣпръ чуденъ, т. е. прекрасенъ, и въ бурю, и въ тихую погоду, днемъ и ночью [1]).

Точка зрѣнія.

Каждый предметъ, служащій тэмою для сочиненія, обыкновенно имѣетъ въ себѣ нѣсколько сторонъ; такъ напр. *Московскій Кремль*, какъ тэма, можетъ быть разсматриваемъ или въ историческомъ отношеніи, или въ настоящемъ своемъ видѣ, или со стороны его важности и значенія, или, наконецъ, съ той и другой и третьей вмѣстѣ; *рѣку Волгу* можно описывать съ точки зрѣнія географической, торговой, художественной или со всѣхъ указанныхъ сторонъ.

Стало быть необходимо установить точку зрѣнія на предметъ сочиненія, которая опредѣляетъ и главную мысль, т. е. главное сужденіе о предметѣ съ извѣстной точки зрѣнія, выражаемое обыкновенно въ видѣ предложенія, напр.: «Волга—величайшая или красивѣйшая рѣка въ Россіи» или: «Волга—лучшій торговый путь въ Россіи»; «Кремль — живописнѣйшая часть Москвы» или: «Кремль — историческій памятникъ, священный для

[1]) См. Приложеніе.

каждаго русскаго» и проч. Напр., въ сочиненіи на тэму «*Московскій Кремль въ историческомъ отношеніи*» главная мысль будетъ въ слѣдующихъ словахъ поэта: «Онъ (Кремль) собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ» [1]). Эта неоспоримо истинная и серьезная мысль будетъ служить путеводной нитью для сочинителя при изложеніи и сообщитъ всему сочиненію единство. Сочиненіе при этомъ получитъ желанную полноту, т. е. для читателя совершенно выяснится историческое значеніе Кремля, послѣ того, какъ будутъ приведены доказательства, основанныя на историческомъ изученіи предмета, именно, что Кремль способствовалъ *собранію, скрѣпленію и возвышенію Руси,* короче говоря,—когда предметъ будетъ разсмотрѣнъ возможно полно съ избранной точки зрѣнія.

Требованія относительно изложенія.

Первое необходимое условіе изложенія сочиненія — стройность его расположенія: чтобы все было на своемъ мѣстѣ, мысли слѣдовали одна за другой въ естественномъ порядкѣ своего логическаго развитія; такъ, напр., описаніе рѣки должно начать съ истока, прожитаго дня— съ утра; въ какомъ-либо разсказѣ о событіи—прежде случившійся фактъ должно передавать впереди совершившагося послѣ; разсуждающій о предметѣ сложномъ, долженъ сначала говорить о цѣломъ, потомъ о частяхъ; словомъ, всякое сочиненіе должно представлять собою видъ стройнаго цѣлаго, подобно организму, гдѣ каждый членъ занимаетъ опредѣленное мѣсто.

Всякое сочиненіе составляется такъ же, какъ строится зданіе, т. е. по извѣстному плану. Архитекторъ, прежде чѣмъ приступить къ постройкѣ, напр., храма (тэма), составляетъ планъ внутренняго расположенія и внѣшняго вида будущаго зданія; причемъ весь планъ строго сообразуется съ главною мыслію, лежащею въ головѣ архитектора, о назначеніи этого зданія быть *храмомъ,* т. е. мѣстомъ для богослуженія и молитвы. Эта главная мысль должна лежать въ основаніи плана; ею опредѣляется какъ внутреннее расположеніе, такъ и внѣшній видъ, и всѣ частности зданія. Выраженіе этой основной мысли вы видите и въ крестѣ, вѣнчающемъ зданіе, и въ иконостасѣ, и въ алтарѣ, и во всѣхъ подробностяхъ строенія. Такой же путь и процессъ созиданія проходятъ въ головѣ писателя всѣ словесныя произведенія, прежде своего появленія на свѣтъ. Сказаннымъ выше требованіямъ удовлетворяютъ большія и малыя, прозаическія и поэтическія сочиненія.

Стихотвореніе «*Среди природы*»—Лермонтова, представляетъ собою одно стройное во всѣхъ частяхъ, и потому прекрасное, цѣлое.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда, росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

---

[1]) Кн. Вяземскій.

*

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ:
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

Разборъ стихотворенія.

Тэма этого стихотворенія: «*вліяніе природы на душу человѣка*». *Главная мысль:* «Сельская природа вноситъ въ душу человѣка миръ и говоритъ о Богѣ». *Форма изложенія* въ этомъ стихотвореніи—послѣдовательный періодъ: «Когда я любуюсь сельской природой *(повышеніе)*, испытываю счастіе» *(пониженіе)*. *Порядокъ изложенія*—отъ частей къ цѣлому: отъ перечисленія отдѣльныхъ предметовъ природы (нива, лѣсъ, ключъ, ландышъ) поэтъ переходитъ къ разъясненію мысли *о благотворномъ вліяніи вообще природы на человѣка:* сюда относятся внутреннее умиротвореніе («*смиряется души тревога*»), свѣтлый взглядъ и довольство («*расходятся морщины на челѣ*»), ощущеніе счастія на землѣ («*счастье я могу постигнуть на землѣ*») и высшая степень блаженства—созерцаніе Бога («*въ небесахъ я вижу Бога*»). Въ этомъ краткомъ стихотвореніи выполнены всѣ требованія отъ сочиненія относительно тэмы, содержанія и расположенія: тэма занимательная и назидательная; главная мысль связываетъ всѣ частныя въ одно стройное цѣлое, такъ что во всемъ періодѣ и въ каждомъ отдѣльномъ предложеніи и словѣ какъ бы сквозитъ и свѣтится главная мысль: «*природа умиротворяетъ душу и говоритъ о Богѣ*»; мысли слѣдуютъ въ логическомъ порядкѣ—отъ частнаго къ общему; при чемъ сравнительная важность и сила ихъ, постепенно возрастая, оканчиваются важнѣйшею—(«*въ небесахъ я вижу Бога*»), которая, подобно звучному заключительному аккорду въ музыкальной піесѣ, производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе на читателя.

Монологическая и діалогическая формы изложенія

Сочиненія излагаются или въ формѣ монологической (μόνος—*одинъ* и λόγος — *слово*), когда писатель отъ одного лица излагаетъ свои мысли; напр.: въ разсужденіи, письмѣ, проповѣди; или въ формѣ разговорной, діалогической (διαλογος—*разговоръ*)—когда авторъ развиваетъ тэму сочиненія въ видѣ бесѣды нѣсколькихъ лицъ.

Стилистика.

„Кто хочетъ говорить красно, тому
надлежитъ сперва говорить чисто".
Ломоносовъ.

Ученіе о выраженіи мыслей въ сочиненіи или *слогѣ* называется *стилистикой.* [1])

[1]) Отъ слова stylus – означавшаго металлическую палочку, съ одного конца заостренную, съ другого—тупую, которую древніе употребляли для письма на навощенныхъ дощечкахъ (cera): острымъ концомъ писали, а тупымъ стирали и поправляли написанное. Горацій совѣтуетъ каждому писателю: „vertere stylum—чаще перевертывай стиль", т. е. усерднѣе исправляй, отдѣлывай слогъ.

Виды слога.

Смотря по роду сочиненій, слогъ бываетъ обыкновенный, или простой, и украшенный, или художественный.

Обыкновенный слогъ.

Качества слога.

Такъ какъ всякое сочиненіе пишется для передачи мыслей, сужденій, впечатлѣній сочинителя другимъ, т. е. читателямъ, то главнѣйшее и первое условіе, которому долженъ удовлетворять слогъ, есть его понятность, для чего онъ долженъ имѣть слѣдующія необходимыя качества: правильность, ясность, точность, чистоту, благозвучіе.

Правильность слога состоитъ съ соблюденіи законовъ языка, правилъ грамматики и синтаксиса. Ясность состоитъ въ томъ, чтобы читатель легко и свободно понималъ мысль писателя. Точность—въ томъ, чтобы читатель понималъ литературное произведеніе такъ же, какъ и самъ писатель. Всякое слово, неопредѣленное или *двояко* понимаемое, вредитъ точности. Точность рѣчи много зависитъ отъ правильнаго употребленія синонимовъ.

Синонимы.

Синонимами (συν—съ, ὄνομα имя) называются слова подобозначащія, по значенію сходныя; напр., *ученикъ и школьникъ, старый-ветхій—древній, повторять — твердить, путь—дорога.*

Такихъ словъ очень много [1]); но, при кажущемся тождествѣ, вглядываясь пристально, нельзя не замѣтить между ними нѣкоторой разницы въ значеніи; каждый изъ синонимовъ хотя изображаетъ одинъ и тотъ же предметъ или дѣйствіе, но всегда съ другой стороны или точки зрѣнія, какъ бы указывая особый оттѣнокъ одного и того же цвѣта. *Ученикъ* и *школьникъ*, не смотря на видимое сходство, разнятся по значенію: первое названіе относится ко всѣмъ учащимся, *школьникомъ* же можно назвать только ученика младшаго возраста, способнаго по своимъ лѣтамъ къ разнаго рода проказамъ, шалостямъ: «школьничать»—значитъ *шалить*.—Также нельзя смѣшивать прилагательныхъ: *старый*—т. е. имѣющій много лѣтъ, *ветхій*—обветшалый, устарѣвшій, и *древній*—относящійся къ отдаленнымъ временамъ: нельзя сказать *древній* человѣкъ, а *старый* человѣкъ.—*Повторять* урокъ и *твердить* урокъ: *повторять*—значитъ возобновлять въ памяти уже извѣстное, заученное прежде; *твердить* же урокъ—заучивать, *затвер-*

---

[1]) *Пріятель—другъ; вождь—полководецъ; храбрый—отважный—удалый, способный—даровитый—талантливый; счастіе — благополучіе — благоденствіе; радость—отрада—удовольствіе; прекрасный—прелестный, изящный,—художественный* и пр.

живать, дѣлать *твердымъ* въ памяти. *Путь* и *дорога*, при видимомъ тождествѣ, различаются: *путь*—это движеніе или переѣздъ; *дорога*—полотно, полоса земли. Мы говоримъ: морской *путь*, а не *дорога* морская, потому что на морѣ нѣтъ проложенныхъ тропинокъ. По этой же причинѣ говорятъ: *попутный* вѣтеръ, а не дорожный; счастливый *путь* и скатертью *дорога*.

Омонимы. Отъ синонимовъ должно отличать омонимы (ὅμοιος — подобный, ὄνομα — имя), слова однозвучныя, но не однозначащія; напр.: *ключъ* отъ замка и *ключъ* воды; *носъ*—часть лица и *носъ* у корабля; *переводить* съ иностраннаго языка и *переводить* мышей; *проводить* въ дорогу, *проводить* время и *проводить*—обманывать; *топить* въ водѣ и *топить* печь. Невѣрное употребленіе синонимовъ и омонимовъ вредитъ точности слога, внося въ рѣчь сбивчивость и неопредѣленность. Выраженіе: «онъ меня легко *провелъ*»—можно понять двояко: вывелъ на дорогу или обманулъ; или—«я вижу много *ключей*» (какихъ?); «женщина идетъ съ большой *косой*» (какой?) и т. п.

Чистота слога состоитъ въ употребленіи словъ и оборотовъ, свойственныхъ коренному русскому и литературному языку, который мы находимъ въ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ и въ образцовыхъ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ писателей.

Правильности и чистотѣ рѣчи вредятъ: а) солецизмы, б) барбаризмы, в) архаизмы, г) неологизмы и д) провинціализмы.

Солецизмы. Солецизмами [1]) принято называть всякія ошибки противъ законовъ языка и правилъ синтаксиса; такъ, напр., выраженія: „проѣзжая мимо церкви, *мнѣ захотѣлось* войти“ (вмѣсто: я захотѣлъ войти); также: „*не всякому* природа одинаково надѣлила *способности*“ (вмѣсто: не всякаго — способностями); „онъ сегодня хорошо *выглядитъ*“; „я счастливъ знать ваше здоровье“, и др. будутъ солецизмы. Солецизмы незамѣтно вкрадываются въ языкъ при переводахъ съ одного языка на другой и, смотря по языку, изъ котораго заимствованы, получаютъ названіе галлицизмовъ, германизмовъ, полонизмовъ. Такъ, выраженіе: „онъ хорошо выглядитъ“ буквальный переводъ нѣмецкаго выраженія: er sieht gut aus, а—„я счастливъ васъ видѣть“—французскаго: „je suis heureux de vous voir“. Къ солецизмамъ, затемняющимъ рѣчь, должно отнести также: а) неправильное расположеніе словъ; напр., въ выраженіи: „*для чего всякій другихъ несчастнѣе себя почитаетъ*“,—неизвѣстно, кто почитается *несчастнѣе*; б) употребленіе одинаковыхъ окончаній; напр.,

---

[1]) Солецизмъ (σολοικισμος) отъ города Соли [Σοῖοι], аоинской колоніи въ Киликіи, жители которой мало по малу утратили чистоту родного аттическаго языка подъ вліяніемъ окружающихъ иноземцевъ.

„мать любитъ дочь“, *„грузъ потопилъ корабль“*, *„лѣность причиняетъ бѣдность“* и др.; в) невѣрную разстановку знаковъ препинанія; напр., въ предложеніи: *„одному наслѣднику завѣщано было поставить статую золотую, пику держащую“*, или: *„одному наслѣднику завѣщано было поставить статую, золотую пику держащую“*. Здѣсь отъ мѣста, занимаемаго запятой, зависитъ смыслъ рѣчи.

Барбаризмы

Барбаризмами (латин. слово barbarus—чужеземный) обыкновенно называются ошибки противъ чистоты языка, происходящія отъ внесенія безъ нужды въ рѣчь иностранныхъ словъ. Наша современная рѣчь, устная и письменная, переполнена, безъ всякой надобности, иноязычными словами, которыя, терзая слухъ, совершенно, такъ сказать, засоряютъ рѣчь, мутятъ и затемняютъ мысль. Вотъ примѣры такихъ словъ, постоянно употребляемыхъ: *вояжъ*, (путешествіе), *продуктъ* (произведеніе), *дебаты* (пренія, ученые споры), *эрудиція* (ученость), *иниціатива* (починъ), *вердиктъ* (приговоръ), *фиктивный* (ложный), *симпатичный* (пріятный, внушающій сочувствіе), *аналогичный* (сходный), *идентичный* (тождественный), *констатировать* (утверждать), *инсинуировать* (клеветать) и проч. Само собою понятно, что къ барбаризмамъ не могутъ относиться слова иноязычнаго происхожденія, съ давнихъ поръ употребляемыя и, какъ бы укоренившись, уже получившія право гражданства, въ родѣ слѣд.: *университетъ, гимназія, канцелярія, библіотека, комитетъ, комиссія, статуя, трауръ, фамилія*, и т. п. Сюда же принадлежатъ научныя и техническія названія (термины): *теорія, анализъ, синтезъ, идея, планъ, фигура, радіусъ, хорда, хоръ* и т. п.

Русскій языкъ, по его неисчерпаемому богатству, Ломоносовъ назвалъ «едва имѣющимъ предѣлы моремъ». Слѣдовательно, привычка пишущихъ и говорящихъ прибѣгать къ иностраннымъ словамъ въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ ничѣмъ не можетъ быть оправдана. Пристрастіе къ иностраннымъ словамъ обличаетъ въ пишущемъ и говорящемъ недостаточное знакомство съ роднымъ языкомъ, въ которомъ, при желаніи, всегда найдется необходимое слово для выраженія мысли. Къ сожалѣнію, наша привычка щеголять иностранными словами въ рѣчи—давняя; еще въ прошломъ столѣтіи указывали на нее Фонвизинъ, Сумароковъ и др. Сей послѣдній пишетъ:

«Иной, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По-русски, думаетъ, всего сказать не можно
И, взявъ *пригоршню словъ чужихъ*, сплетаетъ рѣчь
Языкомъ собственнымъ—достойно только сжечь!» [1]).

---

[1]) «Эпистола о русскомъ языкѣ».

Не прибѣгая къ замѣнѣ [1]) многихъ иноязычныхъ, уже давно укоренившихся и обрусѣвшихъ у насъ словъ, существованіе коихъ въ языкѣ объясняется исторіей нашего образованія, мы должны, однакоже, принять за правило—прибѣгать къ иностранному слову только въ случаѣ крайней необходимости, т. е. когда совсѣмъ не существуетъ въ языкѣ родномъ своего слова для точнаго выраженія какого-либо понятія. Но должно считать барбаризмами всѣ тѣ многочисленныя иностранныя слова, употребляемыя въ современномъ слогѣ, кои могутъ быть, съ удобствомъ и пользою для дѣла, замѣнены своими природными, русскими, напр.: *импульсъ* (побужденіе), *курьезъ* (странность), *компетентный* (знатокъ, свѣдущій), *солидарный* (согласный), *тенденція* (предвзятая мысль), *фиктивный* (мнимый), *интенсивный* (усиленный, напряженный) и множество другихъ. Ломоносовъ считаетъ русскій языкъ, по богатству, разнообразію и гибкости, равнымъ всѣмъ европейскимъ языкамъ, вмѣстѣ взятымъ: «Карлъ Пятый, римскій императоръ, говаривалъ, что испанскимъ языкомъ—съ Богомъ, французскимъ—съ друзьями, нѣмецкимъ—съ непріятелями, итальянскимъ—съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе испанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго. Кто отъ часу далѣе въ него углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о семъ высокомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или, лучше сказать, едва имѣющее предѣлы море». Ломоносовъ иностранныя слова и обороты называетъ «неприличностями, дикими и странными нелѣпостями слова», входящими къ намъ изъ чужихъ языковъ. «Оныя *неприличности*, нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ, говоритъ онъ, вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка» [2]).

Архаизмы. Подъ архаизмами (ἀρχαῖος—древній)—разумѣются слова устарѣвшія, вышедшія изъ употребленія: напр., *вой*, вмѣсто воинъ; *прикладъ*, вм. примѣръ; *учинить*, вм. сдѣлать; *зрѣть*, вм. видѣть; *понеже*, вм. такъ какъ; *не томко*, вм. не только и т. п. Но древне-русскія, а равно церковно-славянскія слова служатъ къ вящшей силѣ, красотѣ и выразительности слога, коль скоро употребленіе этихъ словъ дѣлается у мѣста и кстати. Такъ, историкъ, включая въ свою рѣчь выраженія, заимствуемыя изъ лѣтописей, грамотъ и др. первоисточниковъ исторіи, придаетъ своему разсказу больше достовѣрности. Читая, напр., въ исторіи Карамзина приведенную цѣликомъ

---

[1]) Какъ и были въ этомъ родѣ попытки назвать калоши—*мокроступами*, фортепьяно—*тихогромами* и проч.; удачнѣе другихъ замѣна названія—библіотеки—*книгохранилищемъ*, тоста—*здравицей*.

[2]) См. разсужденіе „*О пользѣ книгъ—церковныхъ*“.

изъ лѣтописи рѣчь Святослава къ воинамъ предъ битвой: „Не посрамимъ земли русскія, но ляжемъ костьми ту, мертвіи бо срама не имутъ; аще и срамъ имамъ, не имамъ бѣжати, но станемъ крѣпко; идѣ-же глава моя ляжетъ, ту помышляйте о себѣ“,—мы какъ будто слышимъ сами эту рѣчь, раздавшуюся за тысячу лѣтъ тому назадъ на берегахъ Дуная.

Начиная съ Ломоносова, рѣдкій изъ нашихъ писателей не пользовался сокровищами церковно-славянскаго языка. Славянскіе слова и обороты незамѣнимы по своей силѣ и выразительности. «Мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ», говоритъ Ломоносовъ.

Пушкинъ пишетъ: «Я желалъ бы русскому языку оставить нѣкоторую библейскую откровенность» [1]). Многія стихотворенія Пушкина и другихъ поэтовъ служатъ доказательствомъ того, какую красоту сообщаютъ слогу древне-русскія слова и церковно-славянскіе обороты, съ умѣньемъ употребляемые. Такова въ трагедіи «Борисъ Годуновъ» рѣчь Пимена или разсказъ Патріарха объ исцѣленіи слѣпого пастуха на могилѣ св. Димитрія Царевича въ Угличѣ [2]) и стихотвореніе «Пророкъ»:

„Отверзлись вѣщія зѣницы ..
И *внялъ* я неба *содроганье*,
И *горній* Ангеловъ полетъ,
И *гадъ* морскихъ подводный ходъ,
И *дольней* лозы *прозябанье*...
И вырвалъ *грѣшный* мой языкъ
И *празднословный* и *лукавый*,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ *десницею* кровавой...
И *угль*, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую *водвинулъ*...
Возстань, пророкъ, и *виждь* и *внемли*,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей“.

Но какъ церковная риза надѣвается при богослуженіи, такъ мѣсто для церковно-славянскихъ словъ и выраженій не вездѣ, а только въ сочиненіяхъ религіозно-нравственнаго или историческаго содержанія (проповѣди, гимны, оды, трагедіи), а также въ актахъ государственныхъ, каковы, напр., Высочайшіе Манифесты, грамоты. «Симъ штилемъ», говоритъ Ломоносовъ, «составляться должны греческія поэмы, оды, прозаическія рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которыми онѣ отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ россійскій языкъ предъ многими европейскими, пользуясь языкомъ славянскимъ изъ книгъ церковныхъ» [3]).

Неологизмы.

Неологизмы (νεός — новый и λόγος — слово), или новыя слова, искусственно составленныя, по прихоти какого-нибудь одного писателя, и неусвоенныя обществомъ, вредятъ чистотѣ рѣчи. Такъ, были попытки создать слова: *самость* (вм. эгоизмъ), *наитство*-

---

[1]) Матеріалы для біографіи Пушкина, Анненкова. [2]) См. ниже статью о *трагедіи*. [3]) «О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ».

ваніе (вм. вліяніе), *лицедѣй* (вм. актеръ), *носогрѣя* (вм. платокъ для завязыванія носа, cache-nez), *мокроступы* (вм. калоши) и пр. Такія слова, не созданныя потребностями самого народа, самой жизни, не прививаются и оказываются смѣшными. Но въ языкѣ, какъ вѣрномъ отраженіи жизни, каждое общественное событіе,—коимъ измѣняется бытъ народа, создаются иныя условія жизни, взгляды, понятія, — естественно порождаетъ и новыя слова для выраженія новыхъ явленій жизни. Такъ, много новыхъ словъ появилось съ освобожденіемъ крестьянъ *(мировой посредникъ, землевладѣлецъ, временно-обязанный)*, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ *(шпалы, рельсы, полустанокъ, чугунка, конка)*, съ введеніемъ новыхъ судовъ *(присяжный засѣдатель, мировой, подсудимый, присяжный повѣренный)*, съ проведеніемъ телеграфовъ (*депеша* или *телеграмма, телеграфировать, телефонировать*); со времени Сербской войны и всеобщей воинской повинности явились слова *доброволецъ*, замѣнившее прежнее слово „волонтеръ", *вольноопредѣляющійся* и пр.

Такія и подобныя слова, создаваемыя самой жизнью, составляютъ естественный приростъ, развитіе и обогащеніе языка; смѣшивать ихъ съ искуственными и дѣланными словами, какъ *самость* или *мокроступы*, нельзя.

Провинціализмы.

Областныя слова или провинціализмы (provincia—область), т. е. употребляющіяся только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, нарушаютъ чистоту рѣчи, затемняя смыслъ, такъ какъ значеніе подобныхъ словъ не всѣмъ понятно, напр. *казанъ*, вм. ведрò (на Дону), *погода*—вёдро, *пурга*—вьюга, *взбунтовать*—перемѣшать (въ Смоленской губ.), *поносъ* — попутный вѣтеръ (въ приволжскихъ губерніяхъ), *нишкни* — молчи (Яросл. губ.), *приспѣть*—приготовить: *дюжо, гораздъ*—очень (въ Новгородской губ.), *облапошить*—обмануть; *ошарашить*—ударить (въ Ярославской губ.), и множество другихъ.

По чистотѣ, правильности языка, а равно по благозвучію и пріятности выговора лучшимъ считается *Московское нарѣчіе*, именно то, на которомъ говорятъ въ самомъ городѣ. «Московское нарѣчіе», говоритъ Ломоносовъ, «не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты прочимъ справедливо предпочитается». «Не худо», пишетъ Пушкинъ, «намъ прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ». Такъ какъ въ Россіи не только каждая область или губернія, но нерѣдко и каждый городъ уѣздный одной и той же губерніи, имѣютъ свой мѣстный говоръ и особый выговоръ,

то, при выборѣ словъ для сочиненія, должно держаться литературнаго языка, общепринятаго въ образованномъ обществѣ. Въ послѣднее время наше образованное общество больше знакомится съ Россіей и народомъ, узнаетъ областныя нарѣчія, народный языкъ, и мало-по-малу литературный языкъ, такъ сказать, усыновляетъ много новыхъ словъ изъ народнаго языка, напримѣръ: *кулакъ*, *лихоимецъ*, *починъ*, *завсегдатай*, *заразный*, *наврядъ*, *ономедни* и др. Употребленіе таковыхъ словъ не только не вредитъ чистотѣ языка, но освѣжаетъ и украшаетъ, — сообщая ему силу и выразительность. Усвоеніе литературнымъ языкомъ народныхъ словъ и оборотовъ—это естественный ростъ дерева,—если мы приравняемъ къ *дереву* литературный языкъ, — это побѣги, цвѣты и плоды *отъ собственнаго корня;* такое развитіе языка, какъ естественное, прочно и полезно. Перенесенія народныхъ словъ въ литературную рѣчь надобно желать и этому содѣйствовать въ такой же мѣрѣ, въ какой противиться наплыву чужеязычныхъ. Наши писатели: Карамзинъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ и Крыловъ заимствовали изъ народнаго языка много словъ и оборотовъ, которые придали литературному языку свѣжесть, красоту и выразительность. Гоголь говоритъ: «Въ нашемъ необыкновенномъ языкѣ (который есть еще тайна для насъ) есть всѣ тоны и оттѣнки, всѣ переходы звуковъ отъ самыхъ твердыхъ до самыхъ нѣжныхъ и мягкихъ; онъ безпредѣленъ и можетъ живой, какъ жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая съ одной стороны *высокія слова изъ языка церковно-славянскаго,* а съ другой стороны выбирая на выборъ мѣткія *названія изъ безчисленныхъ своихъ нарѣчій, разсыпанныхъ по нашимъ провинціямъ*, имѣя возможность такимъ образомъ въ одной и той же рѣчи восходить до высоты и опускаться до простоты, ощутительной осязанію для непонятливаго человѣка; языкъ, который самъ по себѣ уже поэтъ, и который не даромъ на время позабытъ нашимъ лучшимъ обществомъ. Нужно было, чтобы выболтали на чужеземныхъ нарѣчіяхъ всю дрянь, какая ни пристала вмѣстѣ съ чужеземнымъ образованіемъ, чтобы всѣ тѣ неясныя вещи,—дѣти мыслей, невыяснившихся и сбивчивыхъ, которыя потемняютъ языкъ, не посмѣли помрачать младенческой ясности нашего языка!»

5) Благозвучіе обыкновенной рѣчи.

Рѣчь служитъ для выраженія нашихъ мыслей, но въ то же время она есть и музыкальное теченіе звуковъ. Слогъ можетъ быть названъ тогда только хорошимъ, когда понятно выражаетъ мысль и удовлетворяетъ требованіямъ благозвучія, которое зависитъ отъ соединенія отдѣльныхъ звуковъ и отъ построенія и сочетанія предложеній.

Общій законъ благозвучія состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать такого сочетанія звуковъ, словъ и оборотовъ, которое затруднительно для произношенія и непріятно для слуха. Въ частности благозвучіе перваго рода нарушается: а) стеченіемъ многихъ гласныхъ, напр.:

„тихое ея уединеніе, обитель—*она и я, и ея* сосѣди *у ея* дяди собрались“. Этотъ недостатокъ называется *зѣваніемъ* (hiatus); б) стеченіемъ одинаковыхъ согласныхъ, напр.: „*не тлитъ-ли тля сребра и злата?*“; „*эта-то тишина табора такое* дѣлаетъ впечатлѣніе“; „*тотъ путь тогда топтать трудно*“; в) сосѣдствомъ многихъ односложныхъ словъ; „*я, ты, онъ* и *всѣ*, мои друзья, внемлите“; или словъ многосложныхъ, напр.: „*Глубокомысленнѣйшіе естествоиспытатели споспѣшествовали усовершенствованію цивилизаціи многочисленными изслѣдованіями*“, или: *Благодарные иноплеменники наименовали знаменитѣйшаго побѣдителя миродарователемъ, свободовозстановителемъ*“, и пр. Всѣ указанные случаи неудачнаго соединенія звуковъ и словъ производятъ въ рѣчи не „*благозвучіе*“, а „*худозвучіе*“ (какофонію).

Благозвучіе второго рода нарушается: а) неправильнымъ построеніемъ предложеній, когда между членами предложенія нѣтъ равновѣсія и соотвѣтствія; такъ, непріятно для слуха предложеніе, въ которомъ сказуемое стоитъ не на мѣстѣ или чрезмѣрно распространяется разными дополненіями, напримѣръ: „*Мы все, долговременными трудами и неусыпнымъ бдѣніемъ пріобрѣтенное, богатство знанія дѣтямъ нашимъ преподадимъ въ наслѣдство*“; б) употребленіемъ сряду предложеній одинаковыхъ, слишкомъ краткихъ или очень распространенныхъ, а равно такихъ сложныхъ, которыя состоятъ изъ многихъ придаточныхъ при одномъ главномъ, напримѣръ: „*Снѣга такъ велики, что для того, чтобы очистить дорогу въ церковь, разгребаютъ снѣгъ на двѣ стороны, которыя такъ велики, что кажется, какъ будто идешь между двумя снѣжными горами*“.

Виды слога.

Всякая рѣчь составляется изъ предложеній, краткихъ и распространенныхъ, простыхъ и сложныхъ. Смотря по тому, какія предложенія въ ней преобладаютъ—простыя или сложныя,—слогъ бываетъ отрывистый или періодическій.

Слогъ отрывистый.

Отрывистый слогъ состоитъ изъ краткихъ предложеній, одно отъ другого не зависящихъ, напр.: „Утро было прекрасное: солнце радугами играло на росистой травѣ; туманъ исчезалъ; на горизонтѣ не видно было ни одного облачка; горячіе лучи солнца предвѣщали

знойный полдень“ [1]). „Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-то только свѣтятся узенькія окна“... [2]).

Доведенная до крайней краткости, отрывистая рѣчь называется лаконическою по имени древнихъ Лакедемонянъ (или Спартанцевъ), которые, предпочитая дѣло фразѣ, любили выражаться кратко, но сильно: *„Или со щитомъ или на щитъ“*—или воротись побѣдителемъ или умри, говорила Спартанка сыну, отправляя его на войну. „Множество персидскаго войска затмитъ солнце“, стращали Спартанцевъ.—*„Будемъ сражаться въ тѣни“*,—отвѣчали тѣ на угрозы. Леонидъ отвѣчалъ Ксерксу, требовавшему сдачи и выдачи оружія: *„Приди и возьми!“* Цезарь доносилъ Сенату: *„Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“* (veni, vidi, vici). Реляція Суворова о побѣдѣ Императрицѣ Екатеринѣ II-й: *„Прага у ногъ Вашего Величества“.—„Ура! фельдмаршалъ Суворовъ!“*—былъ отвѣтъ Государыни. Сими словами онъ былъ возведенъ въ санъ фельдмаршала. Другой примѣръ Суворовскаго лаконизма: *Капитану Попову за Брестъ—Георгія крестъ, за Тульчинъ—полковничій чинъ, за Прагу—золотую шпагу, а въ заключеніе—за долгое терпѣнье—500 душъ въ награжденье“*. Лаконическая рѣчь.

Пушкинъ о подвигѣ Кутузова въ 12-мъ году сказалъ:

„Народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ твоей святой сѣдинѣ:
«Иди спасай!» Ты всталъ и—спасъ».

Періодическій слогъ состоитъ изъ сложныхъ предложеній, или періодовъ. Періодическій слогъ.

Періодъ есть совокупность двухъ или нѣсколькихъ предложеній, которыя представляютъ собою одно стройное цѣлое, какъ бы *кругъ*, раздѣленный на двѣ половины—повышеніе и пониженіе.

Періоды бываютъ простые и сложные.

Простой періодъ заключаетъ въ себѣ *одно главное предложеніе*, распространенное опредѣлительными, дополнительными и обстоятельственными словами или придаточными предложеніями.

„Москва—сердце Россіи, первопрестольный русскій городъ съ завѣтнымъ Кремлемъ и священными достопримѣчательностями (*повышеніе*) всегда будетъ драгоцѣнна для каждаго русскаго человѣка, который любитъ свое отечество“ (*пониженіе*).

Главное предложеніе одно: Москва драгоцѣнна для русскаго человѣка.

---

[1]) Пушкинъ. [2]) Гоголь.

Сложный періодъ есть соединеніе *двухъ* или *нѣсколькихъ равносильныхъ предложеній*, соединенныхъ между собою по способу сочиненія.

„Когда, въ великую годину войны народной, побѣдитель всей Европы замыслилъ увѣнчать въ Москвѣ свои двадцатилѣтніе подвиги,—предписать законы Россіи и утвердить владычество надъ всѣмъ свѣтомъ,—старая Москва возстала, потрясла своими вѣковыми столпами (*повышеніе*), и—двадесять языковъ, приведенныхъ исполиномъ отъ всѣхъ концовъ земли именно для ея покоренія, пали подъ священными развалинами, и огненное зарево ея пожара освѣтило спасеніе царствъ и народовъ, новый порядокъ вещей, новую эру въ исторіи человѣчества“ (Погодинъ).

Тэма періода: *Заслуги Москвы въ 1812 году*. Главныхъ предложеній два: *Москва возстала.—Двадесять языковъ пали подъ ея развалинами.*

По числу членовъ (предложеній) сложные періоды бываютъ: *двухчленные, трехъ* и *четырехчленные*.

По смыслу и способу соединенія членовъ, или частей своихъ, сложные періоды бываютъ: *причинные, изъяснительные, сравнительные, противуположные, уступительные, условные, относительные, смѣшанные*.

Причинный.

„Науки и искусства необходимы: (ибо) они дѣлаютъ душу чувствительнѣе и нѣжнѣе, обогащаютъ сердце наслажденіями и возбуждаютъ въ немъ любовь къ порядку, любовь къ гармоніи, къ добру“ (Карамзинъ).

Изъяснительный.

„Троицкій монастырь сіяетъ не только для сердецъ набожныхъ, но и для ревностныхъ любителей отечественной славы; не только россіяне, но и самые просвѣщенные иностранцы, знающіе нашу исторію, любопытствуютъ видѣть мѣста великихъ происшествій“ (Карамзинъ).

Сравнительный.

„Петръ Великій пробудилъ народъ, усыпленный въ оковахъ невѣжества: онъ создалъ для него законы, силу и военную славу; Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленнаго народа: онъ создалъ для него краснорѣчіе и стихотворство, испыталъ его силы во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ талантовъ вѣрныя орудія къ успѣхамъ“ (Ламанскій).

„Какъ лилія своимъ запахомъ, слабымъ и нѣжнымъ, своимъ цвѣтомъ бѣлымъ, неяркимъ и какъ бы стыдливымъ, служитъ украшеніемъ садовъ: такъ чистота нравственная, непорочность помышленій, простота и искренность чувства составляютъ прекраснѣйшія стороны юноши“ (Карамзинъ).

Противуположный.

„Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ; (напротивъ) человѣкъ, искушенный опытами въ самыхъ горестяхъ, любитъ благодарить. Небо со слезами за малѣйшую отраду“ (Карамзинъ).

Уступительный.

„Хотя талантъ есть вдохновеніе природы; однакожь ему должно развиться ученіемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ“ (Карамзинъ).

„И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать“. (Пушкинъ).

Условный.

„Если ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордость; если вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями и заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ передъ народомъ: то удались отъ гроба сего, твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата“ [1]).

Относительный.

„*Кто,* стоя въ Кремлѣ, холодными глазами смотрѣлъ на исполинскія башни, на древніе монастыри, на величественное Замоскворѣчье, не гордился своимъ отечествомъ и не благословлялъ Россіи,—*для того* (и я скажу это смѣло) чуждо все великое, ибо онъ безжалостно ограбленъ природою при самомъ своемъ рожденіи“ (Батюшковъ).

Смѣшанный.

„Если бы Петръ великій родился государемъ какого-нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже искусства и науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ него успѣхи разума человѣческаго и сказать: „смотрите, сравняйтесь съ ними и потомъ, если можете, превзойдите ихъ“ (Карамзинъ).

Нѣкоторыя стихотворенія въ полномъ своемъ составѣ представляютъ строго выдержанные періоды; такъ напр., стихотвореніе: «Когда волнуется желтѣющая нива» (см. выше разборъ) имѣетъ форму *условнаго* періода; стихотвореніе «Поэтъ»—періода *противоположнаго*:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ:
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ сладкій сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До уха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы.
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубравы.

Это стихотвореніе представляетъ удивительный по своему музыкальному строенію, симметріи и гармоніи, образецъ *противоположнаго періода.*

---

[1]) Арх. Иннокентій: «Слово въ Великій Пятокъ», говоренное предъ Св. Плащаницей. (См. разборъ въ статьѣ «*О духовномъ краснорѣчіи*»).

Здѣсь сопоставляются душевныя состоянія поэта: въ обыкновенное время и въ минуту вдохновенія (тэма). Планъ построенія (схэма) періода можетъ быть выраженъ такъ: *Поэтъ въ обыкновенное время—человѣкъ, похожій на всѣхъ другихъ* (повышеніе), *въ минуту же вдохновенія* (пониженіе) *совершенно какъ бы преображается.* Противоположеніе двухъ половинъ періода, какъ въ логическомъ, такъ и въ ритмическомъ отношеніи, полное; слышится оно не только въ общемъ построеніи, но и въ каждомъ словѣ. Въ первой половинѣ изображается поэтъ въ обыкновенномъ состояніи: въ это время онъ, «*ничтожный, малодушный, привязанный къ землѣ, ея заботамъ и мелочамъ человѣкъ, какъ будто погруженный въ сонъ, молчитъ*»... Во второй половинѣ поэтъ характеризуется въ минуту вдохновенія: въ эту минуту онъ—«*орелъ, парящій выше всего земного, полный кипучей жизни, звуковъ и смятенья, бѣжитъ отъ людей, ищетъ простора, уединенія*», гдѣ бы предаться могъ вдохновенному творчеству. Въ этомъ періодѣ мысль и выраженіе, содержаніе и форма слились въ одно неразрывное, прекрасное, гармоническое цѣлое.

Вообще должно замѣтить, что ни отрывистый, ни періодическій слогъ не употребляются въ сочиненіяхъ каждый отдѣльно; нѣтъ такого сочиненія, которое было бы написано исключительно краткими предложеніями, или одними періодами. Вообще при изложеніи надобно избѣгать однообразія, которое утомляетъ и наводитъ скуку на читателя. На этомъ основаніи нельзя употреблять для выраженія мысли или одни періоды, или одни отрывистыя предложенія.

Слогъ естественный.

Самый лучшій слогъ—естественный (называемый иначе слогомъ смѣшаннымъ или разговорнымъ), въ коемъ, согласно обыкновенному теченію мысли, то связному, то прерываемому, краткія предложенія чередуются съ распространенными, простыя съ сложными, отрывистыя выраженія съ полными періодами. Такъ, въ баснѣ „Пустынникъ и Медвѣдь“ видимъ рядъ отрывистыхъ выраженій тамъ, гдѣ описываются отдѣльныя, быстро смѣняющіяся дѣйствія, напр.:

Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.

или:

У друга на носъ муха сѣла:
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ...

и полные періоды для выраженія сложной мысли:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться—
Услужливый дуракъ, опаснѣе врага!..

или:

А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.

Истинное изящество слога и состоитъ именно въ подобномъ согласіи между мыслію и выраженіемъ, содержаніемъ и формою.

Художественный или поэтическій слогъ.

Ut pictura poësic erit [1]).
Horat.

Художественною можно назвать такую рѣчь, которая не только дѣлаетъ мысль говорящаго или пишущаго понятною, но еще сообщаетъ воображенію слушателя или читателя живые образы, возбуждаетъ сердечныя движенія и производитъ пріятныя звуковыя ощущенія.

При помощи такого слога, читатель не только понимаетъ мысль, но какъ бы видитъ ее въ живописномъ образѣ, слышитъ въ самомъ сочетаніи звуковъ, какъ бы осязаетъ въ пластическомъ изображеніи. Вся поэзія представляетъ рядъ такихъ образовъ и можетъ быть названа словесною живописью и словесною музыкою. Въ слѣдующихъ строкахъ: „О сердце, не стремись туда, гдѣ свѣтло, гдѣ *смѣется молодость*, гдѣ *надежда вѣнчается цвѣтами весны*, гдѣ *голубка-радость бьетъ лазурными крылами*, гдѣ любовь, *какъ роса на зарѣ, сіяетъ слезами восторга*“ [2]),—отвлеченныя понятія получили живописный образъ.

Отвлеченная мысль: «*никогда не слѣдуетъ лгать*», въ художественномъ языкѣ получаетъ живописный и благозвучный образъ: «*хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь*». Въ этой пословицѣ есть и живопись (*гость изображается сидящимъ за столомъ, обѣдающимъ, а правду рѣзко высказывающимъ въ глаза хозяину*), и благозвучіе—стройная форма періода (уступительнаго), мѣрная рѣчь, созвучное окончаніе (рѳма): *ѣшь,—рѣжь*, въ звукахъ которой какъ-бы слышится процессъ *рѣзки* хлѣба, и *рѣзкое* (откровенное) выраженіе (*рѣзанье* правды...). Подобны же выраженія: «утро *улыбается*» (вм. утро хорошее); «*змѣя*-тоска *гложетъ* сердце» (вм. грустно на душѣ); «*шествуя, сыплетъ цвѣтами весна*» (вм. наступаетъ весна); объ умѣ говорятъ—«*острый*», о волѣ—«*желѣз-*

---

[1]) Поэзія тоже, что живопись. [2]) Тургеневъ.

ная», о воображеніи — *«пламенное»*; лѣсъ изображается въ видѣ *богатыря-Бовы;* зима — *волшебницы-чародѣйки*; буря — *воющаго звѣря, плачущаго дитяти.* Выраженія: *«шествуя сыплетъ цвѣтами весна»*; *«и блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ, и точитъ лезвее косы!»* — по степени своей изобразительности (пластичность), напоминаютъ античныя статуи.

Какую ужасающую силу разительности (реальности) получаетъ отвлеченное понятіе — *угрызеніе совѣсти* въ слѣдующихъ поэтическихъ образахъ:

«.....Совѣсть,—
Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть,—
Незваный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый, это—*вѣдьма,*
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ, и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ.....» [1]).

Въ слѣдующихъ стихахъ Пушкина:

«Ночной зефиръ Шумитъ
Струитъ эфиръ; Бѣжитъ
Гвадалквивиръ».

цѣлая картина испанской природы.

Художественныя свойства слога суть: 1) изобразительность, или живописность, 2) благозвучіе, или музыкальность.

Изобразительность.

Изобразительность, или живописность, слогу сообщаютъ: *эпитеты, сравненія, тропы, фигуры.*

Эпитеты.

Эпитетами (τὸ ἐπίθετον—приложеніе) называются живописныя опредѣлительныя слова: прилагательныя и существительныя; напр.: Москва-*бѣлокаменная*, *матушка*-Волга, *кормилица*-ржица; прилагательное съ существительнымъ: Москва-*золотыя маковки*, Владиміръ-*красное солнышко*, мѣсяцъ-*золотые рога*, лошадь—*добрый конь*, тоска-*змѣя подколодная*; иногда краткія предложенія: красавица—*кровь съ молокомъ*, молодецъ—*сорвиголова*, трава—*перекати поле.*

Украшающіе и постоянные эпитеты.

Въ отличіе отъ обыкновенныхъ опредѣлительныхъ, принято такіе эпитеты называть украшающими, такъ какъ они придаютъ слогу особую красоту. Изобиліе такихъ живописныхъ или украшающихъ эпитетовъ встрѣчается въ народномъ языкѣ—пѣсняхъ, сказкахъ; нѣкоторые эпитеты всегда находятся при извѣстныхъ словахъ, и потому

[1]) «Скупой рыцарь» Пушкина.

называются постоянными: *красно* солнышко, *свѣтелъ* мѣсяцъ, заря *алая*, звѣзды *частыя*, облако *ходячее*, море *синее*, мать-*земля сырая*, лѣсъ *дремучій*, медвѣдь *косолапый*, лиса-*кума*, *косой* заяцъ, *сѣрый* волкъ, сорока-*бѣлобока*, ласточка-*касаточка*, *сизый* голубь, змѣя *подколодная*, лягушка-*квакушка*, трава *шелковая*, пески *сыпучіе*, стрѣла-*пернатая*, лукъ-*самострѣлъ*, коверъ-*самолетъ*, сапоги-*самоходы*, саночки-*самокаточки*, гусли-*самогуды*, *добрый* молодецъ, *красна* дѣвица, подружки-*голубушки*, *златъ* вѣнецъ, свадьба *веселая*, гости *званые*, скатерти *браныя*, *зелено* вино, брага *хмѣльная-разымчивая*, благословеніе *родительское на-вѣки нерушимое*.

Такіе эпитеты или рисуютъ предметъ съ различныхъ сторонъ (*бѣлокаменный*, *златоглавый*, *широколиственный*, *долгогривый*, *бѣлобокій*), или характеризуютъ предметъ, показывая въ немъ существенное отличительное качество; напр., эпитетъ «мать-*земля сырая*» указываетъ на производительность земли,—необходимое для этого условіе—влажность («сырая»); эпитетомъ «*на — вѣки нерушимое*» высказывается взглядъ народа на *родительское благословеніе*, какъ на благодатную силу, которая даетъ брачному союзу крѣпость и жизни дѣтей прочное счастіе. Характеръ сказочной хитрой *лисы*, всѣмъ угождающей, вездѣ поспѣвающей, всѣхъ обирающей, какъ нельзя лучше изображается посредствомъ эпитета—«*кума*». Можно-ли къ *лягушкѣ* придумать удачнѣе и звучнѣе эпитета: «*квакушка*»? Или украшающіе эпитеты изображаютъ предметъ съ лучшей (идеальной) стороны; напр., эпитетъ «*добрый*», характеризуя *молодца*, рисуетъ нравственныя и тѣлесныя качества, желательныя для каждаго молодца: мужество, доброту сердца, силу, храбрость, здоровье. Эпитетъ «*красная*», въ приложеніи къ *дѣвицѣ*, указываетъ и на красоту ея (*кровь съ молокомъ*), здоровье, и красивый нарядъ, обыкновенно краснаго цвѣта, и нравственныя достоинства: скромность, стыдливость (зардѣлась, т. е. *покраснѣла*, какъ маковъ цвѣтъ»), такъ что эпитеты «*добрый*» (молодецъ) и «*красная*» (дѣвица) заключаютъ въ себѣ идеалъ, т. е. совокупность качествъ душевныхъ и тѣлесныхъ, которыя желательно видѣть въ каждомъ русскомъ юношѣ и дѣвушкѣ. Какой другой *лукъ* можетъ быть лучше *самострѣла*? Какіе *сапоги* желательнѣе *самоходовъ*, какія *саночки* сравнятся съ *самокаточками*, что «сами катятся, сами ѣхати хотятъ», по словамъ сказки?...

Сравненіе. Символы и эмблемы.

6) Сравненіе или уподобленіе—такой оборотъ, который всего болѣе способствуетъ изобразительности рѣчи.

Обыкновенно сравнивается мало извѣстный предметъ съ болѣе знакомымъ, отвлеченный съ вещественнымъ, неодушевленный съ одушевленнымъ.. Такимъ путемъ явились многочисленныя сравненія: гнѣва Божія *съ громомъ*, ученія *со свѣтомъ*, невѣжества *съ тьмою*, милости *съ солнцемъ*, воображенія *съ огнемъ* (*пламенное* воображеніе).

*

Въ обыденной рѣчи слышатся сравненія: „время летитъ *стрѣлой*“; „смиренъ, *какъ овца*“. Всѣ, такъ называемые символы и эмблемы суть не что иное, какъ сравненія: *кольцо*—символъ союза; *вѣнокъ*—славы; *змѣя*—лукавства; *голубь*—невинности; *ласточка*—любви и домовитости; *кукушка*—сиротства; *собака*—дружбы; *орелъ*—могущества. Большая часть пословицъ основана на сравненіи: „Ученье—*свѣтъ*, неученье—*тьма*“; „мірская молва, что *морская волна*“; „*дальше моря*, меньше горя“. Примѣры сравненій:

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце [1]).

«Божьи лампады—звѣздочки теплятся тихо» [2]).

Ходитъ плавно, что лебедушка,
Смотритъ сладко, какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ [3]).

Какъ солнце ясно на восходѣ
Весной природу всю живитъ,
Такъ добрый царь въ своемъ народѣ
Сердца приходомъ веселитъ [4]).

И въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь: такъ тяжкій млатъ,
Дробля стекло, куетъ булатъ [5]).

Имъ (матерямъ) не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей [6]).

Отрицательныя сравненія.

Въ народной поэзіи часто встрѣчаются отрицательныя сравненія.

Не былинушка въ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка,
Безпріютная головушка, молодецкая.

Не бѣлы то снѣги забѣлѣлись.
Забѣлѣлись каменны палаты..

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей,
За Волгой. ночью, вкругъ огней,
Удалыхъ шайка собиралась [7]).

Что не ласточка, не касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается,
Увивается тутъ родная матушка,
Она плачетъ. какъ рѣка льется... [8]).

---

[1]) Нар. пѣсня [2]) Жадовская. [3]) Лермонтовъ. [4]) Озеровъ. [5]) Пушкинъ. [6]) Некрасовъ. [7]) Пушкинъ. [8]) Нар. пѣсня.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла заслышавъ тяжкій летъ,
Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ [1]).

Цѣль отрицательныхъ сравненій—усиленіе впечатлѣнія въ душѣ читателя.

Сравненіе служитъ основой для переноса названій, или для троповъ (τρόπος—оборотъ). При чемъ свойства однихъ предметовъ обращаются или переносятся на другіе. Тропы.

Тропы бываютъ различны, смотря по тѣмъ основаніямъ, на которыхъ это перенесеніе свойствъ отъ одного предмета на другой совершается. Основаніемъ же въ этомъ случаѣ служатъ различныя отношенія между предметами: сходство, противоположность, причина и дѣйствіе, часть и цѣлое и т. д. Главнѣйшіе тропы суть: *метафора*, *метонимія*, *синекдоха*, *иронія*, *гипербола*.

Метафора (μεταφορὰ—перенесеніе)—такое выраженіе, въ которомъ, на основаніи сходства, приписываются предмету неодушевленному свойства существа одушевленнаго, отвлеченному предмету—качества вещественнаго; напр.: деревня *спитъ*, ручей *лепечетъ*, ландышъ *киваетъ головой*, буря *воетъ*. Метафора.

Настали святки... то то радость!..
Гадаетъ вѣтреная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима;
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: *надежда* имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ

Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года [2]).

Метафора переходитъ въ аллегорію (ἀλληγορία—иносказаніе), когда переносъ распространяется на цѣлую мысль или рядъ мыслей, почему аллегорію и называютъ распространенною метафорой. Аллегорія.

Примѣромъ аллегоріи могутъ служить многія пословицы, напр.: «по одёжкѣ протягивай ножки», «не въ свои сани не садись», «конь о четырехъ ногахъ—спотыкается», «не плюй въ колодезь, придется водицы напиться». Всѣ басни—не что иное, какъ аллегорическіе разсказы, гдѣ мысль выражается иносказательно: такъ въ баснѣ Крылова «Пушки и Паруса» государство изображается въ видѣ корабля, на которомъ подъ *пушками* должно разумѣть военное сословіе, а подъ *парусами*—гражданскія власти; беззаботность, въ баснѣ «Стрекоза и Муравей», представлена въ образѣ *стрекозы;*

[1]) Пушкинъ. [2]) Пушкинъ.

положеніе Наполеона въ Россіи—въ видѣ *волка*, очутившагося *на псарнѣ* невѣжественный цѣнитель искусства—въ видѣ *осла*, который судитъ *соловья*, и пр. Лермонтовъ рисуетъ человѣка неспокойнаго, ищущаго въ опасностяхъ сильныхъ ощущеній, въ видѣ «*паруса*, просящаго бури»; отзывчивость поэта у Пушкина представлена въ образѣ «*эхо*, рождающаго свой откликъ на всякій звукъ»... Вотъ аллегорическое изображеніе *дружбы*:

«Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ во прахѣ дубъ,
Перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ,
Кругомъ его обвитый.
О, дружба! Это ты!»

Примѣрами аллегорій могутъ служить евангельскія притчи: о добромъ сѣятелѣ, виноградникѣ, жатвѣ, бисерѣ многоцѣнномъ, овцѣ погибшей, о талантѣ и др.

Олицетвореніе.

Къ метафорѣ должно отнести олицетвореніе, или прозопопэю, (προσωποποιία), когда отвлеченному предмету придается человѣческій образъ. Статуи античнаго міра, изображающія мудрость, искусство, красоту, плодородіе, войну: *Церера* (*плодородіе*), съ серпомъ въ рукахъ, и съ кошницей, полной плодовъ на головѣ, *Минерва* съ совой у ногъ (*наука*), *Паллада* (*война*) въ полномъ вооруженіи, *Музы* (*искусства*) съ лирами и цѣвницами,—украшеніе музеевъ и дворцовъ,—*все это изъ мрамора высѣченныя прозопопеи. Москва* олицетворяется въ видѣ *порфироносной вдовы*:

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова [1]).

Смерть—въ видѣ *скелета* съ косою:

И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...
Глядитъ на всѣхъ: и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры,
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны—
И... точитъ лезвее косы... [2])

Морозъ въ образѣ *воеводы*:

Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Идетъ—по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ... [3])

Вотъ олицетвореніе *Спеси*:

Ходитъ Спесь, надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь,
Ростомъ-то Спесь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
А и зашель бы Спесь къ отцу къ матери,
Да ворота некрашены!
А и помолился бы Спесь въ церкви Божіей,
Да полъ не метенъ!
Идетъ Спесь, видитъ: на небѣ радуга,—
Повернулъ Спесь въ другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися [3]).

---

[1]) Пушкинъ. [2]) Державинъ. [3]) А. Толстой.

Бѣдность олицетворяется поэтомъ въ образѣ *горемычной сироты*:

Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота, стыдомъ убитая,
Къ богачу придешь—въ углу стоишь,
Безпривѣтная, забытая.
Ты плывешь—куда водой несетъ,
Стороной бредешь—гдѣ путь дадутъ,
Просишь солнышка—гроза идетъ,
Скажешь правду—силой ротъ зажмутъ.
Вѣкъ ты мучишься, да маешься,
Все на сердцѣ грусть великая,
Съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься,—
На могилкѣ травка дикая... [1])

в) Иронія ('Ειρωνεία—насмѣшка). Сущность ея—въ сопоставленіи двухъ совершенно противоположныхъ понятій, когда, напр., бездѣльника называютъ *дѣльцомъ*, дурака—*мудрецомъ* или *философомъ*, малаго ростомъ—*великаномъ*, безсильнаго—*силачемъ*. Иронія.

«Ты все пѣла?—*это дѣло!...*
Такъ поди же попляши!»

говоритъ муравей голодной и холодной стрекозѣ.

«Отколѣ *умная* бредешь ты *голова?*»

ослу въ баснѣ говоритъ лиса.

О глупомъ Метафизикѣ, упавшемъ въ яму, говорится въ баснѣ:

«Отецъ скорѣе бросился веревку принести,
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести».

Ѣдкая, злобная насмѣшка называется сарказмомъ.

«Я за то тебя, дѣтинушка, *пожалую*
Среди поля *хоромами высокими*—
Что съ двумя столбами съ перекладиной» [2]).

Въ драмѣ „Борисъ Годуновъ" Марина съ сарказмомъ говоритъ Самозванцу, когда тотъ открылъ ей свое нецарское происхожденіе и клялся, что никому больше не откроетъ тайны:

«Клянешься ты, и такъ должна я вѣрить...
О, вѣрю я! Но чѣмъ, нельзя-ль узнать,
Клянешься ты! *Не именемъ-ли Бога,*
Какъ набожный пріемышъ езуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный,
Иль, можетъ быть, единымъ *царскимъ словомъ,*
Какъ царскій сынъ?...»

Царедворецъ объ избраніи Бориса Годунова въ цари:

«Какая *честь* для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ—
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха»... [3])

Разсыпай же, зима, до весны золотой
Серебро по полямъ нашей Руси святой!

---

[1] Никитинъ. [2]) Народная пѣсня. [3]) «*Борисъ Годуновъ*» Пушкинъ.

И случится-ли: къ намъ гость незванный придетъ
И за наше добро съ нами споръ заведетъ,—
Ужъ прими ты его на сторонкѣ чужой:
Хмѣльный пиръ приготовь, гостю пѣсню пропой,
Для постели его бѣлой пухъ припаси
И мятелью засыпь его слѣдъ на Руси! [1])

Метонимія. Метонимія (μετωνυμία — перемѣна имени) — употребленіе слова въ несобственномъ значеніи, на основаніи взаимнаго отношенія между понятіями. Отношенія эти слѣдующія: а) причина вмѣсто дѣйствія: „кто не читалъ *Пушкина*?“ (т. е. его сочиненій): б) признакъ вмѣсто самого предмета или дѣйствія, напр.: „*извлечь мечъ*“ (начать войну); „водрузить *знамя* на стѣнѣ крѣпости“ (овладѣть крѣпостью); „всѣ *флаги* (вмѣсто корабли) будутъ въ гости къ намъ“; „запахло *порохомъ*“ (заговорили о войнѣ): „*выбѣлимъ желѣзо* о сырую землю“ (т. е. вспашемъ); „заблеститъ здѣсь *серпъ* нашъ, зазвенятъ здѣсь *косы*“ (будемъ жать и косить): в) собственное имя вмѣсто нарицательнаго: такъ, сильнаго человѣка называютъ *Геркулесомъ*, богатаго—*Крезомъ*, скупого—*Кощеемъ*, плута—*Чичиковымъ*, проходимца—*Хлестаковымъ*, самодура—*Титъ Титычемъ*: г) орудіе вмѣсто дѣйствующаго лица, или дѣйствія:

«И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышетъ...» [2])

д) вещество вмѣсто сдѣланнаго изъ него орудія: „блисталъ *булатъ*“, т. е. штыки и сабли.

«Не то *на серебрѣ, на золотѣ* ѣдалъ» [3]).

(т. е. на серебряныхъ или золотыхъ тарелкахъ).

Синекдоха. Синекдоха (συνεκδοχή—сближеніе, догадка) состоитъ въ замѣнѣ одного значенія другимъ по объему, напр., употребляютъ:

а) часть вмѣсто цѣлаго и наоборотъ:

«Бѣлѣетъ *парусъ* одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ».

(т. е. корабль).

«Ужъ постоимъ мы *головою*
За родину свою».

(т. е. жизнью);

б) содержащее вмѣсто содержимаго, напр., „*вся Москва* (т. е. жители ея) выѣхала“; „*я три тарелки* (т. е. уху въ тарелкѣ) съѣлъ“; в) единственное вмѣсто множественнаго и наоборотъ:

---

[1]) Никитинъ. [2]) А. Толстой. [3]) Грибоѣдовъ.

«И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ *французъ*». [1])

т. е. французская армія на Бородинскомъ полѣ предъ сраженіемъ.

«Русскіе сражались *съ Наполеономъ*»

т.е. съ арміей его.

«Можетъ собственныхъ *Платоновъ*
И быстрыхъ разумовъ *Невтоновъ*
Россійская земля рождать» [2]).

Народныя выраженія: *„мужикъ-кулакъ“*, *„парень-ухо“*— синекдоха. О послѣднемъ выраженіи Гоголь говоритъ: „это названіе дается такому человѣку, въ которомъ всѣ жилки говорятъ, который мигъ не постоитъ безъ дѣла, всегда спѣшащій и вездѣ поспѣвающій“. Гипербола ('Υπερβολή—преувеличеніе) есть преувеличеніе или уменьшеніе предметовъ сверхъ естественныхъ границъ, напр.: „слезы льются *градомъ*“, „глаза метали *молніи*“, или: „кровь *застыла въ жилахъ*“, „пьяному—*по колѣно море*“. „Я, чай, подумалъ ты, что *гору* (слона въ кунтскамерѣ) встрѣтилъ?“ Народное шутливое слово *о рѣпѣ*: „Была рѣпа важная, дивилась старуха каждая! Однимъ днемъ не обойдешь кругомъ... У той рѣпы половину мы съ семьей цѣлую недѣлю ѣли, а другую половину—другую недѣлю; корку навалили, да лошадь надсадили и телѣгу обломили“ [3]). Изображеніе *богатыря* въ былинахъ: „Между плечъ косая сажень, между глазъ калена стрѣла, ростомъ выше лѣса стоячаго, чуть пониже облака ходячаго; палица у него во сто пудъ“. Гипербола.

Державинъ о Суворовѣ:

«Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—бездны кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ».

«Да! если-бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ;
То былъ-бы вновь потопъ.—Я захлебнулся-бъ
Въ своихъ подвалахъ вѣрныхъ» [4]).

Примѣры чрезмѣрнаго уменьшенія: „мальчикъ *съ пальчикъ*“, „мужичекъ *съ ноготокъ*“, о которыхъ разсказывается въ сказкахъ; въ обыкновенномъ разговорѣ выражаются: *„легче пуху“*, *„буря въ стаканѣ воды“*; или о низкомъ ростѣ говорятъ: *„отъ*

---

[1]) Лермонтовъ. [2]) Ломоносовъ. [3]) «*Сказанія русскаго народа*» Сахарова. [4]) Пушкинъ.

земли не видать", о скромномъ человѣкѣ—„*воды не замутитъ*", или о лѣнивомъ—„*палецъ о палецъ не ударитъ*" и проч.

Всѣ вышесказанные обороты рѣчи, отступающіе отъ обыкновеннаго, принято называть фигуральными, или фигурами (figura—изображеніе).

Замѣчаніе объ употребленіи троповъ и фигуръ.

Всѣ таковыя фигуры только тогда составляютъ красоту слога, когда непринужденны. Хорошъ всякій образъ, когда онъ является въ рѣчи, вызываемый *самою мыслію пишущаго*, когда онъ служитъ отголоскомъ искренняго чувства. Иначе стремленіе къ образамъ сдѣлается простымъ фразерствомъ, наборомъ словъ, вмѣсто уясненія, затемняющимъ мысль. Надо всегда помнить, что существенное достоинство сочиненія заключается въ его *содержаніи*: свѣтлая мысль, истинное глубокое чувство и одушевленіе всегда найдутъ для себя настоящее выраженіе.

Слѣдовательно, первою заботой сочинителя должно быть содержаніе его произведеній, такъ какъ только сила мысли и искренности чувства сообщаютъ слогу убѣдительность и красоту.

II Музыкальность рѣчи.

Музыкальность слога состоитъ въ пріятномъ для слуха и легкомъ для произношенія построеніи рѣчи.

Нашъ отечественный языкъ въ музыкальномъ отношеніи признается первымъ въ мірѣ и даетъ писателю полную возможность дѣлать свой слогъ благозвучнымъ— такимъ, что, посредствомъ подбора словъ, расположенія предложеній, мысль не только становится понятною уму, но ощущается слухомъ. Слова: *пѣтухъ*, *грачъ*, *кукушка*, *тихоходъ*, *оханье (охъ)*, *стонъ*, *жужжанье*, *скрежетъ*, *трескъ*, *звонкій*, *гулкій*, *ни-гугу*, *клокотать*, *дребезжать*, *шипѣть* и др., — представляютъ полную гармонію между звукомъ и обозначеннымъ предметомъ. Наши народныя поговорки, пословицы: «*Слово-олово*», «*Какъ аукнется, такъ и откликнется*», «*Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится*», «*Что написано перомъ, не вырубишь топоромъ*», «*Тише ѣдешь, дальше будешь*» и др. самымъ подборомъ звуковъ рисуютъ мысль. Въ неоднократномъ повтореніи звуковъ: гласнаго *о* и плавнаго *л* («*слово-олово*») слышится мягкость, тягучесть сравниваемыхъ между собою предметовъ: *олова* и *слова*. Мягкое, податливое слово, по смыслу пословицы, разъ сказанное, данное, должно быть вѣрно («*рцы слово твердо*»), твёрдо, надежно, подобно олову, которое также способно растопиться, но, принявъ отъ мастера извѣстную форму, отвердѣетъ навсегда. Такимъ образомъ смыслу пословицы: *будь твердъ въ своемъ словѣ*, народнымъ геніемъ дано гармоническое выраженіе. Въ пословицѣ: «*Какъ*

аукнется, такъ и откликнется» звуками изображается цѣлая сцена: предъ нами рисуется темный лѣсъ... слышатся въ чащѣ перекликающіеся голоса собирающихъ ягоды или грибы... Музыкальная живопись пословицы: *«громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится»* очевидна. Въ пословицѣ: *«тише ѣдешь, дальше будешь»* преобладаніе глухихъ звуковъ *т*, *д* и четырехкратное повтореніе шипящей *ш* рисуетъ *тишину* и *медлительность движенія*. Напротивъ пословица: *«что написано перомъ, не вырубишь топоромъ»* звенитъ въ ушахъ, по причинѣ господствующаго звука *р* (пе*р*омъ, *р*убишь, топо*р*омъ).

Въ произведеніяхъ нашихъ писателей есть замѣчательные примѣры музыкальности слога. «На вѣтвяхъ деревьевъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ; токуютъ глухіе и пестрые тетерева; пищатъ рябчики; хрипятъ вальдшнепы; воркуютъ, каждый по своему, всѣ породы дикихъ голубей; взвизгиваютъ и чекаютъ дрозды; заунывно, мелодически перекликаются иволги; стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя дерево, разноперые дятлы; трубятъ желны; трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски, — и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ» [1]). Какой гармоніи полно описаніе Днѣпра Гоголя! Какая чувствуется *тишина* и *гладь рѣки* въ слѣдующемъ мѣстѣ: «Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ, глядишь и не знаешь, идетъ или нейдетъ его величивая ширина, и чудится, будто весь онъ вылитъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру». Противоположная картина Днѣпра *въ бурю*: «Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, переливаясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ—страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы *гремятъ*, *ударяясь о горы*, и съ блескомъ и *стономъ* отбѣгаютъ назадъ и *плачутъ* и *заливаются* вдали...» Здѣсь въ каждомъ звукѣ слышится свистъ бури, шумъ непогоды, плесканья водныхъ холмовъ на *взволнованной* рѣкѣ.

Соловей *поэтъ у Крылова:*

Защёлкалъ, засвисталъ..
На тысячу ладовъ тянулъ, переливался:
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.

Въ слѣдующихъ стихахъ *картина боя*, нарисованная звуками:

Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій, колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ! [2]).

---

[1]) Аксаковъ. [2]) Пушкинъ.

Мѣрная рѣчь.

Высшаго благозвучія и музыкальности достигаетъ мѣрная, или стихотворная, рѣчь, составляющая исключительную принадлежность поэтическихъ произведеній. Стихотворная рѣчь отличается особою выразительностью, а потому называется *языкомъ поэзіи*, „языкомъ боговъ“ и служитъ по преимуществу выраженіемъ высокаго творчества. Псалмы, церковные гимны, молитвы, пѣсни всегда слагались въ мѣрную рѣчь и сопровождались музыкой.

Происхожденіе мѣрной рѣчи и связь ея съ музыкой.

Стремленіе человѣческой рѣчи къ стихотворному размѣру, наравнѣ съ любовью къ пѣнію, музыкѣ, скрыто въ тайнѣ природы величайшаго изъ даровъ Творца человѣку—слова, и проявляется у каждаго народа какъ на первыхъ порахъ его исторической жизни, такъ и въ періодахъ полнаго расцвѣта образованности. Первыя проявленія народнаго творчества—*пѣсни*, *былины* обыкновенно слагались въ мѣрную рѣчь и „распѣвались“, т. е. превращались въ естественную музыку, которая исполнялась или одними только голосами (въ хорахъ), или пѣвалась подъ „гуслярный звонъ“, т. е. въ сопровожденіи гуслей, свирѣли, бандуры, какъ это дѣлается и теперь сказателями былинъ и бандуристами. „Баянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити... не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но свои вѣщіе персты на живыя струны складаше; они же сами княземъ славу рокотаху“, говорится въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

Чувство любви народа къ мѣрной рѣчи сказывается и въ пословицахъ: „Безъ Бога ни до порога“; „На чужой каравай рта не раззѣвай!“ „По одежкѣ протягивай ножки!“ „До Бога высоко, до Царя далеко!“ „Хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь“; „Какъ аукнется, такъ и откликнется“; „Что написано перомъ, не вырубишь топоромъ“.

Встарину музыка и поэзія, пѣвецъ и поэтъ были нераздѣльны: слово „*пою*“ употреблялось въ значеніи „составляю стихотвореніе“. Лира и поэзія—родныя сестры: *лира*—музыкальный инструментъ—и по днесь служитъ эмблемой *поэзіи*; богиня поэзіи, какъ и музыки, изображается съ лирой или со свирѣлью въ рукахъ.

«Ты (муза—богиня поэзіи), дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила *свирѣль*,
Которую сама заворожила».

сказалъ Пушкинъ о своемъ раннемъ поэтическомъ призваніи.

Стихосложеніе.

Стихосложеніе или версификація (versus — стихъ, facio—дѣлаю) есть ученіе о стихѣ (στίχος—стихъ, строка), или мѣрной рѣчи. Понятіе о стихосложеніи.

Стихосложеніе основано на удареніяхъ, т. е. повышеніи и пониженіи голоса. Ударенія бываютъ двоякаго рода: логическое и грамматическое. Логическимъ удареніемъ называется повышеніе голоса на одномъ изъ словъ рѣчи, смотря по смыслу, напр. рѣчь: „ты былъ здѣсь“ можетъ имѣть три различныя ударенія и вмѣстѣ съ тѣмъ три различныхъ смысла: *ты* (или кто-нибудь другой) былъ здѣсь? ты *былъ* (или не былъ) здѣсь? ты былъ *здѣсь* (или въ другомъ мѣстѣ)? Грамматическимъ удареніемъ называется повышеніе голоса на одномъ изъ слоговъ въ каждомъ словѣ, напр. *нѐбо, Вóлга, рѣка̀, долѝна, тишина̀* и пр. По причинѣ двоякаго ударенія и стихосложеніе бываетъ двоякое: народное, которое основано на логическихъ удареніяхъ и существуетъ въ народной поэзіи, и литературное, основанное на грамматическихъ удареніяхъ и принятое въ поэзіи искусственной.

Народный стихъ состоитъ изъ опредѣленнаго числа удареній, независимо отъ числа слоговъ, такъ что, при чтеніи, на однихъ словахъ голосъ повышается, а на другихъ понижается. Народные стихи бываютъ въ одинъ, два и три ударенія; напр.: Народное стихосложеніе.

Съ однимъ удареніемъ:

Мимо са́да
Мимо зѐленаго

Летѣлъ гòлубь
Со голу́бицею.

Съ двумя:

Внизъ по мàтушкѣ, по Вòлгѣ,
По широ̀кому раздо̀лью
Взволнова̀лася погòда.

Съ тремя:

Лучѝна, лучѝнушка берѐзовая!
Что̀ же ты, лучѝнушка,
Не я́сно горѝшь, не вспы́хиваешь?

Орѐтъ въ полѣ ра̀тай, пону́киваетъ,
Со̀шка у ра̀тая поскрѝпываетъ,
Омѣ̀шики по ка̀мешкамъ почѐркиваютъ.

До введенія Ломоносовымъ стихосложенія, общепринятаго теперь, былъ у насъ въ литературѣ силлабическій стихъ. Стихосложеніе литературное.

Силлабическое.

Силлабическій (syllaba—слогъ) размѣръ основанъ на одинаковомъ количествѣ слоговъ въ каждомъ стихѣ, отъ 4—13, слѣдовательно не имѣетъ стопъ и свойственъ языкамъ съ *неподвижнымъ удареніемъ*, т. е. всегда находящимся на одномъ опредѣленномъ слогѣ слова (напр., удареніе во французскомъ языкѣ на послѣднемъ слогѣ, въ польскомъ—на предпослѣднемъ).

Правила силлабическаго стихосложенія.

Главныя правила силлабическаго стихосложенія: а) каждый стихъ содержитъ въ себѣ нечетное число слоговъ и риѳмуется съ ближайшимъ стихомъ; б) стихи многосложные (11—13 стиховъ) имѣютъ въ срединѣ пересѣченіе, или *цезуру* (о цезурѣ см. ниже). Примѣръ улучшенныхъ силлабическихъ стиховъ находимъ въ сатирахъ Кантеміра († 1744 г.) [1]), напр.:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, || кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, || отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, || а топчетъ надежну
Стезю добродѣтели, || къ концу неизбѣжну.

Тяжелый и однообразный, силлабическій размѣръ, совершенно противный природѣ нашего языка, отличающагося свободой и разно-

---

[1]) Силлабическое стихосложеніе въ правильномъ видѣ введено у насъ въ XVII столѣтіи и усовершенствовано Кантеміромъ. Но еще раньше, въ XVI в., у насъ были въ употребленіи *вирши*, стихи безъ опредѣленнаго числа слоговъ и удареній, но съ риѳмами, кои ставились безъ разбора, иногда за риѳму принималась одинаковость гласныхъ буквъ (славъ, похвалъ, веселіи, ученіи). До сихъ поръ плохіе стихи называются обыкновенно этимъ именемъ. Виршами излагались народныя притчи, писались псалмы (стихи религіознаго содержанія), мистеріи или духовныя драмы и даже учебныя книги.

Вотъ предисловіе, въ виршахъ изложенное, къ одному старинному букварю:

Сія зримая малая книжица
По реченному алфавитица,
Напечатана бысть по царскому велѣнію,
Вамъ, малымъ дѣтямъ, къ поученію;
Ты же, благоумное дитя, внимай
И отъ нижнія ступени до вышнія возступай,
И не лѣностнѣ и нерадивѣ учися
И дидаскала (учителя) своего всегда блюдися

Слѣдующими виршами «Блудный сынъ»—дѣйствующее лицо въ мистеріи этого же названія, сочиненной Симеономъ Полоцкимъ,—выражаетъ свое раскаяніе отцу:

Отселѣ хощу пребывати,
Въ послушаніи себя подчиняти.
Познахъ бо нынѣ юность дурность быти,
Аще кто хочетъ безъ науки жити.

Псалтирь, переложенный Симеономъ Полоцкимъ, начинается стихами:

Блаженъ мужъ ко злымъ въ совѣтъ не вхождаше.
Ниже на пути грѣшныхъ человѣкъ стояще,
Ниже на сѣдалищахъ восхотѣ сидѣти
Тѣхъ, иже не желаютъ Бога разумѣти.

образіемъ словоудареній, сковывалъ плавное теченіе русской рѣчи, въ угоду чуждой и случайно навязанной ему версификаціи. Изгнаніемъ силлабическаго стихосложенія и замѣною его другимъ мы обязаны Ломоносову, который, съ свойственнымъ его генію чутьемъ, ввелъ новое стихосложеніе—*тоническое*, близко подходящее къ нашему народному [1]).

Литературное, теперешнее стихосложеніе заимствовано изъ нѣмецкой литературы. Основаніемъ его служатъ высокіе и низкіе слоги въ словахъ (грамматическое удареніе).

Каждый высокій слогъ съ принадлежащими ему низкими образуетъ стопу, которая въ стихѣ то же, что тактъ въ музыкѣ. Въ стихѣ: Стопа.

«Востòргъ | внезà | пный ýмъ | плѣнѝлъ».

четыре стопы, такъ какъ стихъ дѣлится на четыре части, по числу высокихъ слоговъ. При этомъ должно замѣтить, что, при составленіи стопы, естественное удареніе въ словахъ часто не совпадаетъ съ стихотворнымъ или просодическимъ, а потому слова, составляющія стихъ, могутъ или каждое образовать собою отдѣльную стопу, которая въ этомъ случаѣ можетъ называться естественною, напр.:

Бýря | мглòю | нѐбо | крòетъ,

или разрываться для образованія исскусственной стопы:

Птѝчка | Бòжі | я́ не | знáетъ
Нѝ за | бòты | нѝ тру | дà,
Хлòпот | лѝво | нѐ сви | вáетъ
Дòлго | вѣчна | гò гнѣз | дà.

Стопы бываютъ двухсложныя: *хорей, ямбъ;* и трехсложныя: *дактиль, амфибрахій, анапестъ.*

Хорей (— ⏑ *Бу-ря*)—стопа изъ двухъ слоговъ съ удареніемъ на первомъ. Двухсложныя стопы.

---

[1]) Вотъ начало оды «*На взятіе Хотина*», присланной Ломоносовымъ изъ Германіи въ 1739 г. Это былъ первый опытъ литературнаго стихосложенія:

Востóргъ | внезá | пный ýмъ | плѣнѝлъ,
Ведéтъ | на вéрхъ | горы́ | высó | кой,
Гдѣ вѣтръ | въ лѣсàхъ | шумѣть | забы́лъ
Въ долѝ | нѣ ти | шины́ | глубó | кой.
Внимá | я нѣч | то, клю́чъ | молчѝтъ,
Котó | рый зà | всегдá | журчѝтъ
И съ шý | момъ внѝзъ | съ холмóвъ | стремѝт | ся,
Лавро́ | вы вью́т | ся тáмъ | вѣнцы́,
Тамъ слýхъ | спѣшѝтъ | во всѣ | концы́,
Далé | че ды́мъ | въ поля́хъ | курѝт | ся.

Бўря̆ | мглоо̆ | нёбо̆ | кроётъ | ,
Вйхрй | снѣжи | ы̆ё крў | тя̆.
То̆ кӑкъ | звѣрь о̆ | пӑ зӑ | воётъ | ,
То̆ зӑ | плачётъ, | кӑкъ | дй | тя̆.

Ямбъ (⏑ – *Зй-мӑ*) стопа изъ двухъ слоговъ съ удареніемъ на второмъ.

Зимӑ. | Крёстья̆ | нинъ, то̆р | жёствуя,
Нӑ дро̆ | вняхъ о̆б | но̆вля̆ | ётъ пўть. |
Его̆ | ло̆шӑ | дкӑ, снѣгъ | по̆чўя,
Плётё | тся̆ ры̆ | сью̆ кӑкъ- | нибўдь. |

Трехсложныя стопы.

Дактиль (– ⏑ ⏑ *Стрӑ-нни-кй*) стопа изъ трехъ слоговъ съ ударяніемъ на первомъ.

Тўчкй нё | бёсны̆я, | вѣчны̆ё | страннкй!
Стёпью̆ лӑ | зўрно̆ю, | цёпью̆ жём | чўжно̆ю
Мчйтёсь вы̆, | бўдто̆ кӑкъ | я̆ жё, из | гнанники
Съ мйлӑго | сѣвёрӑ | въ сто̆ронў | южнўю.

Амфибрахій (⏑ – ⏑ *Нё-сё-тся̆*) стопа изъ трехъ слоговъ съ удареніемъ на второмъ.

По̆ синймъ | во̆лнӑмъ о̆ | кёанӑ | ,
Лйшь звѣзды̆ | блёснўтъ въ нё | бёсӑхъ | ,
Корӑбль о̆ | дино̆кій | нёсётся̆ | ,
Нёсётся̆ | нӑ всѣхъ пӑ | рўсӑхъ.

Анапестъ (⏑ ⏑ – *Бро-дёр-сто̆нъ*) стопа изъ трехъ слоговъ съ удареніемъ на третьемъ.

До̆ рӑзвѣ | тӑ по̆дня̆в | шйсь, ко̆ня̆ | о̆сѣдлӑлъ
Блӑго̆ро̆ | дны̆й Смӑльго̆ | льмскій бӑро̆нъ |
Й бёзъ о̆т | ды̆хӑ гнӑлъ | мёжъ ўтё | со̆въ й скӑлъ |
О̆нъ ко̆ня̆ | то̆ро̆пя̆сь | въ Бро̆дёрсто̆нъ | [1]).

Гекзаметръ.

Пять названныхъ стопъ могутъ соединяться между собою; очевидно соединяются стопы однородныя: хорей съ дактилемъ, ямбъ съ анапестомъ. Шестистопный дактило-хореическій стихъ называется гекзаметромъ (ἑξ-μέτρον). Въ немъ пятая стопа дактиль, шестая хорей, остальныя то дактили, то хореи:

Гнѣвъ, бо̆ | гиня̆, во̆с | по̆й Ӑхйл | лёсӑ Пё | лёёвӑ | сынӑ,
Гро̆зны̆й ко̆ | то̆ры̆й Ӑ | хёйцӑмъ нӑ | нёсъ нёйс | чётны̆я | бёдствӑ |.[1])

Риѳмованные стихи.

Много звучности придаютъ стиху риѳмы или, по старинному, „*краесогласія*“, т. е. созвучныя окончанія. Стремленіе къ такимъ созвучіямъ объясняется врожденнымъ человѣку чувствомъ

[1]) Жуковскій. [2]) Гнѣдичъ.

любви къ гармоніи, которое замѣчаемъ въ народныхъ пословицахъ, напр.: „Безъ *Бога* ни до *порога*“: „Мол*иться* всегда пригод*ится*“. „Гдѣ хлѣба *край*, тамъ подъ кустомъ *рай*“.

Мужская и женская риѳмы.

Риѳма съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ называется мужскою: *дѐнь—тѣнь, печа́ль—да̀ль,* и женскою, если удареніе на второмъ отъ конца слогѣ: *ни́ва—сли́ва; ра̀дость—мла̀дость; души́стый—серебри́стый.* При выборѣ риѳмъ, важно не правописаніе, а произношеніе словъ; напр.: мчи*тся*—пти*ца*, *ея—мое.* Чѣмъ въ большемъ числѣ слоговъ созвучіе, тѣмъ риѳма богаче, напр.: *волнъ—полнъ, по калачу—поколочу, не подъ дождѐмъ*—и *подождѐмъ*,—риѳмы богатыя.

Въ стихахъ риѳмы мужскія и женскія обыкновенно чередуются между собою:

По дорогѣ зимней *скучной* (ж.)
Тройка борзая *бѣжитъ*, (м.)
Колокольчикъ *однозвучный* (ж.)
Утомительно *звенитъ*. (м.)

Но иногда помѣщаются рядомъ однородныя риѳмы:

Послѣдняя туча разсѣянной *бури*! (ж.)
Одна ты несешься по ясной *лазури*, (ж.)
Одна ты наводишь унылую *тѣнь*, (м.)
Одна ты печалишь ликующій *день*. (м.) (1)

Есть стихотворенія съ одними мужскими риѳмами:

Лицо свое скрываетъ *день;*
Поля покрыла мрачна *ночь;*
Взошла на горы чорна *тѣнь,*
Лучи отъ насъ сокрылись *прочь;*
Открылась бездна звѣздъ *полна:*
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ--*дна* (2).

Или одними женскими:

Тускло мѣсяцъ *дальній*
Свѣтитъ сквозь *туманы,*
И лежатъ *печально*
Снѣжныя *поляны.*
Бѣлыя съ *мороза,*
Вдоль пути *рядами*
Тянутся *березы*
Съ бѣлыми *сучками.*

Бѣлые стихи.

Стихи безъ риѳмъ называются бѣлыми, въ отличіе отъ риѳмованныхъ, которые назывались красными, такъ какъ риѳмы встарину печатались красною краскою:

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра, -
Какъ пламя молитвы.
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна! (3)

Смѣшанные стихи.

Иногда соединяются риѳмованные стихи съ бѣлыми, напр.:

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ *въ небесахъ*,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ *парусахъ*. (4)

Вольные стихи.

Стихи, не одинаковые по количеству стопъ, называются вольными; напр.:

---

1) Пушкинъ. 2) Ломоносовъ. 3) Кольцовъ. 4) Лермонтовъ.

Дóлъ тумáненъ, вóздухъ сы́ръ, Грýстно смóтритъ тýсклый мíръ,
Тýча нéбо крóетъ, Грýстно вѣтеръ вóетъ.

Цезурой (caesura—сѣченіе) называется раздѣленіе стиха на двѣ половины для болѣе удобнаго произношенія многостопныхъ стиховъ:

По нивѣ прохожу я || узкою межой,
Поросшей кашкою || и цѣпкой лебедой.

Стихи раздѣляются на строфы, куплеты.

Строфа. Строфой [1]) называется отдѣлъ въ стихотвореніи или стихотворный періодъ, состоящій изъ четырехъ, шести и болѣе стиховъ. Подобно обыкновеннымъ періодамъ, строфы представляютъ собою, какъ въ риѳмическомъ, такъ и въ логическомъ отношеніи, нѣчто цѣлое и законченное, напр., слѣдующія строфы имѣютъ форму выдержанныхъ періодовъ:

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія Въ очахъ людей читаю я
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка, Страницы злобы и порока [2]).

И хоть безчувственному тѣлу Но ближе къ милому предѣлу
Равно повсюду истлѣвать, Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать [3]).

Строфа изъ восьми стиховъ называется октавой (octavus—восьмой), гдѣ въ первыхъ шести стихахъ три черезъ стихъ имѣютъ одну риѳму, а другіе три—другую; послѣдніе же два стиха риѳмуются отдѣльно.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

Куплеты. Отдѣлы въ пѣсняхъ и романсахъ, иногда съ припѣвомъ, называются куплетами.

Сонетъ. Стихотвореніе, состоящее изъ 14 стиховъ, раздѣленныхъ на четыре строфы, изъ которыхъ первыя двѣ имѣютъ по 4 стиха, а послѣднія двѣ—по два, называется сонетомъ. (См. Приложен.).

Разнообразіе русскаго стиха. Стихотворная рѣчь нашихъ поэтовъ необыкновенно благозвучна и отличается разнообразіемъ ритмическихъ построеній, что даетъ

---

[1]) Строфой (греч. στροφή—оборотъ) называлась та часть пѣсни, которую пѣлъ хоръ при круговомъ движеніи, идя съ правой стороны на лѣвую. [2]) Лермонтовъ. [3]) Пушкинъ.

возможность передавать всѣ оттѣнки мысли и чувства. Вотъ слова Гоголя: «Не знаю, въ какой другой литературѣ показали стихотворцы такое безконечное разнообразіе оттѣнковъ звука, чему отчасти, разумѣется, способствовалъ самъ поэтическій языкъ нашъ. У каждаго свой стихъ и свой особенный звонъ... Всѣ они, точно разнозвонные колокола или безчисленныя клавиши одного великолѣпнаго органа, разнесли благозвучіе по русской землѣ. Благозвучіе не такое пустое дѣло, какъ думаютъ тѣ, которые незнакомы съ поэзіей. Подъ благозвучіе, какъ подъ колыбельную прекрасную пѣсню матери, убаюкивается народъ-младенецъ еще прежде, нежели можетъ входить въ значеніе словъ самой пѣсни, и нечувствительно, сами собой, стихаютъ и умираютъ его дикія страсти. Оно также бываетъ нужно, какъ во храмѣ куренье кадильное, которое уже невидимо настроитъ душу къ слушанію чего-то лучшаго еще прежде, нежели началось самое служеніе. Поэзія наша пробовала всѣ аккорды, воспитывалась литературами всѣхъ народовъ, прислушивалась къ лирамъ всѣхъ поэтовъ, добывала какой-то всеміровой языкъ—затѣмъ, чтобы приготовить всѣхъ къ слушанію» [1]).

ЧАСТНАЯ ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

О РОДАХЪ И ВИДАХЪ СЛОВЕСНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

„Стихъ и проза не различаютъ историка (прозаика) съ піитомъ, ибо хотя Геродотова исторія и стихами будетъ сочинена, однако она всегда будетъ, какъ и прежде, исторіею. Но симъ они между собою разнятся: что историкъ дѣянія, какъ были, а піитъ, какъ оныя быть могли,—предлагаетъ“.

Тредіаковскій.

Проза и поэзія.

Всѣ словесныя произведенія дѣлятся на два рода: прозу и поэзію.

Прозой [2]), или прозаическими, называются тѣ словесныя произведенія, содержаніемъ коихъ служитъ вѣрное изображеніе дѣйствительной жизни (реальной).

Точность въ передачѣ явленій жизни и природы—главнѣйшее достоинство прозаическихъ сочиненій. Цѣль ихъ—сообщеніе вѣрныхъ знаній. Главная дѣйствующая способность прозаика—разсудокъ. Вымыселъ въ прозѣ не допускается.

Поэзіей [3]), или поэтическими, называются тѣ словесныя произведенія, содержаніемъ коихъ служитъ міръ вымышленный (идеальный).

---

[1]) Соч. Гоголя, Т. III, стр. 418.
[2]) *Проза* (oratio prorsa)—рѣчь обыкновенная, не мѣрная.
[3]) *Поэзія* отъ ποιέω—творю—*творчество.*

Существенное свойство поэзіи—красота, доставляющая читателю художественное наслажденіе. Дѣйствующая способность поэта—творческая фантазія.

Сличивъ обыкновенный разсказъ въ лѣтописи о смерти Олега и поэтическій Пушкина въ балладѣ «Вѣщій Олегъ» о томъ же предметѣ, мы находимъ, что лѣтописецъ передаетъ это событіе такъ, какъ оно, по сохранившимся и ходившимъ въ народѣ преданіямъ и разсказамъ, дѣйствительно происходило. Въ разсказѣ лѣтописца содержится только главное и существенное: Олегу предсказано было кудесникомъ, что онъ умретъ отъ любимаго коня. Такъ дѣйствительно и случилось. Когда Олегъ вспомнилъ о своемъ конѣ, отъ котораго ему было предсказано «смерть взяти», ему захотѣлось видѣть кости любимца: «и пріѣха на мѣсто, идѣже бяху лежаще кости его (коня) голы и лобъ голъ; и слѣзъ съ коня, посмѣяся, рця: «отъ сего ли лба смерть мнѣ взяти?» И вступи ногою на лобъ и, выникнучи, змѣя клюну и (его) въ ногу, и съ того, разболѣвся, умре».

То же событіе Пушкинъ передаетъ въ видѣ картинъ, сценъ, которыя дѣйствуютъ на читателя чарующимъ образомъ. Такъ, напр., слова лѣтописца: *«и вступи ногою на лобъ и, выникнучи змѣя изо лба клюну и (князя) въ ногу»*,—у Пушкина получили видъ живой сцены:

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!"
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала...
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь...

Изъ такихъ картинъ и сценъ состоитъ весь разсказъ Пушкина.

Въ такомъ же отношеніи находятся между собою два описанія *лѣса*, сдѣланныя прозаикомъ (Аксаковымъ) и поэтомъ (Кольцовымъ).

Аксаковъ описываетъ *лѣсъ* такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, съ цѣлію дать о немъ понятіе. Прочитавъ лѣсъ Аксакова, мы получаемъ понятіе *о чернолѣсьѣ*—о томъ, какія деревья его составляютъ, какіе звѣри населяютъ и пр.

Кольцовъ изображаетъ лѣсъ въ образѣ *богатыря—Бовы*, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, какое произвелъ на поэта лѣсъ, и въ описаніи явились черты и принадлежности не просто лѣса, а лѣса—*богатыря: сила гордая, доблесть царская, шлемъ, плащъ, мечъ*. Лѣсъ—*богатырь «призадумалея», «затуманился»*; онъ *«грозно и долго ратуетъ—воюетъ съ бурею»*; но осиленъ *«силой вражьей»*, которая *«понаглынула во время сна къ безоружному и съ богатырскихъ плечъ сняла голову»*.

ТЕОРІЯ ПРОЗЫ.

Въ прозаическихъ сочиненіяхъ изображается міръ дѣйствительный. Всякій предметъ, напр. Московскій Кремль (тэма), въ сочиненіи можно: а) описывать въ настоящемъ его видѣ; б) разсказывать его исторію съ самаго основанія; в) разсуждать объ его историческомъ значеніи; если же это разсужденіе предназначается для произнесенія въ собраніи, то и д) ораторствовать о Кремлѣ, т. е. говорить рѣчь, дабы убѣдить слушателей въ извѣстномъ взглядѣ на этотъ предметъ. Раздѣленіе прозаическихъ сочиненій.

Такимъ образомъ всѣ прозаическія сочиненія раздѣляются на три вида: 1) описательно-историческія, 2) философскія и 3) ораторскія.

Описательно-историческія сочиненія.

Къ описательно-историческимъ сочиненіямъ относятся: собственно *описаніе, путешествіе, лѣтопись, записки современниковъ*, или *мемуары, біографія, исторія.*

Описаніе.

Описаніе есть изображеніе предмета въ его настоящемъ видѣ, посредствомъ указанія его отличительныхъ, существенныхъ признаковъ. Понятіе объ описаніи.

Предметомъ описанія могутъ быть виды природы, произведенія искусства и также явленія общественной жизни.

Планъ и порядокъ, число и расположеніе частей описанія обусловливаются какъ самимъ предметомъ, такъ и тѣми сторонами или точками зрѣнія, съ какихъ описывается предметъ. Такъ, въ описаніи „Днѣпръ“ у Гоголя три части, ибо эта рѣка изображается *днемъ, ночью* и во *время бури;* напр., храмъ Спасителя можетъ быть описанъ *съ наружной стороны* и съ *внутренней*—и въ подобномъ описаніи будутъ *двѣ* части. Описаніе птицы или другого животнаго также въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ двухъ частей: въ одной описывается *наружный видъ*, въ другой—*внутреннія свойства и привычки.* Предметъ описанія.

Сообразно цѣли, описанія бываютъ простыя (ученыя) и художественныя. Виды описанія.

Ученыя описанія.

Простое, или ученое, описаніе имѣетъ въ виду сообщить точныя свѣдѣнія о предметѣ, и обыкновенно въ нихъ содержится указаніе признаковъ предмета. Таковы всѣ описанія географическія и естественно-историческія. Напр., о Днѣпрѣ въ географіяхъ говорится: гдѣ онъ беретъ начало, по какимъ губерніямъ течетъ, куда впадаетъ, какіе притоки у него и пр., но нѣтъ ни слова о томъ,— картинно ли онъ течетъ, встрѣчаются ли живописные ландшафты по его берегамъ и—какое *впечатлѣніе* производитъ эта старинная русская рѣка на путешественника; между тѣмъ какъ именно эти стороны замѣчаются въ художественномъ описаніи того же предмета.

Художественное описаніе.

Цѣль художественнаго описанія—представить наглядную общую картину предмета, строго согласную съ дѣйствительностью, но въ связи съ впечатлѣніемъ, которое онъ произвелъ на писателя. Справедливо сравниваютъ простое описаніе съ ландкартой (планомъ), а художественное съ рисункомъ или пейзажемъ.

Примѣромъ художественныхъ описаній могутъ служить: „Троицкая лавра“ Карамзина, „Московскій Успенскій соборъ“ Митрополита Филарета; „Рафаэлева Мадонна“ Шевырева, „Кремль при лунномъ свѣтѣ“ Загоскина, „Днѣпръ“, „Украинская ночь“, „Степь“ Гоголя [1]).

Гоголь описываетъ Днѣпръ *только въ отношеніи красоты* (точка зрѣнія). «Днѣпръ *чуденъ*, т. е. прекрасенъ днемъ, ночью, въ тихую погоду и въ бурю» (порядокъ и части описанія). Въ описаніи указаны всѣ свойства, придающія *красоту* Днѣпру: многоводіе, ширина, длина, изобиліе растительности по берегамъ, отраженіе деревьевъ, мѣсяца и звѣздъ въ рѣкѣ. *Слогъ* описанія живописный и музыкальный, т. е. вполнѣ художественный, чему способствуютъ удачныя метафоры, сравненія, звукоподражательныя слова и проч.: «голубая зеркальная дорога», лѣса «любуются, усмѣхаются, привѣтствуютъ Днѣпръ»; звѣзды—«блестки ризы Господней»; струя воды «вспыхиваетъ будто полоса дамасской сабли»; водяные холмы «стонутъ, плачутъ и заливаются въ дали, словно убивается мать-казачка, провожая сына на войну». Такимъ образомъ три части описанія представляютъ собою какъ бы три картины, изъ которыхъ каждую можно перенести на полотно, что̀ и сдѣлалъ художникъ Куинджи, написавъ по *Гоголю* «Днѣпръ въ тихую лунную ночь». Картина произвела глубокое впечатлѣніе.

Путешествіе.

Содержаніе путешествій.

Путешествіе можетъ быть названо сложнымъ описаніемъ и представляетъ собою рядъ картинъ

---

[1]) См. приложеніе.

природы и жизни извѣстной страны. Нравы, обычаи жителей, исторія народа, произведенія искусства, замѣчательныя встрѣчи, приключенія, испытанныя и пережитыя путешественникомъ,—все это обыкновенно служитъ разнообразнымъ предметомъ путешествія. Путевыя записки излагаются въ формѣ дневника или писемъ.

Образцы.

Съ давнихъ поръ русскіе люди любили посѣщать чужія страны, и наша литература богата описаніями путешествій. Таковы: «Паломникъ» или «Хожденіе» въ XII в. въ Іерусалимъ игумена Даніила, который съ такимъ умиленіемъ и святой простотою передаетъ все видѣнное въ Св. Землѣ; «Хожденіе за три моря» Афанасія Никитина (XV в.); «Путешествія къ Св. Мѣстамъ» Муравьева, Норова; «Письма русскаго путешественника» Карамзина; «Путешествіе въ Эрзерумъ» Пушкина; «Фрегатъ Паллада» Гончарова; «Путешествіе Наслѣдника Цесаревича по Россіи въ 1863 г.» Побѣдоносцева и Бабста; «Годъ на сѣверѣ» Максимова; «Въ дальнихъ водахъ и странахъ» Крестовскаго; «По сѣверу Россіи путешествіе великаго князя Владиміра Александровича» Случевскаго и др. [1]).

Этотъ родъ сочиненій представляетъ самое занимательное и образовательное чтеніе. Читатель, слѣдя за путешественникомъ, какъ будто самъ вмѣстѣ съ нимъ странствуетъ по сушѣ и морямъ, изъ страны въ страну, и съ каждой страницей испытываетъ все новыя, разнообразныя и занимательныя впечатлѣнія. Такъ, «путешествіе игумена Даніила» переноситъ насъ въ Св. Землю, знакомитъ съ святынями Палестины; въ живомъ, полномъ искренней, живой вѣры и патріотизма, разсказѣ паломникъ передаетъ все видѣнное имъ. Читая письма Гончарова изъ его путешествія на фрегатѣ «Паллада», вы сопутствуете ему въ кругосвѣтномъ плаваніи отъ Кронштадта, по Балтійскому и Нѣмецкому морю, до Англіи; далѣе по Атлантическому океану на мысъ Доброй Надежды; отсюда къ южнымъ оконечностямъ Азіи; потомъ по Восточному океану, вдоль береговъ Китая, въ Японію; изъ Японіи черезъ Охотское море до Сибири. Черезъ Сибирь Гончаровъ сухимъ путемъ возвратился въ Петербургъ. Во время чтенія этого путешествія, описаннаго такимъ художникомъ, какъ Гончаровъ, читатель переживаетъ множество разнородныхъ впечатлѣній, наслаждается чудесными картинами природы, причемъ каждая изъ нихъ, сама по себѣ отдѣльно взятая, можетъ служить образцомъ мастерского описанія. Таковы, напр.: описаніе Лондона, чудеса тропическаго неба и моря, штиль на океанѣ, мысъ Доброй Надежды, берега Лены и проч. Во всемъ описаніи слышится голосъ русскаго человѣка и патріота, который во время своего кругосвѣтнаго путешествія всегда и вездѣ имѣетъ въ виду свою далекую родину.

Лѣтопись.

Понятіе о лѣтописи.

Лѣтопись—это простая, безъ провѣрки, запись событій по годамъ (лѣтамъ). Обыкновенно являясь на первыхъ

[1]) См. Христоматіи Галахова, Филонова.

порахъ гражданственности, лѣтопись служитъ первоисточникомъ и основаніемъ исторіи.

Первою лѣтописью признается лѣтопись Нестора, инока Кіево-Печерскаго монастыря (1056—1111). Послѣ Нестора лѣтописи велись въ Новгородѣ, Псковѣ, Владимірѣ, Суздалѣ и доведены до царствованія Алексѣя Михайловича.

Лѣтопись Нестора.

Лѣтопись Нестора обнимаетъ событія отъ начала Руси, съ 6360 (852), по 6618 (1110) г., и имѣетъ слѣдующее заглавіе: *„Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть“*. Лѣтосчисленіе ведется въ лѣтописи отъ сотворенія міра.

Содержаніе лѣтописи.

Содержаніемъ лѣтописи Нестора служатъ событія государственной и церковной жизни, которыя излагаются въ хронологическомъ порядкѣ, но безъ системы, плана и оцѣнки ихъ достовѣрности. Лѣтописецъ разсказываетъ о событіяхъ просто, „не мудрствуя лукаво“—такъ, какъ самъ видѣлъ или слышалъ. Нерѣдко подъ однимъ годомъ записаны разнородныя событія: война, рожденіе князя, открытіе св. мощей и пр. Правдивость, простодушіе, искренность, набожность составляютъ отличительную особенность нашихъ лѣтописцевъ, и оттого ихъ сказанія получаютъ особую историческую цѣну.

Лаврентіевскій списокъ.

Подлинная лѣтопись Нестора не сохранилась, но дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Самый древній списокъ—Лаврентіевскій, начатый и оконченный монахомъ Суздальскаго монастыря *Лаврентіемъ* въ 1377 г. Любопытно послѣсловіе, которымъ заканчивается Лаврентіевскій списокъ: *„Радуется купецъ прикупъ створивъ и кормчій въ отишьи приставъ и странникъ въ отечьство пришедъ: также радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, тако же и азъ худый, недостойный и многогрѣшный, рабъ Божій Лаврентій мнихъ... И нынѣ, господа отцы и братія, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не кляните, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ: слышите Апостола Павла, глаголюща: не кляните, но благословите“.*

Изложеніе лѣтописи.

Въ лѣтописи не сухой перечень событій; есть много мѣстъ, замѣчательныхъ художественной простотой и живостью разсказа: приводятся цѣлыя рѣчи историческихъ лицъ, изображаются полныя жизни

и драматизма сцены. Таковы разсказы: убіеніе Аскольда и Дира, походы и смерть Олега, княженіе Ольги, ея месть древлянамъ, крещеніе ея въ Царьградѣ, войны Святослава, крещеніе св. Владиміра и Кіевлянъ, убіеніе Бориса и Глѣба Святополкомъ Окаяннымъ, основаніе Кіево-Печерскаго монастыря, жизнь и завѣщаніе Владиміра Мономаха и др. [1]).

Записки современниковъ.

Что такое „записки".

Записки современниковъ, или памятныя записки (мемуары), суть воспоминанія о какихъ-либо замѣчательныхъ событіяхъ. Чѣмъ важнѣе описываемое событіе, чѣмъ ближе къ нему стоялъ составитель „записокъ", чѣмъ личность его образованнѣе, и чѣмъ безпристрастнѣе относится онъ къ самому предмету, тѣмъ выше и драгоцѣннѣе значеніе самыхъ „записокъ".

Замѣчательные образцы.

Замѣчательны: записки Курбскаго, современника Іоанна Грознаго; „Сказаніе объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ", Авраамія Палицына; „Записки современниковъ о самозванцахъ", собранныя Устряловымъ; „Записки княгини Н. Б. Долгорукой", относящіяся ко времени Бирона; „Письма русскаго офицера о войнѣ 12-года", Ѳ. Глинки; „*Севастопольскій Сборникъ*", составленный изъ воспоминаній участниковъ въ славной оборонѣ и др.

Значеніе записокъ.

Какъ голосъ современника, какъ свидѣтельство очевидца, „записки" служатъ важнѣйшимъ матеріаломъ для исторіи; въ нихъ нерѣдко разоблачаются сокровенныя пружины и причины того или другого событія, извѣстныя только современному наблюдателю, а иногда исключительно составителю „записокъ".

Такъ, *Курбскій* близко знакомитъ насъ съ дѣтскими годами Грознаго, съ подробностями взятія Казани; *Авраамій Палицынъ* рисуетъ состояніе Россіи въ эпоху междуцарствія; *Котошихинъ* описываетъ русскую жизнь XVII вѣка; *Н. Б. Долгорукая* разсказываетъ о Бироновщинѣ, а также излагаетъ любопытную повѣсть своей многострадальной жизни, начавшейся въ свѣтлыхъ княжескихъ палатахъ, продолжавшейся въ далекомъ Березовѣ и кончившейся въ кельѣ кіевскаго монастыря. „*Письма объ Отечественной Войнѣ*" Глинки и „*Севастопольскій Сборникъ*" даютъ возможность слышать прямо отъ участниковъ и очевидцевъ о такихъ замѣчательныхъ

---

[1]) См. въ приложеніи „Крещеніе Руси".

событіяхъ, какъ взятіе Смоленска, Бородинская битва, 11-ти-мѣсячная оборона Севастополя.

Біографія.

Біографіей (βίος—*жизнь* и γράφω—*пишу*) называется описаніе жизни замѣчательнаго человѣка. Біографія—это исторія отдѣльнаго лица, составленная на основаніи достовѣрныхъ источниковъ. Достоинство каждаго жизнеописанія состоитъ въ умѣньи выбрать изъ множества фактовъ такіе, въ которыхъ съ особенной силой выразились тѣ или другія душевныя свойства описываемаго лица.

Знаменитыми біографами въ древности были: у Грековъ—*Плутархъ*, у Римлянъ—*Корнелій Непотъ*. У насъ къ замѣчательнымъ образцамъ жизнеописаній относятся: житія святыхъ, собранныя св. Димитріемъ Ростовскимъ, извѣстныя подъ именемъ *Четій-Миней*. Сколько здѣсь высоко занимательныхъ и поучительныхъ картинъ жизни святыхъ, жизни, исполненной подвиговъ самоотверженія, человѣколюбія; какіе здѣсь удивительные силою воли характеры! *Біографія Фонвизина*, составленная кн. Вяземскимъ; *Грибоѣдова*—Булгаринымъ, *Крылова*—Плетневымъ, *Жуковскаго*—Зейдлицемъ, *Кольцова*—Бѣлинскимъ.

Автобіографія. Если кто самъ описываетъ свою жизнь, такое жизнеописаніе называется *автобіографіей* (αὐτὸς—самъ и γράφω—пишу); такъ, извѣстна автобіографія Фонъ-Визина: „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ“.

Некрологъ. Біографическія свѣдѣнія, сообщаемыя по поводу смерти извѣстнаго лица, называются некрологомъ (νεκρὸς—*мертвый* и λόγος—*слово*).

Анекдотъ. Анекдотомъ (ἀνέκδοτον—неизданное) называется разсказъ о какомъ-нибудь замѣчательномъ случаѣ изъ жизни историческаго лица; таковы: „Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ“, собранные Штелинымъ, „Анекдоты графа Суворова-Рымникскаго“, изданные Е. Фуксомъ, „Историческіе разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій“, собранные Шубинскимъ.

Характеристика. Характеристика (χαρακτὴρ—черта, примѣта) есть изображеніе главнымъ образомъ внутреннихъ качествъ

какого-либо лица. Характеристику можно назвать *нравственнымъ портретомъ*. Характеристика входитъ, какъ необходимый элементъ, въ біографію, исторію, романы, драмы и т. д. Художественная характеристика вымышленнаго лица называется типомъ (см. ниже).

Характеристика обыкновенно бываетъ не многословна: выбираются изъ множества чертъ самыя рѣзкія, отличительныя; такъ, въ четырехъ стихахъ Пушкина: Характеристика.

„То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,—
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ“.—

видимъ необыкновенно вѣрный и цѣльный обликъ Преобразователя Россіи. Замѣчательные примѣры характеристикъ въ исторіи Карамзина: Іоанна III, Грознаго, Бориса Годунова, Самозванца и друг.

Въ характеристикѣ имѣетъ мѣсто описаніе и наружныхъ, выдающихся качествъ (выразительность лица, глазъ, одежда и пр.) на столько, на сколько во внѣшности отразилась особенность характера, ибо о лицѣ говорятъ, что оно есть зеркало души; а ростъ, походка, привычки, одежда и пр. дополняютъ изображеніе личности. Святослава съ особенною рѣзкостью характеризуютъ: употребленіе въ пищу конины, незнаніе имъ шатра, спанье на войлокѣ и пр. Иногда ничтожный случай, мелкая черта, освѣщаетъ самую существенную сторону характера. Такъ, напримѣръ, приводимое въ біографіи Крылова Плетневымъ обстоятельство, что картина надъ диваномъ, гдѣ обыкновенно сидѣлъ баснописецъ, сорвавшись, висѣла на одномъ гвоздикѣ и, угрожая паденіемъ, осталась въ такомъ видѣ до смерти хозяина—служитъ указаніемъ на характерную черту писателя,—его безпечность; замѣтка же о любви Крылова къ голубямъ рисуетъ передъ нами его дѣтское незлобіе, прямоту и искренность, повсюду сквозящія въ басняхъ и такъ вѣрно угаданныя чутьемъ дѣтей, которыя при жизни звали и по смерти продолжаютъ звать Крылова «дѣдушкой» (См. въ приложеніи «Характеристку Карамзина»).

Исторія.

Исторія (ἱστορία—повѣствованіе) *есть послѣдовательное изложеніе событій въ прошедшей жизни народа.* Понятіе объ исторіи.

Исторія самый обширный, законченный видъ повѣствованія и, по выраженію Карамзина, есть „священная книга народовъ“, главная, необходимая, „зерцало ихъ бытія и дѣятельности“.

Лѣтописи, записки, біографіи, государственные акты (договоры, законы и пр.), преданія, развалины, остатки домашней утвари, оружіе, монеты служатъ матеріаломъ для историка, на обязанности котораго лежитъ изучить, взвѣсить, провѣрить, очистить этотъ сырой

матеріалъ отъ всего недѣйствительнаго, вымышленнаго, какъ очищаютъ золото.

„Какъ естественная, такъ и гражданская исторія, говоритъ Карамзинъ, не терпитъ вымысловъ, изображая что *есть* или *было*, а не то, что быть *могло*“ [1]).

Отличіе исторіи отъ лѣтописи и записокъ.

Историкъ, въ отличіе отъ лѣтописца, разбираетъ факты, разсуждаетъ о нихъ и своими соображеніями какъ бы дополняетъ сказаніе лѣтописи или свидѣтельство современника. „Историкъ не лѣтописецъ: послѣдній смотритъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣяній“, сказалъ Карамзинъ. Между тѣмъ какъ лѣтописецъ въ изложеніи ограничивается одной внѣшнею или хронологическою связью въ расположеніи событій, историкъ отыскиваетъ внутреннее отношеніе, связующее событія между собою, причемъ одни событія служатъ причиной или условіемъ, другія—ихъ слѣдствіемъ. Расположеніе событій на основаніи внутренней причинной связи и взаимной зависимости (причинъ и слѣдствій) называется прагматизмомъ (τὰ πράγματα — *государственныя дѣла*).

Слогъ исторіи.

Слогъ исторіи долженъ отличаться особенной точностію, и каждый предметъ называться своимъ *историческимъ*, такъ сказать, *именемъ*, т. е. тѣмъ, какое онъ носилъ въ свое время. Въ историческихъ сочиненіяхъ—мѣсто словамъ и даже оборотамъ стариннымъ. Такъ, *боярина* нельзя назвать дворяниномъ, *начальника дружины*—генераломъ, *дьяка*—секретаремъ, какъ нельзя назвать *лука*—ружьемъ, *стрѣлы*—пулей, *стрѣльца*—солдатомъ. Самый лучшій языкъ исторіи—языкъ памятниковъ, приближенный, посредствомъ литературной искусной обработки, въ синтаксическомъ отношеніи къ современному, какъ это видно у Карамзина и Соловьева.

Виды исторіи.

По *объему*, исторія можетъ быть или всеобщая, когда въ ней излагается жизнь всѣхъ извѣстныхъ древнихъ и новыхъ народовъ, или частная, если описывается жизнь одного народа, напр., русскаго.

По предмету исторія можетъ быть церковная, гражданская, исторія литературы, философіи, искусствъ и проч.

По изложенію своему исторія можетъ быть художественная, въ которой главное вниманіе обращается на картинное изложеніе событій, или прагматическая, когда на первомъ планѣ

[1]) Предисл. къ „Ист. Госуд. Россійскаго“.

историкъ ставитъ объясненіе значенія событій, ихъ причинъ, слѣдствій и т. д.

Образцы исторіи.

Лучшія сочиненія по исторіи въ нашей литературѣ: „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Соловьева (29 томовъ, доведенная до царствованія императрицы Екатерины).

Исторія Государства Россійскаго Карамзина (1766—1826) состоитъ изъ 12 томовъ и обнимаетъ событія съ основанія Россіи до 1611 г. Эта исторія, явившись въ свѣтъ въ 1818 году, до сихъ поръ признается лучшею и образцовою, особенно по своему художественному изложенію. „Эту исторію, пишетъ Жуковскій, можно назвать воскресителемъ прошедшихъ вѣковъ бытія нашего народа. По сію пору они были для насъ только мертвыми муміями, и всѣ исторіи русскаго народа, доселѣ извѣстныя, можно назвать только гробами, въ которыхъ мы видѣли лежащими эти безобразныя муміи. Теперь онѣ оживятся, подымутся и получатъ величественный привлекательный образъ“.

Карамзинъ не только создалъ исторію, разработавъ историческіе архивы, но создалъ и языкъ, достойный исторіи: имъ составлено самимъ или извлечено изъ архивовъ множество давно забытыхъ выразительныхъ словъ и оборотовъ.

При художественномъ изложеніи, стремленіи къ истинѣ и полнотѣ, бытописаніе Карамзина вездѣ согрѣто любовью къ своему отечеству. „Мы одно любимъ, одного желаемъ,—говоритъ Карамзинъ,—любимъ отечество, желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго самодержавія и св. вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой“ [1]). Этими высокими чувствами проникнута каждая строка „Исторіи Гогударства Россійскаго“.

Разборъ отрывка: „Славная Куликовская битва“.

«Славная куликовская битва» представляетъ собою образецъ художественнаго повѣствованія. Здѣсь историческое событіе, основанное на источникахъ, провѣренныхъ строгою критикою, представлено въ строго послѣдовательномъ порядкѣ: *сперва* говоритъ историкъ о событіяхъ, предшествовавшихъ самой битвѣ: совѣтѣ бояръ, — переходить или нѣтъ рѣку Донъ,—приготовленіи къ битвѣ, собраніи воеводъ, переходѣ черезъ Донъ, построеніи полковъ въ боевой порядокъ. Здѣсь особенно замѣчательна кар-

[1]) Предисл. къ Истор. Госуд. Росс. Изд. 1831. Т. I стр. XXXVII.

тина, когда «Димитрій, стоя на высокомъ холму и видя стройные ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, преклоняетъ колѣна и молится передъ образомъ Спасителя, сіявшимъ на знамени великокняжескомъ». *Затѣмъ* слѣдуетъ самая важная часть повѣствованія — это *описаніе самой битвы*: а) *начало* ея, когда Димитрій, громогласно читая псаломъ «Богъ намъ прибѣжище и сила», первый ударилъ на враговъ; б) самый *разгаръ*, когда битва сдѣлалась общею, и кровь лилась на пространствѣ десяти верстъ; в) *окончательный ударъ* засаднаго отряда, рѣшившій судьбу битвы. *Послѣдствія* битвы: бѣгство Мамая, преслѣдованіе его нашими войсками, отыскиваніе князя, объѣздъ побѣдителемъ поля битвы, погребеніе убитыхъ и установленіе дня вѣчнаго поминовенія павшихъ — составляютъ содержаніе послѣдней части (заключенія) повѣствованія.

Все, въ цѣломъ, повѣствованіе представляетъ одну живую, со всѣхъ сторонъ равно видимую для читателя картину. Плавно льющаяся чистая рѣчь, украшенная подлинными словами и оборотами лѣтописныхъ сказаній, довершаетъ достоинства повѣствованія. Благодаря такому мастерскому изложенію, этотъ разсказъ о Куликовской битвѣ, однажды прочитанный, остается въ памяти навсегда.

История Соловьева.

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» Соловьева отличается отъ исторіи Карамзина бо̀льшимъ прагматизмомъ. Соловьевъ, при изложеніи событія, прежде всего старается уяснить его смыслъ, — причину, которою оно произведено, внутреннюю связь съ предшествующими явленіями, вліяніе на дальнѣйшій ходъ и развитіе послѣдующихъ событій. Карамзинъ въ своей исторіи является художникомъ, Соловьевъ—мыслителемъ. Такъ, разсказъ о Куликовской битвѣ въ исторіи Соловьева является вѣрнымъ, точнымъ, но сухимъ перечнемъ фактовъ; историкъ не столько разсказываетъ о самомъ событіи, сколько *разсуждаетъ* о важности его: сравниваетъ Куликовскую битву съ другими сраженіями, бывшими въ Европѣ (побоищемъ Каталаунскимъ и Турскимъ); говоритъ какъ о всемірно-историческомъ значеніи этого событія, такъ и о значеніи его въ русской исторіи; наконецъ, называетъ Куликовскую битву «тяжкимъ пораженіемъ» по числу павшихъ.

Ученыя сочиненія.

Существенный характеръ ученыхъ сочиненій.

Ученыя сочиненія *имѣютъ своимъ предметомъ изслѣдованіе причинъ или законовъ различныхъ явленій въ области наукъ, искусствъ, природы, съ цѣлью сообщить о нихъ точное понятіе.* Сочиненія, имѣющія своимъ предметомъ изслѣдованіе въ области отвлеченной мысли, называются философскими.

Методъ изслѣдованій въ ученыхъ сочиненіяхъ.

Методъ (μέθ-οδος—путь), избираемый для изслѣдованія предметовъ, а слѣдовательно и способъ построенія ученыхъ сочиненій, бываетъ двоякій: аналитическій и синтетическій.

Аналитическимъ методомъ (ἀνάλυσις—разрѣшеніе) называется такой, въ которомъ разсудокъ или мышленіе изъ разбора (*анализа*) частныхъ случаевъ и явленій выводитъ общій законъ; слѣдовательно такой методъ идетъ отъ частнаго къ общему. Аналитическій методъ соотвѣтствуетъ естественному ходу пріобрѣтенія нами познаній; мы видимъ и узнаемъ всегда прежде частные предметы и посредствомъ ихъ изученія, сравненія, доходимъ до общихъ выводовъ, законовъ и правилъ. Напримѣръ, путь доказательствъ „прирожденности людямъ *чувства любви къ родинѣ*“ по аналитическому методу будетъ такой: наблюденія надъ Русскимъ, Англичаниномъ, Лапландцемъ (*частныя явленія*) показываютъ, что всѣ эти народы любятъ свою родину. Слѣдовательно, *всѣмъ людямъ* свойственно любитъ родину (*общій выводъ или законъ*). Методъ аналитическій.

Синтетическій (σύνθεσις—сложеніе) методъ идетъ обратнымъ путемъ—отъ общаго къ частному,—отъ общихъ положеній, правилъ и законовъ къ частнымъ примѣрамъ, подтверждающимъ эти общіе законы и правила. По синтетическому способу, доказательства вышеприведенной тэмы: „о прирожденности чувства любви къ родинѣ“ примутъ такой порядокъ: чувство любви къ родинѣ врождено всѣмъ людямъ (*общее положеніе*). Доказательствомъ этого служатъ различныя обнаруженія этой привязанности, замѣчаемыя у каждаго человѣка въ отдѣльности: Русскаго, Англичанина, Лапландца (*частныя явленія*). Но оба метода, пути изслѣдованія, какъ видимъ, привели къ одному и тому же вѣрному заключенію: „любовь къ родинѣ—чувство врожденное и свойственное всѣмъ людямъ“. Методъ синтическій.

Обыкновенныя формы *ученыхъ* сочиненій: *система* или *наука* (напр. философская система Канта); *разсужденіе*, *диссертація* и *монографія*. Формы ученыхъ сочиненій.

Система или наука есть *стройное изложеніе всей совокупности истинъ* (правилъ или законовъ), *относящихся къ одной какой-нибудь области знанія*.

Разсужденіемъ называется изложеніе *въ послѣдовательномъ порядкѣ мыслей объ извѣстномъ предметѣ* (тэма). Составъ разсужденій.

Образцомъ разсужденія могутъ служить: „О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ“ Ломоносова; „О любви къ отечеству и народной гордости“; „О счастливѣйшемъ времени жизни“ Карамзина. Образцы.

Содержаніе разсужденія Ломоносова.

Сущность разсужденія Ломоносова «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ» состоитъ въ главной мысли: «*прилежное чтеніе книгъ церковныхъ приноситъ чрезвычайную пользу русскому языку*». Положеніе это утверждается слѣдующими доказательствами: а) Церковно-славянскій языкъ служитъ источникомъ, какъ вообще для обогащенія русскаго языка, такъ въ особенности для образованія *слога высокаго* («мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ *богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ*»). б) Церковно-славянскій языкъ служитъ связью не только между людьми одного славянскаго народа, но и между разными народами славянскаго племени, такъ какъ славянскіе народы православнаго исповѣданія, живущіе за Дунаемъ, благодаря употребленію книгъ церковныхъ, говорятъ языкомъ, вразумительнымъ для русскаго. в) Церковнославянскій языкъ укрѣпляетъ связь между предками и потомками, такъ какъ изученіе этого языка даетъ возможность понимать произведенія древней нашей литературы. г) Чтеніе книгъ церковныхъ способствуетъ разнообразію и чистотѣ слога, съ одной стороны представляя пишущему богатство всевозможныхъ словъ и оборотовъ, съ другой—указывая коренныя слова и выраженія, чрезъ что устраняются заимствованія изъ западныхъ чужеземныхъ языковъ или барбаризмы. «Старательнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго словенскаго языка купно съ россійскимъ, *отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную простоту нашего языка*».

Заключеніе. Итакъ, русскій языкъ сохранитъ свою полную силу, красоту, богатство, непоколебимость до тѣхъ поръ, «коль долго Церковь Россійская славословіемъ Божіимъ на Словенскомъ языкѣ украшаться будетъ».

Разсужденіе „О любви къ отечеству".

Въ разсужденіи Карамзина «О любви къ отечеству», для разъясненія основной мысли: *Русскіе должны, подобно другимъ народамъ, любить свое отечество*, приводятся доказательства: а) связь тѣла съ мѣстомъ родины (любовь физическая). б) привязанность къ согражданамъ (любовь нравственная) и в) патріотизмъ или желаніе блага отечеству (любовь политическая). Подробное развитіе этихъ трехъ основныхъ доказательствъ составляетъ содержаніе трехъ частей разсужденія.

Содержаніе первой части: опредѣленіе, что такое *физическая* любовь, объясненіе причинъ любви къ мѣсту рожденія (воспоминанія дѣтства, приспособленіе организма, тѣла, и расположеніе нервовъ къ климату родины). Содержаніе второй: опредѣленіе *нравственной* любви (любовь къ согражданамъ), причина ея (привычка), примѣры (совѣты медиковъ лѣчиться воздухомъ родины; житель Швейцаріи, хирѣющій на чужбинѣ; растенія, лучше развивающіяся въ природномъ климатѣ; встрѣча единоземцевъ на чужбинѣ), свидѣтельство (слова голландскаго патріота, что «никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества»). Содержаніе третьей: опредѣленіе *политической любви* («патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ»); причина, почему не всѣ люди имѣютъ патріотизмъ (малое развитіе); при-

чина, почему каждый долженъ любить отечество (съ пользою его соединена наша собственная); примѣръ (Греки и Римляне).

Въ заключеніи указывается на слишкомъ смиренное мнѣніе русскихъ о своемъ народномъ достоинствѣ, вредъ отъ этого («кто самъ себя не уважаетъ, и другіе уважать не будутъ»); предостереженіе отъ самомнѣнія и ослѣпленія излишнею гордостью, наконецъ приглашеніе къ сознанію своего достоинства («скажемъ ясно свое имя и повторимъ его съ благородною гордостью»).

Ходъ доказательствъ въ этомъ разсужденіи (*отъ общаго къ частному*) можно для наглядности выразить въ такомъ видѣ: Любовь къ отечеству—лежитъ въ природѣ человѣка (*общая мысль*, по отношенію къ тэмѣ: «о любви русскихъ къ своему отечеству»). Каждый русскій человѣкъ долженъ любить свое отечество (*частный выводъ*).

Въ разсужденіи «О счастливѣйшемъ времени жизни» доказывается сужденіе или главная мысль, высказанная въ отвѣтъ на вопросъ тэмы («какой возрастъ счастливѣйшій въ жизни человѣка?»): «*зрѣлое мужество—счастливѣйшая пора жизни*». Разсужденіе заключаетъ въ себѣ *четыре части:* а) вступленіе, б) предложеніе, в) главную часть, или изложеніе, и г) заключеніе. „О счастливѣйшемъ времени жизни".

Во вступленіи опровергаются мнѣнія Цицерона, хвалившаго старость, Жанъ-Жака Руссо, предпочитавшаго младенчество, и оптимистовъ, находившихъ все въ мірѣ прекраснымъ, причемъ Карамзинъ говоритъ, что «въ жизни нѣтъ полнаго счастія, а только относительное, и спрашиваетъ: какой возрастъ можно назвать, *сравнительно съ другими*, счастливѣйшимъ?» Предложеніе заключаетъ въ себѣ главную мысль, доказываемую въ разсужденіи: «*не юность, а пора мужества—счастливѣйшее время жизни*». Въ изложеніи приводятся слѣдующія доказательства, въ подтвержденіе главной мысли: а) люди въ возрастѣ мужества большею частію наслаждаются вѣрнѣйшими радостями семейственными; б) научаются цѣнить жизнь и здоровье, мало уважаемое въ юности, и в) мужество—пора дѣятельности и наслажденія плодами своихъ трудовъ (торжество генія).

Въ заключеніи повторена главная мысль—«мужество счастливѣйшее время жизни», подтвержденная выраженіемъ желанія писателя (еслибы онъ могъ сказать солнцу: «остановись!») продлить жизнь въ порѣ зрѣлаго мужества, а не—бурной юности.

Методъ въ этомъ разсужденіи аналитическій и можетъ быть выраженъ кратко въ такомъ видѣ: такъ какъ посредствомъ разсмотрѣнія *частныхъ понятій* (младенчество, мужество, старость — по отношенію къ *общему* вопросу «о счастливѣйшемъ времени жизни»—*частныя* понятія) доказано, что мужество—возрастъ, сравнительно лучшій въ жизни человѣка, — слѣдовательно, рѣшенъ и доказанъ *общій вопросъ:* «какой возрастъ жизни счастливѣе?»

Виды разсужденія.

Смотря по своему предмету и цѣли, разсужденія называются *монографіями, диссертаціями, критикой* или *рецензіей* и пр.

Монографія и диссертація.

Монографія (μόνος—одинъ, γράφω—пишу) есть разсужденіе, содержащее въ себѣ изслѣдованіе какого нибудь *одного отдѣльнаго*

вопроса въ области науки, напр. разсужденіе Востокова „О славянскомъ языкѣ“, Каткова—„Объ элементахъ и формахъ Славяно-русскаго языка“. Монографія, назначаемая *для полученія ученой степени*—магистра или доктора—называется диссертаціей, напр.: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ Соловьева, „О Ломоносовѣ“ Аксакова, „О Сумароковѣ“ Булича.

Критика.

Разсужденіе, въ которомъ *обсуждаются достоинства и недостатки* литературнаго или художественнаго произведенія (картины, статуи и пр.), называется критикой (κριτικός — *способный судить*). Критика литературнаго произведенія называется литературной, произведеній искусства—эстетической или художественной. Цѣль критическихъ сочиненій—опредѣлить достоинство того или другого произведенія; мѣрой (*критеріемъ*) при этомъ служитъ примѣненіе къ извѣстному частному случаю, напр. какому-нибудь литературному произведенію, общихъ теоретическихъ законовъ науки (логики, словесности, эстетики), которымъ это литературное произведеніе должно удовлетворить какъ со стороны своей формы, такъ и содержанія.

Рецензія и антикритика.

Краткая оцѣнка литературнаго произведенія называется рецензіей (recenseo—*разсматриваю, обсуждаю*). Сочиненіе (или статья), *опровергающее критику*, называется антикритикой.

Образцами критики могутъ служить: „О комедіи „Недоросль“— кн. Вяземскаго, „О Кантемирѣ и его сатирахъ“, „О баснѣ и басняхъ Крылова“ — Жуковскаго; „О существѣ и особенностяхъ русской поэзіи“ Гоголя; „Горе отъ ума и его критики“—Суворина.

Жуковскій говоритъ:

«Критика есть сужденіе, основанное на правилахъ образованнаго вкуса, безпристрастное и свободное. Званіе критика весьма важное и весьма трудное. Вотъ идеалъ, составленный мною о его характерѣ: истинный критикъ, будучи одаренъ отъ природы глубокимъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго, имѣетъ проницательный и вѣрный умъ, которымъ руководствуется въ своихъ сужденіяхъ; чувство показываетъ ему красоту тамъ, гдѣ она есть, во всѣхъ ея оттѣнкахъ, и самыхъ нѣжныхъ, и самыхъ нечувствительныхъ; разсудокъ опредѣляетъ истинную цѣну ея и не даетъ ему ослѣпляться ложнымъ блескомъ, иногда замѣняющимъ прямо изящное. Онъ знаетъ всѣ правила искусства, знакомъ съ превосходнѣйшими образцами изящнаго; но въ сужденіяхъ своихъ не подчиняется рабски ни образцамъ, ни правиламъ; въ душѣ его существуетъ собственный идеалъ совершенства, такъ сказать, составленный изъ всѣхъ красотъ, замѣченныхъ имъ въ произведеніяхъ изящнаго—идеалъ, съ которымъ онъ сравниваетъ всякое новое произведеніе художника, идеалъ возможнаго, служащій ему вѣрнымъ указателемъ для опредѣленія степеней

превосходства... Истинный критикъ долженъ быть и моралистъ-философъ, и прямо чувствителенъ къ красотамъ природы. Скажу болѣе: онъ долженъ быть и самъ *морально-добрымъ* или, по крайней мѣрѣ, имѣть въ душѣ своей рѣшительное расположеніе къ добру; ибо доброта моральная служитъ основаніемъ чувству изящнаго, и послѣднее, не будучи соединено съ первымъ, никогда не можетъ имѣть надлежащей вѣрности».

Ораторская рѣчь.

Ораторство (отъ слова *ого-говорю*), или краснорѣчіе (витійство), *есть искусство дѣйствовать даромъ слова на слушателей и склонять ихъ къ извѣстнымъ, всегда высокимъ и нравственнымъ, цѣлямъ.*

Ораторская рѣчь есть то же разсужденіе, но имѣющее цѣлію не только доказать какую либо мысль, но и *пробудить сочувствіе къ ней*; причемъ ораторъ старается дѣйствовать не на одинъ умъ, но и на воображеніе, чувство и волю слушателей.

Свѣтское краснорѣчіе.

Свѣтское ораторское искусство получило свое начало и полное развитіе у древнихъ Грековъ и Римлянъ. По свойству политическаго устройства, ораторство въ древней Греціи и Римѣ признавалось правительственною наукой, и ораторъ—лицемъ государственнымъ. Рѣчи обыкновенно произносились въ многолюдныхъ собраніяхъ, на площади или въ сенатѣ, по поводу какихъ-нибудь важныхъ общественныхъ событій, напр.: объявленія войны, заключенія мира, принятія новаго и отмѣны стараго закона, похвалы побѣдителю и пр. Въ виду такой важности ораторства у древнихъ, въ Греціи и Римѣ существовали школы, гдѣ преподавалась особая наука краснорѣчія (риторика).

Виды рѣчей ораторскихъ.

Три главныхъ вида ораторской рѣчи было у древнихъ: рѣчи *политическія, судебныя* и *похвальныя.*

Политическія рѣчи.

Рѣчи политическія имѣли цѣлью убѣдить собраніе къ принятію извѣстнаго рѣшенія въ государственныхъ дѣлахъ. Таковы знаменитыя рѣчи Демосѳена (384—322 до Р. Х.) противъ вмѣшательства Филиппа (*филиппики*) Македонскаго въ дѣла Греціи. Названіе „филиппики“ сдѣлалось нарицательнымъ для обозначенія рѣчи, вооружающейся со всею горячностью противъ зла въ общественной или частной жизни.

Судебныя рѣчи.

Рѣчи судебныя имѣютъ цѣлію оправдать или обвинить подсудимаго. Лучшими образцами судебныхъ рѣчей служатъ рѣчи римскаго

*

оратора, Цицерона. У насъ судебное краснорѣчіе получило недавно свое начало, именно со введеніемъ гласнаго судопроизводства (20 ноября 1864 г.), и пока еще мы не имѣемъ образцовыхъ въ этомъ родѣ произведеній.

Похвальныя рѣчи.

Похвальныя рѣчи, или панегирики (πανηγυρικὸς λόγος—похвальное слово, произнесенное въ собраніи), имѣли своимъ предметомъ *похвалу* герою или какому нибудь общественному дѣятелю. Таковы у насъ: „Похвальное слово Петру Великому“ Ломоносова; „Похвальное слово Екатеринѣ II-й“ Карамзина.

Построеніе ораторской рѣчи.

По ученію древнихъ Грековъ и Римлянъ, рѣчь ораторская должна заключать въ себѣ слѣдующія части:

Приступъ, въ которомъ ораторъ подготовляетъ слушателей къ предмету своей рѣчи, старается привлечь ихъ вниманіе. По теоріи краснорѣчія приступъ бываетъ естественный, искусственный и внезапный. Въ первомъ случаѣ ораторъ начинаетъ свою рѣчь простымъ ознакомленіемъ съ ея предметомъ; во второмъ случаѣ, дабы возбудить и привлечь вниманіе слушателей, ораторъ указываетъ на важность, новизну, чрезвычайность предмета; въ третьемъ случаѣ ораторъ начинаетъ рѣчь вдругъ, внезапно (ex abrupto). Такъ, Цицеронъ началъ одну изъ рѣчей противъ Катилины неожиданнымъ обращеніемъ къ нему: «Доколѣ ты будешь во зло употреблять, Катилина, терпѣніе наше?» Извѣстно также начало надгробнаго слова Петру I Ѳеофана Прокоповича: «Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне? Что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!...» Митрополитъ Филаретъ свое слово въ Великій Пятокъ начинаетъ: «Чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей Слова? Нѣтъ болѣе слова. Слово, собезначальное Отцу и Духу, умолкло, скончалось, погребено и запечатано».

Предложеніе, въ которомъ ораторъ кратко высказываетъ, о чемъ хочетъ говорить.

Раздѣленіе, гдѣ указываются части рѣчи и порядокъ изложенія.

Изложеніе—главная часть рѣчи. Сюда входятъ: а) *доказательства* главной мысли рѣчи; б) *опроверженіе* противоположныхъ мнѣній,—часть, необходимая въ судебныхъ рѣчахъ, гдѣ обыкновенно *стороны*, защищающая и обвиняющая, борются между собою, отражая взаимныя возраженія.

Патетическая часть (πάθος—страсть), назначеніе которой дѣйствовать на воображеніе и чувства слушателей, обыкновенно помѣщается предъ заключеніемъ, послѣ того, какъ исчерпаны всѣ доказательства, сдѣланы всѣ доводы, опровергнуты всѣ возраженія противной стороны. Въ патетической части рѣчей политическихъ обыкновенно ораторъ возбуждаетъ патріотизмъ; въ судебныхъ защитительныхъ—состраданіе къ подсудимому; въ похвальныхъ—удивленіе герою, иногда уподобленіе его богамъ (апоѳеозъ). Патетическая часть ораторской рѣчи—это высшая степень напряженія силъ, воодушевленія, которой достигаетъ ораторъ, и самая рѣшительная минута для воздѣйствія на слушателей; древніе сравнивали эту часть съ *парсніемъ орла*. Но такъ какъ всякое глубокое чувство не можетъ быть продолжительно, то и патетическая часть обыкновенно бываетъ кратка.

Заключеніе содержитъ въ себѣ или повтореніе всего сказаннаго въ главной части, или обращеніе къ слушателямъ съ просьбою о принятіи извѣстнаго рѣшенія, или молитву.

Замѣчательнѣйшіе политическіе ораторы въ древности: Демосѳенъ въ Греціи, Цицеронъ въ Римѣ. Древніе ораторы.

Демосѳенъ (385—322 до Р. Х.) написалъ около 60 рѣчей; лучшею считается рѣчь *„О вѣнкѣ“*, въ которой онъ состязался съ Эсхиномъ, очень талантливымъ ораторомъ, продавшимъ себя врагу отечества, Филиппу Македонскому. Рѣчь о вѣнкѣ.

Цицеронъ (106—42 до Р. Х.), извѣстнѣйшій римскій ораторъ, написалъ 116 рѣчей политическаго и судебнаго содержанія, изъ коихъ дошло до насъ 56. Благодаря своему краснорѣчію, Цицеронъ на 43 году жизни достигъ высокаго званія—сдѣлался римскимъ консуломъ; за рѣчи противъ Катилины провозглашенъ былъ „отцомъ отечества“ и можетъ быть названъ отцомъ высокаго краснорѣчія. Рѣчи Цицерона.

«Похвальное слово Петру I», сказанное Ломоносовымъ 26-го апрѣля 1755 г., въ день празднованія вѣнчанія на царство императрицы Елизаветы Петровны, составленное по всѣмъ правиламъ теоріи краснорѣчія (риторики), имѣетъ въ себѣ и для нашего времени несомнѣнныя литературныя достоинства, къ числу коихъ принадлежатъ: а) стройное расположеніе всѣхъ частей его и логическое развитіе главной мысли, сообщающія «слову» единство и гармонію; б) согласное съ исторіей изображеніе дѣяній Петра; в) глубокое благоговѣніе оратора—патріота передъ величіемъ этого монарха, сообщившее всей рѣчи искреннее, увлекательное одушевленіе, выразившееся во множествѣ живописныхъ картинъ, музыкальныхъ періодовъ и замѣчательныхъ по красотѣ слога оборотовъ. „Похвальное слово Петру I-му Ломоносова.

Планъ построенія всего «слова» въ краткомъ видѣ таковъ:

Приступъ. Празднуя священное помазаніе и вѣнчаніе на царство императрицы Елизаветы, похвалимъ Петра.

Предложеніе. Похваляя Петра, похвалимъ Елизавету.

Раздѣленіе. Для этого должно изобразить: 1) самыя дѣла Петра, 2) препятствія, имъ преодолѣнныя, 3) добродѣтели, необходимыя для совершенія таковыхъ подвиговъ.

Главная часть, или *изложеніе*, на основаніи этого раздѣленія, состоитъ изъ *трехъ* отдѣловъ:

Въ *первомъ* обозрѣваются *дѣла* Петровы: распространеніе наукъ въ Россіи, устройство войска, военные подвиги на сушѣ и на моряхъ, гражданскія учрежденія. Во *второмъ*—преодолѣнныя *препятствія:* опасности путешествія, внутренніе враги (стрѣльцы, раскольники, предательство ближнихъ), внѣшніе враги (шведы, поляки, крымскіе татары, персіяне, турки). Въ *третьемъ*—*добродѣтели:* благочестіе, мудрость, великодушіе, мужество, правосудіе, снисходительность, трудолюбіе.

Патетическая часть. Послѣ изображенія поднятыхъ трудовъ, перенесенныхъ опасностей, всѣхъ преодолѣнныхъ препятствій, совершенныхъ

доблестныхъ подвиговъ,—ораторъ приходитъ къ мысли (выраженной позднѣе поэтомъ: «Бывъ странникомъ въ пыли и потѣ, Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ, блисталъ величествомъ въ работѣ»), — что между людьми всѣхъ временъ и народовъ не было равнаго Петру,—онъ подобенъ божеству,—и восклицаетъ: «Ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно: кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю» [1]).

Заключеніе «слова» состоитъ въ молитвѣ къ Богу и обращеніи къ душѣ Петра: «А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и героевъ блистаніемъ помрачающая! Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе (слово). Твои услуги больше, нежели всѣ силы наши»!

Духовное краснорѣчіе.

Развитіе церковнаго краснорѣчія и его формы.

Со временъ христіанства развилось краснорѣчіе духовное, или церковное, имѣющее своимъ предметомъ истины вѣры, законы нравственности, уставы Церкви. Ораторскія духовныя произведенія носятъ названія *рѣчей, словъ, бесѣдъ, проповѣдей, поученій.*

Краснорѣчіе духовное имѣетъ многихъ славныхъ представителей. Первые христіанскіе витіи были многовѣщанные святые апостолы, въ особенности апостолъ Павелъ; онъ своею рѣчью въ Аѳинскомъ Ареопагѣ, какъ извѣстно, возбудилъ удивленіе и восторгъ языческихъ мудрецовъ и, по словамъ св. Іоанна Златоуста, „обратилъ къ истинной вѣрѣ столько же даромъ слова и убѣжденія, сколько силою чудесъ". Въ сонмѣ церковныхъ ораторовъ, какъ солнца, сіяютъ вселенскіе великіе святители и учители: св. Василій Великій (329—379), св. Григорій Богословъ (329 — 389), св. Іоаннъ Златоустъ (344 — 407). За возвышенность и силу ума и глубокую ученость Василія Великаго называли „христіанскимъ Платономъ, Аристотелемъ" [2]). Внимая огненнымъ рѣчамъ св. Златоуста, константинопольскіе храмы оглашались рыданіями, потрясались отъ кликовъ и рукоплесканій. Число бесѣдъ и поученій, сказанныхъ св. Златоустомъ, свыше 800.

На каѳедрѣ православной русской церкви, начиная съ ея основанія и понынѣ, не умолкали проповѣдники слова Божія, оставившіе намъ образцы истиннаго краснорѣчія. Между ними особенно замѣчательны: въ древней Россіи митрополитъ Кіевскій Иларіонъ (XI в.), св. Кириллъ епископъ Туровскій (XII в.), Ѳеофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новгородскій (XVII в.); въ 19 столѣтіи—Платонъ, Филаретъ Митрополитъ Московскій (1782—1867), Архіепископъ Херсонскій Иннокентій (1800—1857), Протоіерей Родіонъ Путя-

---

[1]) См. прилож.

[2]) См. въ Христ. Галахова „Бесѣды" Василія Великаго и Іоанна Златоустаго.

тинъ (ум. 1867). На сколько поученія Протоіерея Путятина просты, доступны, кратки, на столько „слова“ и проповѣди Митрополита Филарета высоки, глубоко-краснорѣчивы и многообъемлющи, и требуютъ подготовленности для всесторонняго ихъ пониманія. Среднее мѣсто между „словами“ Митрополита Филарета и поученіями Путятина, по своему характеру, занимаютъ проповѣди Архіепископа Иннокентія, пользующіяся у насъ особою извѣстностью по трогательной силѣ чувства и прелести картиннаго выраженія.

Образцы духовнаго краснорѣчія.

Образцами духовнаго краснорѣчія могутъ служить: слово Митрополита Филарета *„О безсмертіи души“*; слово *„Въ Великій Пятокъ“* Арх. Иннокентія и два поученія прот. Путятина: *„Въ день Покрова Пресвятыя Богородицы“* и *„Предъ св. Причащеніемъ“*.

„Слово о безсмертіи души“ митрополита Филарета.

«Слово о безсмертіи души», говоренное въ день св. митрополита Алексія въ Чудовомъ монастырѣ, въ храмѣ, гдѣ почиваютъ мощи этого святителя, все построено на слѣдующемъ глубоко-остроумномъ сопоставленіи, служащемъ *приступомъ* и *тэмою* слова: «Какъ безмолвныя ризы Господа (найденныя Мѵроносицами и Апостолами въ гробѣ Господа въ день Воскресенія) возвѣщали Его воскресеніе: такъ безмолвные нетлѣнные останки сего подражателя Христова (св. Алексія), не какъ неизвѣстное возвѣщаютъ, но, какъ въ суетѣ настоящей жизни не рѣдко забываемое, приводятъ намъ на память *будущее наше воскресеніе*».

Главная мысль слова—«Человѣкъ непремѣнно воскреснетъ»—развивается въ *изложеніи*, состоящемъ изъ *пяти частей*, по числу доводовъ, или доказательствъ. *Первое* доказательство выводится изъ свойства души. *Второе*—изъ общей всѣмъ народамъ вѣры въ загробную жизнь. *Третье*—изъ видимой природы, въ которой ничто не разрушается. Этотъ доводъ особенно отличается красотою: «Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земного зрителя, а вечеромъ воскресаютъ... Цѣлый міръ земныхъ прозябаній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ и опять изъ него воскресаетъ». *Четвертое*—въ совѣсти человѣка и его стремленіи жить въ потомствѣ. *Пятое*—изъ Священнаго Писанія. Въ *заключеніи* повторяется главная мысль: «человѣкъ безсмертенъ»—въ формѣ слѣдующаго обращенія: «О человѣкъ, непремѣнно безсмертный, хотя бы ты о томъ не думалъ, хотя бы ты не хотѣлъ этого! берегись забывать твое безсмертіе!..»

Слово Арх. Иннокентія въ Великій Пятокъ.

Между проповѣдями Арх. Иннокентія самою высокой признается «Слово въ Великій Пятокъ» (*Паки Голгоѳа и крестъ*).

Начиная съ основной мысли, необыкновенно счастливой въ виду св. Плащаницы: «*У гроба Спасителя долженъ быть судъ міру,—судъ нашимъ мыслямъ, нравамъ и дѣяніямъ*», все «слово», при строго логичес-

комъ построеніи, поражаетъ благоуханною красотой вдохновеннаго витійства и священной поэзіи.

Составъ «Слова» такой: *Вступленіе*, содержащее тэму: «У гроба Спасителя судъ міру»...

Изложеніе. Проповѣдникъ призываетъ ко гробу: а) служителя алтаря (*первая часть*). (Въ этой части встрѣчается замѣчательный антитезъ: «Но если руки твои (служителя алтаря) подъемлются горѣ, а сердце постоянно вращается долу; если ѳиміамъ восходитъ къ небу, а мысли всегда блуждаютъ по землѣ; если, предстоя трапезѣ Господней и преломляя хлѣбъ жизни для другихъ, ты самъ гладенъ духомъ и вмѣсто манны ищешь мясъ египетскихъ: то удались отъ сего гроба; здѣсь земля святая: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы!»); б) властелина судьбы ближняго, т. е. правителя и судью (*вторая часть*); в) «наперсника мудрости», т. е. посвятившаго себя наукѣ (*третья часть*); г) всѣхъ христіанъ (*четвертая часть*) («Каждый, кто носитъ имя христіанина, стань у гроба сего и дай отчетъ; яви у гроба сего, кто ты: ученикъ или предатель, другъ или навѣтникъ?!..»).

Такъ какъ всѣ, представшіе ко гробу, оказались *виновными предъ судомъ Господа*, то проповѣдникъ считаетъ себя и присутствующихъ недостойными стоять на стражѣ у гроба Господня и восклицаетъ (*патетическая часть*): «Братія! У гроба Христова мѣсто токмо невинности или покаянію. Души вѣрныя Господу—Іосифы, Никодимы, Соломоніи, Магдалины, явитесь! Се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному Страдальцу нужна плащаница: облеките Его вашими святыми помыслами; Ему нужна смирна: представьте ваши молитвы. Ангелы Божіи, явитесь и смѣните насъ, недостойныхъ стрещи великую стражбу!»

Въ *заключеніи* призываются слушатели къ покаянію. (См. приложеніе).

Жители Вологды, Харькова, Одессы доселѣ помнятъ то глубокое впечатлѣніе, которое производили на нихъ проповѣди преосвященнаго Иннокентія — этого русскаго златоустаго архипастыря; во время его проповѣди нерѣдко слышались вздохи, видѣлись слезы, раздавались рыданія. Особенною силою краснорѣчія отмѣчены «слова», произнесенныя въ дни Страстной Седмицы, а также во время Крымской войны. Такъ, когда въ Великую Субботу (10 апрѣля 1854 г.) Французы и Англичане бомбардировали Одессу, Арх. Иннокентій проповѣдывалъ, ободряя и утѣшая слушателей въ такихъ выраженіяхъ: «И такъ, вы не рѣшились оставить гроба Спасителя своего и въ эти грозныя минуты, когда смерть и пагуба носятся надъ собственными головами вашими. Привѣтствую васъ съ симъ святымъ жребіемъ Іосифа, Никодима и Женъ Мѵроносицъ, кои также, среди немалыхъ страховъ и опасеній отъ іудеевъ, погребали Учителя и Господа своего. Вы не оставили Его *теперь:* Онъ, Преблагій, не забудетъ и не оставитъ васъ въ тотъ великій и страшный день, когда уже не слабые перуны человѣческіе будутъ летать по воздуху, а самыя небеса *мимо идутъ* съ шумомъ, самыя *стихіи, сжигаемы, раззорятся, а земля и яже на ней дѣла сгорятъ.* Но будемъ ли мы унывать и смущаться безотрадно? Нѣтъ! У живоноснаго Гроба Спасителя не страшенъ самый адъ» [4]).

---

[4]) См. біографію Иннокентія въ Христ. Филонова, т. IV.

Многія изъ поученій протоіерея Путятина, при простотѣ основной мысли и краткости содержанія, отличаются красотою общаго построенія. Такъ, «*Поученіе въ день Покрова Пресвятыя Богородицы*» построено въ видѣ слѣдующаго прекраснаго уподобленія: «Израильтянамъ, во время странствованія ихъ въ Аравійской пустынѣ, Богъ далъ облачный и огненный столпъ, указывавшій путь: и мы имѣемъ подобный столпъ—Пречистую и Преблагословенную Дѣву Марію. Она наша руководительница въ жизни». Поученія протоіерея Путятина.

Въ «*Поученіи предъ Св. Причащеніемъ*» приступающій къ св. чашѣ уподобляется Моисею, видѣвшему купину, которая горѣла и не сгорала.

Эта художественная форма счастливо задуманнаго и до конца выдержаннаго уподобленія купины неопалимыя и св. чаши, согрѣтая искреннимъ чувствомъ, производитъ на слушателя и читателя глубокое, трогающее впечатлѣніе. (см. приложеніе).

Свойства истиннаго краснорѣчія.

Не теорія создаетъ ораторовъ, а геній—теорію. Въ древней Греціи были устроены школы риторовъ, гдѣ приготовлялись ораторы, и краснорѣчіе нерѣдко искажалось, превращаясь въ софистику. Софистъ, вышедшій изъ школы риторовъ, считалъ верхомъ ораторскаго искусства доказать справедливость ложной мысли, обѣлить черное... Древніе учители краснорѣчія составили подробныя правила не только для изобрѣтенія и выраженія мыслей, но и для возбужденія страстей въ слушателяхъ, забывая, что истинное воодушевленіе не подчиняется никакимъ искусственнымъ теоріямъ. Единый источникъ ораторскаго воодушевленія—это искренняя любовь къ истинѣ. Цицеронъ сказалъ: «Ораторомъ можетъ быть только нравственный человѣкъ». (Nemo potest esse orator, nisi vir bonus). Злому сердцу недоступно чистое, святое воодушевленіе. Цѣли корыстныя, потворство дурнымъ страстямъ, софистическіе извороты, притворный, напускной паѳосъ—противны духу истиннаго краснорѣчія и безсильны увлечь слушателей....

„Умѣй свои бѣды бѣдами намъ представить,
Умѣй заплакать самъ, чтобъ плакать насъ заставить!“

Можно съ увѣренностью сказать, что всѣ самыя трогательныя, истинно краснорѣчивыя ораторскія рѣчи написаны *слезами*. Только искреннее чувство найдетъ откликъ въ слушателяхъ, тронетъ, прослезитъ и убѣдитъ. Не тронутъ, не прослезятъ, не убѣдятъ звонкія фразы, напыщенный языкъ, нагроможденныя горы фигуръ и другіе пріемы, столь обычные у многихъ древнихъ и современныхъ ораторовъ.

Карамзинъ говоритъ: «Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія—все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда одушевляется чувствомъ: тщетно думаетъ лицемѣръ обмануть читателя и подъ золотою одеждою пышныхъ словъ скрыть желѣзное сердце; тщетно говоритъ вамъ о состраданіи, милосердіи: всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни, и никогда эфирное пламя не польется въ нѣжную душу читателя». Горячая, искренняя любовь къ истинѣ, ко всему высокому, доброму и прекрасному—вотъ источникъ ораторскаго одушевленія! Здѣсь, только въ этомъ чистомъ источникѣ, ораторъ почерпнетъ мощное, огнедышущее слово, то слово *живое и дѣйственное*, которое называетъ Апостолъ «острѣйшимъ паче всякаго меча, обоюду остра, проходящимъ до раздѣленія членовъ и мозговъ, суди-

тельно помышленіямъ и мыслямъ сердечнымъ [1])». Только исполненный воли Божіей и чистой любви къ правдѣ и благу ближняго, ораторъ своимъ «*глаголомъ*» можетъ «*жечь сердца людей*» [2]) «*Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими*—говоритъ Апостолъ Павелъ, великій и дивный проповѣдникъ Божіей правды,—*любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звѣняща и кимвалъ звящаяй*» [3]).

ТЕОРІЯ ПОЭЗІИ.

„Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли".
Жуковскій.

Понятіе о поэзіи.

Поэзія, подобно живописи, музыкѣ, ваянію, *есть искусство создавать новые прекрасные образы* (идеалы), или міръ возможный (*идеальный*), въ отличіе отъ прозы, которая изображаетъ міръ дѣйствительный (*реальный*).

Что такое искусство?

Подъ искусствомъ, въ общемъ смыслѣ, разумѣется выраженіе идеи [4]) въ изящномъ образѣ поэмы, статуи, картины и проч. „Тарасъ Бульба"—образъ (идеалъ), въ коемъ Гоголь выразилъ свою мысль (идею) о запорожцахъ; въ „Скупомъ Рыцарѣ" Пушкина—идеалъ скупого; Мадонна Рафаэля—идеалъ цѣломудрія, милосердія и святости.

Мѣсто поэзіи въ ряду другихъ искусствъ.

Поэзія занимаетъ первое мѣсто среди остальныхъ изящныхъ искусствъ. Между тѣмъ какъ всякому другому искусству доступенъ только одинъ опредѣленный кругъ предметовъ,—музыка, напр., передаетъ звуки, движеніе, чувства радости, грусти, но не можетъ дать понятія о наружности человѣка; ваяніе, напротивъ, безсильно воспроизвести звуки, но изображаетъ красоту человѣческаго тѣла,—царство поэзіи безпредѣльно.

„Мечтою по волѣ проникнуть онъ *(поэтъ)* могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ,
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна" [5]).

---

[1]) Евр. IV, 12. [2]) „Пророкъ" Пушкина. [3]) Коринѳ. XIII, 1.

[4]) *Идея* есть мысль или понятіе о важнѣйшихъ вопросахъ жизни; таковы напр.: идея о безсмертіи души, назначеніи человѣка, о жизни лучшей, совершенной, согласной съ разумомъ и его законами. *Идеалъ*—есть выраженіе идеи въ образѣ.

[5]) Баратынскій «На смерть Гете».

Почему поэтическія произведенія называются творческими.

Поэтъ, по смыслу своего греческаго названія (ποιητής—ποιέω—творю)—творецъ по преимуществу, такъ какъ силою генія *создаетъ* разнообразный міръ образовъ для выраженія своихъ идей (міръ идеальный).

Вспомнимъ нѣкоторые знакомые поэтическіе образы: на берегу моря землянка; подлѣ нея разбитое корыто. Старикъ-рыбакъ поймалъ золотую рыбку, которая говорила голосомъ человѣчьимъ... Татьяна гадаетъ въ зеркало... Мальчикъ катаетъ въ салазкахъ жучку... Звѣри играютъ *квартетъ*... По волнамъ океана несется на всѣхъ парусахъ *воздушный корабль*. Богатый помѣщикъ *Плюшкинъ* въ заплатанномъ халатѣ ходитъ по улицѣ, собираетъ старыя подошвы, обломки лопатъ и несетъ ихъ въ свой кабинетъ... Подвалъ. Передъ сундукомъ, полнымъ золота, зажжены свѣчи, и «*Снупой Рыцарь*» любуется на свои сокровища... «Недоросль»—Митрофанъ экзаменуется изъ грамматики и на вопросъ: какое имя слово «*дверь*»—отвѣчаетъ: «*прилагательное*», потому что *приложена* къ своему мѣсту — косякамъ, а та дверь, что̀ у чулана, стоитъ не навѣшана, покамѣстъ *существительное!*...» Всѣ эти лица, картины, сцены въ сказкахъ, романахъ, поэмахъ, балладахъ, комедіяхъ стоятъ передъ нами, какъ *живыя*, мы ихъ видимъ, любуемся ими; они пробуждаютъ въ душѣ нашей разнообразныя чувства: то удовольствія, то состраданія, то негодованія... Глядя на нихъ, мы смѣемся, радуемся или горюемъ. На самомъ же дѣлѣ эти событія нигдѣ не происходили, эти лица никогда не жили; они всѣ *выдуманы*, т. е. *созданы* фантазіей поэта. Такіе образы составляютъ міръ мысленный, возможный, *идеальный*. «Это особый міръ,—міръ понятій и мыслей, обращенныхъ въ предметы: новая природа, заждитель оной—человѣкъ, отраженіе премудрости и всемогущества Зиждителя вселенной!» [1]); это міръ творчества, міръ искусства, это—*міръ поэзіи!*

Поэтическій вымыселъ.

Поэтическій вымыселъ—существенное и отличительное свойство поэтическихъ произведеній. Смотря по тому, согласенъ или нѣтъ созданный поэтомъ образъ съ законами природы, вымыселъ бываетъ естественный (дворовый мальчикъ, катающій въ санкахъ жучку; Татьяна, гадающая въ зеркало) и фантастическій, переступающій черту возможнаго („Коверъ-*Самолетъ*“. „*Воздушный* корабль“, „*Говорящая* рыбка“).

Идеальный элементъ и отношеніе его къ дѣйствительному міру.

Отношеніе идеальнаго (*идеалъ*) къ реальному то, что идеальный міръ, міръ творчества, создается на основаніи дѣйствительнаго. Поэтъ пользуется реальнымъ предметомъ для своихъ вымысловъ—образовъ, какъ матеріаломъ, который пересоздаетъ по своему; такъ, лѣсъ у поэта принимаетъ образъ *богатыря Бовы*, лѣнивые люди, коихъ не разъ видалъ и наблюдалъ въ жизни поэтъ, преображаются въ *Обломова*, скупые—въ *Плюшкина*, мечтательныя дѣ-

---

[1]) М. Павловъ «Различіе между изящными науками и искусствами».

вушки—въ *Татьяну*. Даже историческому лицу поэтъ приписываетъ свои, выдуманныя, не засвидѣтельствованныя исторіей, но *возможныя* свойства и дѣйствія; напримѣръ въ стихотвореніи: „Кто онъ?“ Петръ I починяетъ рыбаку разбитый челнокъ. Хотя объ этомъ случаѣ въ исторіи не говорится, но поэтъ, на основаніи изученія исторіи Петра Великаго, *создалъ* совершенно возможную сцену.

Идеалъ.

Вымышленный міръ—міръ идеальный. Въ частности же тѣ изъ образовъ идеальнаго міра, въ коихъ извѣстная идея выражена съ наибольшею и совершеннѣйшею полнотою, обыкновенно называются идеалами; напримѣръ: Одиссей—идеалъ умнаго грека; Илья Муромецъ—идеалъ русскаго народнаго богатыря.

По отношенію къ идеалу, какъ представленію совершенства, изображеніе жизни можетъ быть положительное и отрицательное. Положительное изображеніе жизни выражаетъ совершенство, къ которому мы стремимся т. е. идеальное совершенство; отрицательное же указываетъ рѣзкое уклоненіе наше отъ идеала: такъ Антигона Софокла, Корделія Шекспира—идеалы положительные, Чичиковъ, Городничій Гоголя, Плюшкинъ—отрицательные идеалы.

Типическое изображеніе жизни.

Каждый въ отдѣльности поэтическій вымыселъ, а равно и цѣлое поэтическое произведеніе (романъ, комедія), настолько въ художественномъ отношеніи выше и совершеннѣе, насколько ярче, выпуклѣе и вѣрнѣе изображаетъ жизнь извѣстнаго общества. Такое идеально-вѣрное изображеніе дѣйствительной жизни въ поэтическомъ произведеніи называется типическимъ изображеніемъ жизни. Каждое же, отдѣльно взятое идеальное лицо, съ особенною вѣрностью очеркнутое,—типомъ.

Типъ.

Типъ (τύπος—образъ)—это *собирательный, характерный, созданный поэтомъ*, какъ результатъ наблюденія и изученія дѣйствительной жизни, *образъ, въ которомъ одномъ воплощены общія отличительныя черты и свойства, въ дѣйствительности принадлежащія множеству отдѣльныхъ предметовъ того же рода*. Типическими могутъ быть: мѣстность, сцена, характеръ, физіономія и пр. Напримѣръ, повѣсти Гоголя: „Старосвѣтскіе помѣщики„ и „Тарасъ Бульба“, должны быть причислены къ *типическимъ*, выведенныя въ нихъ лица—къ *типамъ*, потому что природа Малороссіи, характеры дѣйствующихъ лицъ и ихъ поступки изображены такъ, что всѣ старосвѣтскіе помѣщики того времени, по своему образу жизни, привычкамъ, походили на Афанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну; Тарасъ же Бульба

вонлотилъ въ себѣ главнѣйшія черты большинства казаковъ Запорожской Сѣчи.

Поэтическій типъ, слѣдовательно, не портретъ отдѣльнаго человѣка, но художественный характеръ, на которомъ рѣзко отпечатлѣваются: природа, народность, исторія, духъ времени, сословіе и другія черты. Каждый художественный характеръ обладаетъ личными, ему присущими качествами, имѣетъ свою собственную физіономію. Напримѣръ, Плюшкинъ, Баронъ въ драмѣ Пушкина „Скупой рыцарь", Гарпагонъ въ комедіи Мольера, при общихъ сходныхъ чертахъ, характеризующихъ *скупого* во всемъ мірѣ, имѣютъ свои національныя, сословныя и личныя качества: Плюшкинъ—скупой *русскій помѣщикъ*, крѣпостникъ; Скупой Рыцарь—*средневѣковой баронъ*; Гарпагонъ—*скупой французъ*. Такіе типы, въ силу своей художественной характеристики—становятся нарицательными, безсмертными: о скрягѣ говорятъ: *Плюшкинъ*, о лѣнивцѣ—*Обломовъ*, о мечтателѣ—*Маниловъ* и проч. Художественный характеръ.

По своему происхожденію поэзія бываетъ устная, или народная, и письменная, или искусственная. Историческое развитіе поэзіи.

Стремленіе къ поэтическому творчеству прирождено человѣку, кроется въ глубинѣ его духовной природы, подобно тому, какъ драгоцѣнные металлы таятся въ нѣдрахъ земли. Задолго до появленія письменныхъ произведеній поэзіи, начиная съ древнѣйшей эпохи жизни, среди народа являются поэтическія произведенія—пѣсни, сказки и былины. Всѣ такія поэтическія созданія невѣдомыхъ міру поэтовъ, переходящія изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, доставляющія эстетическое наслажденіе народу, составляютъ народную, устную или безыскусственную, поэзію.

Съ теченіемъ времени, при распространеніи грамотности, является искусственная, или письменная, поэзія, создаваемая геніемъ извѣстныхъ писателей. Тѣмъ выше достоинство и значеніе искусственной поэзіи, чѣмъ ближе, родственнѣе духовная связь ея съ народной. Искусственная поэзія.

Всѣ главнѣйшія формы современной искусственной поэзіи получили свое происхожденіе въ древней Греціи, гдѣ источникомъ для развитія ихъ послужила богатая народная поэзія.

Поэзія, т. е. поэтическія произведенія, смотря по преобладанію въ нихъ или разсказа *(эпосъ)*, или внутренняго чувства, выражаемаго обыкновенно въ пѣніи и музыкѣ *(лира)*, или дѣйствія *(драма)*, какъ бы совершающагося предъ глазами читателя,—раздѣ- Раздѣленіе поэзіи.

ляется на три рода: эпическую, лирическую и драматическую.

Тѣ произведенія, въ которыхъ преобладаетъ поучительный элементъ, называются дидактическими (διδάσκω—учу) [1]).

Польза поэзіи.

Польза поэзіи неисчислима. Какъ совершеннѣйшее изъ искусствъ, она доставляетъ высшее духовное наслажденіе, возбуждая въ душѣ человѣка стремленіе ко всему высокому, благородному и святому. Оттого во всѣ времена и у всѣхъ народовъ поэты признавались учителями человѣчества, пророками, провозвѣстниками вѣчной правды и вѣчной красоты. Поэзія обогащаетъ умъ идеями, наполняетъ сердце благороднѣйшими чувствами, услаждаетъ воображеніе художественными картинами—словомъ: она обновляетъ, облагороживаетъ и возвышаетъ всего человѣка. Она доставляетъ художественное наслажденіе въ *отличіе отъ наслажденій житейскихъ.*

„Наша фантазія съ каждою новою картиною поэта пріобрѣтаетъ что-нибудь новое; умъ нашъ, руководствуемый его остротою, обогащается новымъ тонкимъ замѣчаніемъ, новою необыкновенною связью мыслей; наше сердце, увлеченное его чувствами, трогается; но этого не довольно: все наше воображеніе становится живѣе, все наше остроуміе дѣятельнѣе, все наше сердце чувствительнѣе и сильнѣе. Силы сіи, будучи неоднократно возбуждаемы, пріобрѣтаютъ чрезъ то болѣе готовности, напряженій, совершенства для будущей дѣятельности. Поэзія, волнуя душу прекрасными образами, освѣжаетъ ее, не даетъ застаиваться, очищаетъ, просвѣтляетъ, смягчаетъ сердце, зажигая любовь къ ближнему“ [2]). „Поэзія—голосъ пророка: ея стихъ долженъ врачевать наши сомнѣнія, возвышать насъ, поучая вѣчнымъ истинамъ, любви къ ближнимъ и врагамъ.—Это—труба пречистаго Архангела“.[3]).

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Понятіе объ эпосѣ.

Подъ именемъ эпической поэзіи, или эпоса (ἔπος—сказаніе), разумѣются произведенія, въ коихъ заключается *поэтическій разсказъ о какомъ-нибудь событіи изъ прошедшей или современной* жизни народа. По своему происхожденію эпическія произведенія раз-

---

[1]) Прежде нѣкоторыя произведенія съ дидактическимъ содержаніемъ, напр.: *басни, посланія, сатиры*, составляли особый родъ поэзіи *дидактической;* въ настоящее время они относятся либо къ эпической *(басни)*, либо къ лирической поэзіи *(посланія, сатиры)*. [2]) Жуковскій [3]) Гоголь.

дѣляются на народныя (народный эпосъ) и искусственныя (литературный эпосъ).

Формы народнаго эпоса.

Народъ въ своемъ развитіи переживаетъ три періода: миѳическій, героическій и историческій; въ каждый изъ періодовъ являются особыя формы эпоса. Формы народнаго эпоса въ періодъ миѳическій: *сказки, пословицы, загадки*; въ періодъ героическій: *былины, легенды,* и въ періодъ историческій: *историческія пѣсни.*

Сказка.

Сказка—*народный вымышленный разсказъ фантастическаго содержанія.* По своему содержанію сказки раздѣляются на *миѳическія, бытовыя* и *сказки о животныхъ.*

Миѳическія сказки.

Миѳическія (μύθος—*сказаніе о богахъ*) сказки заключаютъ въ себѣ народныя вѣрованія, взглядъ на природу; причемъ ея различныя силы и явленія—круговращеніе солнца, времена года, громъ, молнія, плодородіе земли и проч. олицетворяются въ фантастическихъ образахъ; напр., *скатерть-самобранка* означаетъ плодородіе земли, *живая вода* — благотворный дождь, *коверъ-самолетъ* — облака, *мечъ саморубъ*—молнію, *жаръ-птица*—весну, *баба-яга, кощей, морозъ-красный-носъ*—зиму, бури, метели и проч. Образцомъ миѳическихъ сказокъ могутъ служить: „Окаменѣлое царство“, „Баба-яга“, „Жаръ-птица“. Въ сказкѣ „Окаменѣлое царство“ невѣста (*земля*), подъ вліяніемъ чаръ злой колдуньи (*зима*), превращается *въ камень* и засыпаетъ долгимъ непробуднымъ сномъ: во всемъ ея царствѣ жизнь пріостанавливается и какъ бы засыпаетъ, пока свѣтозарный царевичъ (*солнце*) не разбудитъ и не женится на красавицѣ.

Бытовыя сказки.

Бытовыя сказки—тѣ, коихъ содержаніе взято изъ жизни народа. Героями бытовыхъ сказокъ являются или представители народа (*Иванушка-дурачёкъ съ братьями*—обыкновенно сынъ крестьянина), или олицетворенныя нравственныя понятія (*горе, счастіе, правда, кривда* и проч.) Въ сказкахъ этого рода рисуются разныя стороны народной жизни, отношенія семейныя: отцовъ къ дѣтямъ, братьевъ между собою, мачихи къ падчерицѣ. Рядомъ съ бытовою, въ этихъ сказкахъ видна сторона миѳическая: сказочные герои часто ве-

дутъ борьбу съ Кощеемъ, Бабою-ягою и другими чудовищами, добываютъ волшебныя травы, живую и мертвую воду, коня златогриваго и проч.

Сказки о животныхъ.

Въ сказкахъ о животныхъ (животный эпосъ) дѣйствующими лицами являются звѣри и птицы, дикіе и домашніе: *медвѣдь, волкъ, лиса, заяцъ, собака, котъ, журавль, ворона, пѣтухъ* и др. Имъ приписывается умъ, даръ слова, лукавство; они дѣйствуютъ, какъ разумныя существа или между собою, или въ обществѣ съ человѣкомъ. Каждое изъ нихъ сохраняетъ свой характеръ. Сказки эти послужили матеріаломъ для басенъ Крылова.

Языкъ сказокъ.

Языкъ народныхъ сказокъ отличается особыми эпическими пріемами; почти всякая сказка начинается словами: „въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ". Продолжая рѣчь, разсказчикъ нерѣдко говоритъ: „низко-ли, высоко-ли, близко-ли, далеко-ли, отсюда не видать; не любо—не слушай, а лгать не мѣшай". Оканчивается сказка, обыкновенно присказкой: „Я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ; по усамъ текло, въ ротъ не попало; *тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ*". Такая присказка даетъ понять, что, если сказочныя чудеса и—выдумка, „небылица въ лицахъ", по смыслъ сказки, нравственная ея подкладка, природа, люди, бытъ, нравы, вѣрованія, звѣри—все это, изображаемое въ ней, есть *чисто-русское*, все это носитъ печать *народнаго русскаго духа*.

Многіе изъ нашихъ писателей художественно воспроизводили народныя сказки. Таковы: „Объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ", „О спящей царевнѣ" Жуковскаго; „Конекъ-Горбунокъ" Ершова; „О купцѣ Остолопѣ", „О царѣ Салтанѣ", „О рыбакѣ и рыбкѣ" Пушкина.

Историческое значеніе сказки.

Теперь для насъ сказка—не что иное, какъ «вымыселъ игривый и забавный», занимающій дѣтей, вымыселъ, которому самъ разсказчикъ не даетъ ни малѣйшей вѣры, пересыпая сказочную повѣсть разными прибаутками; «красно поле рожью, а сказка—ложью», «не любо—не слушай, а лгать не мѣшай». Но эти сказочныя чудеса—живыя преданія старины глубокой; въ нихъ чуется русскій духъ и «Русью пахнетъ»—Русью первобытной. Въ сказкѣ слышится первый лепетъ русскаго народа-младенца въ ту отдаленную пору жизни, когда вся природа ему, какъ простодушному ребенку, казалась загадочнымъ существомъ—«живой букой», когда предъ его суевѣрнымъ взоромъ изъ каждаго сухого дупла выскакивалъ «либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана», когда были, по слову поэта, «и лѣсъ, и долъ видѣній полны»; на небѣ, по народному вѣрованью, жилъ громовникъ Перунъ и сыпалъ стрѣлами—*перунами;* въ озерахъ жили *водяные*, въ рѣкахъ плескались *русалки*, въ лѣсахъ бродили *лѣшіе*, на лугахъ росли *волшебныя*

травы, изъ горъ били *ключи живой и мертвой воды*,—словомъ, въ сказкѣ, какъ въ зеркалѣ, отразился первобытный образъ русскаго народа-младенца: его взглядъ на природу, его вѣрованія, его умъ, его нравственныя правила, отношенія семейныя и пр.

Нравственная и поэтическая стороны сказки.

Пушкинъ въ одномъ изъ писемъ къ брату съ восторгомъ отзывается о сказкахъ: «Вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма». Лермонтовъ сказалъ: «Въ нашихъ народныхъ сказкахъ больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности» [1]). Какъ отъ всѣхъ народныхъ произведеній, отъ сказокъ вѣетъ поэтической чистотой и искренностью, въ нихъ столько истинной поэзіи и столько трогательныхъ сценъ! Сказка не терпитъ ни малѣйшаго намѣреннаго уклоненія отъ добра и правды; она требуетъ наказанія всякой неправды и представляетъ добро торжествующимъ надъ зломъ. Во всей сказочной поэзіи господствуетъ мысль о святости правды, торжествѣ законности, вездѣ замѣчается чувство любви и состраданія, обнимающее собою не одинъ людской міръ, но и всю природу.

Это чувство любви и состраданія, такъ возвышающее нравственную сторону человѣка, трогательно выражается не только по отношенію къ несчастному, преслѣдуемому человѣку, но оно одинаково сказывается и при видѣ раненаго звѣря, подстрѣленной птицы, выброшенной на берегъ морскою волной рыбы и больного дерева. Оттого сказка, удовлетворяя нравственное чувство, всегда составляла высокое духовное наслажденіе для народа, который находилъ себѣ въ идеѣ сказки ободреніе въ борьбѣ со зломъ и житейскою неправдою. Сердце русскаго народа, по скольку это отразилось въ сказкахъ, всегда на сторонѣ слабаго, угнетеннаго и оскорбленнаго, на сторонѣ нравственной правды, простодушія, незлобія и сострадательности. Нравственная сила спасаетъ отъ всѣхъ козней. Такъ, изъ трехъ братьевъ, большею частію, торжество остается за незлобивымъ, простодушнымъ, наивнымъ («дураковатымъ» въ смыслѣ практической ловкости), любящимъ и нравственно чистымъ, младшимъ Иваномъ. Какъ бы ни ухищрялись старшіе умники погубить, насмѣяться надъ простотой Иванушки-дурачка, всѣ ихъ злоумышленія и козни обыкновенно обращаются имъ же въ погибель и посмѣяніе. Съ особенною силою выражена нравственная, такъ сказать, высота народнаго сказочнаго эпоса въ сказкахъ: «*Норка-звѣрь*», «*О правдѣ и кривдѣ*», «*Чудесная дудка*» и др. Въ сказкѣ «*Норка звѣрь*» братья отправляются искать чуднаго звѣря. Когда младшій братъ отыскиваетъ желанное счастье, старшіе, обрѣзавъ канатъ, оставляютъ его въ подземномъ мірѣ, лишивъ надежды вернуться на Русь. Въ этой бѣдѣ спасаетъ дурака высокое чувство любви и состраданіе къ маленькимъ птичкамъ въ гнѣздѣ, которыхъ онъ накрылъ во время бури своей одеждой [2]). Въ сказкѣ «*Правда и Кривда*» Кривда сначала беретъ верхъ надъ Правдой; криводушный правдивому даже выкалываетъ глаза и бросаетъ одного въ лѣсу. Но въ концѣ концовъ Правда все-таки торжествуетъ. Слѣпой случайно подслушиваетъ, чѣмъ лѣчатъ глаза и другія болѣзни, самъ себя вылѣчиваетъ и больную царевну;

---

[1]) Соч. Лермонтова изд. Дудышкина, Томъ I, стр. 3.
[2]) Народныя русскія сказки А. Н. Аѳанасьева. Кн. I. Предисл.

послѣ дѣлается мужемъ ея. Въ трогательной сказкѣ «*Чудесная дудка*» выразилась вѣра народа въ Божіе правосудіе. Подружки изъ зависти убили въ лѣсу Снѣжевиночку и схоронили подъ сосенкой; заровняли, утоптали и укатали могилку. На могилкѣ выросъ камышъ. Мимо шли бурлаки, срѣзали и сдѣлали изъ него *дудочку*, пришли случайно къ отцу Снѣжевиночки и заиграли... Диво! дудочка, какъ живой человѣкъ, стала выговаривать: «ду-ду-ду!—меня подружки убили, изъ-за ягодокъ: убили, подъ сосенкой схоронили». Старикъ отецъ выпросилъ у бурлаковъ чудесную дудочку и разломилъ; оттуда выскочила дѣвочка—его дочь.

Пословицы.

Пословица—*это краткое изреченіе, содержащее въ себѣ правила житейской многовѣковой опытности народа, высказанное въ поэтической формѣ*, по большей части въ видѣ живописнаго и звучнаго двустишія; напр.: *„Безъ Бога ни до порога“*.—*„Не красна изба углами, а красна пирогами“*.—*„Богу молиться—всегда пригодится!“* Пословицы,—это жемчужины философіи въ поэтической оправѣ.

Историческія пословицы.

Въ пословицахъ замѣчаются черты историческія; нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ самой отдаленной древности, ко временамъ язычества: *„Изъ пустаго дупла—либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана“*. *„Вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли“*. *„Обреченная (на жертву) скотинка—уже не животинка“*. Есть пословицы, указывающія на время перехода отъ язычества къ христіанству: „Взялъ *боженьку* (*идола*) за ноженьку, да и о полъ!“. Съ принятіемъ христіанства явились пословицы религіозныя: „Много званыхъ, мало избранныхъ“. „Церковь—палата для всѣхъ свята“. Есть пословицы, относящіяся ко времени татарскаго владычества: „Не во время гость, хуже *татарина*“. „Тутъ словно *Мамай* воевалъ“. О силѣ и могуществѣ древняго Новгорода—пословица: *„Кто противъ Бога и великаго Новгорода?“* „Кто противъ Бога и великаго Новгорода?“ Пословица: „Вотъ тебѣ, бабушка, и *Юрьевъ день*“—сложилась послѣ уничтоженія Борисомъ Годуновымъ крестьянскихъ переходовъ отъ одного помѣщика къ другому. Пословицы: „Пропалъ, какъ *Шведъ подъ Полтавой*“, *„Голодный Французъ* и воронѣ радъ“ указываютъ на Полтавскую битву при Петрѣ I и бѣдствія Французовъ въ 12-мъ году.

Значеніе пословицъ.

Русскій народъ богатъ пословицами, любитъ пословицы и вѣритъ въ ихъ непреложную истину, утверждая, что „пословица во вѣкъ не сломится“. Если гдѣ, то въ пословицахъ народный русскій геній сказался съ особенною силою и выразительностью. Въ пословицахъ данъ

отвѣтъ краткій, но ясный, положительный, на всѣ важнѣйшіе вопросы жизни и нравственности.—„Наши пословицы, говоритъ Гоголь, значительнѣе пословицъ всѣхъ другихъ народовъ. Сверхъ полноты мыслей, уже въ самомъ выраженіи въ нихъ отразилось много народныхъ свойствъ нашихъ; въ нихъ все есть: издѣвка, насмѣшка, попрекъ— словомъ, все шевелящее и задирающее за живое. Какъ стоглазый Аргусъ, глядитъ изъ нихъ каждая на человѣка. Всѣ великіе люди, отъ Пушкина до Суворова и Петра Великаго, благоговѣли передъ нашими пословицами. Извѣстно, что ежели съумѣешь замкнуть рѣчь ловко прибранною пословицею, то симъ объяснишь ее вдругъ народу, какъ бы сама по себѣ ни была она свыше его понятій“ [1]).

Загадка.

Загадка—*краткая притча или аллегорическій вопросъ, большею частью выраженный въ стихотворной формѣ.* Игра въ загадки въ старину развивала сообразительность, или смекалку. Загадки, по своему содержанію, очень разнообразны; нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ *миѳическому* періоду и заключаютъ взглядъ на явленія природы, напр.: *ночь* изображается въ слѣдующей загадкѣ: „Махнула птица крыломъ, покрыла весь свѣтъ однимъ перомъ“.

„Выросъ кустъ изъ *четырехъ* мѣстъ,
На томъ кусту *двѣнадцать* гнѣздъ,
Въ каждомъ гнѣздѣ по *четыре* синицы,
У каждой синицы по *четырнадцати* яицъ:
Семь бѣленькихъ, да *семь* сѣренькихъ.
(*Годъ, мѣсяцы, недѣли, дни, ночи*).

«Живетъ безъ тѣла,
Говоритъ безъ языка,
Никто его не видитъ,
А всякій слышитъ» (*эхо*).

—

«Братъ съ братомъ
Черезъ дорожку живутъ,
Другъ дружка не видятъ (*глаза*).

—

«Не княженецкой породы,
А ходитъ съ короной;
Не ратный ѣздокъ,
А съ ремнемъ на ногѣ;
Не сторожемъ стоитъ,
А всѣхъ будитъ» (*пѣтухъ*).

—

«Стучитъ, гремитъ, вертится,
Никого не боится;
Считаетъ свой вѣкъ,
Самъ не человѣкъ (*часы*) [2]).

Былины.

Понятіе о былинѣ.

Былина, или былевая пѣсня, собственно значитъ: народный поэтическій разсказъ *о быломъ-пережитомъ.* Въ былинахъ—

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой...

---

[1]) Соч. Гоголя. Т. III. [2]) «Сказанія русскаго народа» Сахарова.

Различіе между былиной и сказкой.

По пословицѣ: „сказка — складка, пѣсня — быль“, „изъ пѣсни слова не выкинешь“, былина отъ сказки отличается нѣкоторою правдоподобностью. Въ то время, какъ сказка—„складка“, или совершенный вымыселъ, и сказочныя чудеса совершаются невѣдомо гдѣ, невѣдомо когда, между небомъ и землею, „въ нѣкоторомъ царствѣ, за тридевять земель, и въ тридесятомъ государствѣ“,—былины хотя изобилуютъ фантастическимъ элементомъ и полны анахронизмовъ, т. е. смѣшенія историческихъ эпохъ, тѣмъ не менѣе, въ основѣ былинъ лежитъ быль. Дѣйствительно происходившія событія былиннаго эпоса совершаются не въ тридесятомъ государствѣ, какъ сказочныя чудеса, а въ предѣлахъ *русской земли*; въ былинахъ упоминаются уже русскія мѣстности, рѣки: *Днѣпръ, Дунай, Донъ*; озеро *Ильмень*; города: *Кіевъ, Новгородъ*; степи *Украинскія*. Герои былинъ—не безобразныя миѳическія чудовища, въ родѣ Бабы-яги или Кощея, а люди съ опредѣленнымъ характеромъ: храбрые, могучіе, щедро одаренные силами — тѣлесными и духовными — богатыри [1]), которые ведутъ постоянную борьбу съ историческими, исконными врагами Руси: *Половцами, Печенѣгами, Хазарами* и др. Оттого былинный эпосъ иначе называется—*богатырскимъ*.

Былины о старшихъ и младшихъ богатыряхъ. Старшіе богатыри.

Герои былинъ—богатыри—раздѣляются на богатырей старшихъ и младшихъ. Къ старшимъ богатырямъ относятся: *Святогоръ и Микула Селяниновичъ*.

Святогоръ.

Святогоръ одаренъ такой силой, которая его подавляетъ. «Какъ-бы я тяги нашелъ, говоритъ Святогоръ,— такъ-бы я всю землю поднялъ». Разъѣзжая по полямъ, онъ находитъ сумочку, хочетъ двинуть, но не можетъ и самъ угрязъ въ землю такъ, что не могъ подняться. Святогоръ—кочевникъ, сумочка—тяга земная. Богатырь-кочевникъ не могъ справиться съ землей. Тяга земная по силамъ богатырю-крестьянину Микулѣ.

Микула Селяниновичъ.

Микула Селяниновичъ (*село*) — богатырь-*пахарь*—обладаетъ необыкновенной силой: свистъ его слышенъ за три дня пути. Въ былинѣ «Вольга и Микула Селяниновичъ» разсказывается, что Вольга и его дружина, встрѣтившись съ Микулой на пашнѣ, никакъ не могли вытащить сохи: Микула же выдернулъ соху одной рукой и бросилъ за ракитовъ кустъ.

Въ величавомъ образѣ пахаря, неизмѣримо возвысивъ его по силѣ предъ Вольгою Святославичемъ со всею его дружиною «хороброю», народъ выразилъ *мысль о превосходствѣ осѣдлой земледѣльческой жизни предъ бродячею, кочевою*, и свой взглядъ на трудъ земледѣльца, какъ на самый любезный, плодотворный и святой.

Микула о себѣ говоритъ:

«А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
Въ скирды сложу, домой выволочу;

---

[1]) Слово „*богатырь*“ производится отъ корня *Богъ—богатый* (силами)—могучій

Домой выволочу. да дома вымолочу;
Драни надеру, да пива наварю,
Пива наварю, да мужичковъ напою;
Станутъ мужички меня покрикивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ!"

Младшіе богатыри раздѣляются на двѣ неравныя группы: Кіевскихъ и Новгородскихъ. Младшіе богатыри.

Кіевскіе богатыри живутъ и дѣйствуютъ *въ Кіевѣ*, столицѣ земли русской, подъ властію ласковаго князя *Владиміра*:— пьютъ на его веселыхъ пирахъ, думаютъ съ нимъ думу о земскомъ строеніи и обороняютъ землю отъ ея враговъ. Главные изъ Кіевскихъ богатырей: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ. а) Кіевскіе.

Любимый богатырь народныхъ былинъ — Илья Муромецъ, полный, законченный типъ и вмѣстѣ идеалъ богатыря. «Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ, одинъ богатырь на Святой Руси—Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ», прямой потомокъ Микулы Селяниновича—представитель *крестьянства*, надѣленный, подобно Микулѣ, свѣтлыми чертами: Илья Муромецъ.

«Онъ и спитъ—храпитъ,
Какъ порогъ шумитъ;
Богатырскій сонъ на двѣнадцать дёнъ...
У него конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки и озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ моря устилаются,
Старшіе богатыри дивуются:
Нѣтъ лучше на поѣздку Ильи Муромца:
У его поѣздка молодецкая,
Вся поступочка богатырская...
Онъ и крестъ кладетъ да по писанному,
Онъ поклонъ ведетъ да по ученому,
Онъ и кланяется на всѣ на четыре стороны,
Еще князю-то да на особицу.
Его любитъ мать-земля сырая,
Смерть ему въ бою не написана».

Илья Муромецъ—*атаманъ* среди богатырей, любимецъ князя Владиміра, самый вѣрный его слуга, готовый на самые трудные подвиги, для исполненія коихъ выбираетъ не окольные пути, а дороги «прямоѣзжія!» Илья—защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ, вдовъ и малолѣтнихъ дѣтей. Не смотря на чрезвычайную силу, онъ скроменъ, жалостливъ, добродушенъ, услужливъ, боится «напрасной крови»: безъ нужды не вынимаетъ оружія, не «кровавитъ рукъ». Ему жаль убивать и разбойниковъ, напавшихъ на него: онъ только стращаетъ ихъ, пустивъ стрѣлу въ дубъ.

«Угодила стрѣла въ сыръ-кряковистый дубъ,
Изломала дубъ въ черенья ножевые,
Станишники [1]) съ коней попадали».

Въ лицѣ Ильи Муромца русскій народъ выразилъ свои родовыя отличительныя, характерныя черты: набожность, скромность, при сознаніи чрезвычайной силы, открытый, чуждый лицемѣрія и ехидства, нравъ, великодушіе къ побѣжденному врагу. Эти прирожденныя, прекрасныя качества русскаго народа, какъ извѣстно, проходятъ чрезъ всю его исторію.

Въ нѣкоторыхъ былинахъ ясно указываются историческія событія;

---

[1]) «*Станишники*»—разбойники.

такъ, былина: «*Илья Муромецъ и Идолище поганое*», гдѣ говорится, что Илья—

«Схватилъ съ головушки *шляпку земли греческой*
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы»—

изображаетъ побѣду надъ язычествомъ чрезъ принятіе христіанской вѣры отъ Грековъ.

Новгородскіе богатыри.

Въ былинахъ воспѣваются только два новгородскихъ богатыря: Садко Богатый-Гость и Василій Буслаевъ. Оба эти богатыря носятъ на себѣ особую печать новгородскаго быта и являются представителями двухъ, рѣзко выдающихся сторонъ жизни великаго Новгорода: въ лицѣ Садки выставляется *торговая*, а въ Васильѣ Буслаевѣ—*общинно-вѣчевая сторона*.

Садко.

По сказанію былинъ, Садко—гость, т. е. купецъ, разбогатѣлъ, благодаря «рыбкѣ—золотыя перья», пойманной въ *Ильмень*-озерѣ, и всѣ похожденія Садки происходятъ *на водѣ*, въ области «*водяного*», т. е. морского царя.

Смыслъ былины о Садкѣ тотъ, что Новгородъ разбогатѣлъ отъ Ильмень-озера, посредствомъ торговли, которая велась *водными путями*. Какъ извѣстно, изъ всѣхъ древнихъ русскихъ городовъ, Новгородъ велъ самую обширную торговлю съ Ганзейскимъ [1]) союзомъ чрезъ Волховъ, Ильмень, Неву, Балтійское море.

Василій Буслаевъ.

Василій Буслаевъ является представителемъ буйной новгородской вольницы. Еще съ молодыхъ лѣтъ Василій началъ «шутить шутки не маленькія: кого возьметъ за руку, у того рука прочь; кого за ногу, у того нога прочь; кого схватитъ за голову, головой вертитъ, словно пуговицей».

«А самъ началъ по мужичкамъ похаживать,
И началъ мужичковъ пощелкивать,
Осью желѣзною помахивать:
Махнетъ Васильюшка—улица,
Отмахнетъ назадъ—промежуточекъ,
И впередъ просунетъ—переулочекъ».

Въ бояхъ Василія Буслаева и его дружины съ мужиками новгородскими выразились раздоръ и смуты новгородскіе, начинавшіеся на вѣчѣ и нерѣдко оканчивавшіеся боями на Волховскомъ мосту.

Историческія пѣсни.

Понятіе о пѣсняхъ.

Историческія пѣсни, составляя какъ бы продолженіе народнаго былиннаго эпоса, содержатъ въ себѣ народныя сказанія о позднѣйшихъ историческихъ событіяхъ; есть пѣсни, относящіяся ко временамъ Монгольскаго ига, Куликовской битвы,

---

[1]) *Ганзейскій союзъ* или *ганза* (древне славянское слово *онзъ-узы*—союзъ)—*торговое товарищество* между сѣверными нѣмецкими городами (XIII—XVII в.).

Ивана Грознаго, Ермака—завоевателя Сибири, Бориса Годунова, Самозванца, Скопина-Шуйскаго, Петра Великаго, Суворова, нашествія Наполеона и т. д.

Сходство съ былинами.

По формѣ историческія пѣсни близки къ былинамъ, по образцу которыхъ онѣ и составились: въ нихъ тѣ же пріемы при изображеніи предметовъ, тотъ же складъ рѣчи, даже миѳическій или волшебный элементъ по временамъ является въ пѣсняхъ. Такъ, въ *„Пѣснѣ о Лжедимитріи“* Марина изображается *колдуньею*.

Историческія черты.

Но въ пѣсняхъ событія и лица изображаются въ общихъ чертахъ согласно съ исторіей: такъ, *„Пѣсня о взятіи Казани“* передаетъ вѣрно даже подробности этого событія (См. приложеніе).

„Пѣсня о нашествіи Наполеона“ проникнута чувствомъ патріотическимъ, сознаніемъ своей силы и непобѣдимости:

«Не дубровушка шумитъ:
Французъ съ арміей валитъ,
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
«Еще много генераловъ—
Всѣхъ въ ногахъ стопчу,
Всею Матушку Рассеюшку
Въ полонъ себѣ возьму,
Въ каменну Москву зайду!»

Генералы испугались,
Платкомъ слезы вытирали,
Въ поворотъ слово сказали:
«Не бывать тебѣ, злодѣю,
Въ нашей каменной Москвѣ,
Не видать тебѣ, злодѣю,
Бѣлокаменныхъ церквей,
Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
Золотыхъ нашихъ крестовъ!»

На югѣ Россіи *историческія* пѣсни получили названіе *„Думъ“*. Въ „думахъ“ воспѣваются главнымъ образомъ подвиги казачества въ борьбѣ съ поляками и турками.

Легенды.

Понятіе о легендѣ.

Легенда—*это народный фантастическій разсказъ религіознаго содержанія.*

Содержаніе ея.

Въ легендахъ обыкновенно господствуетъ двоевѣріе: перемѣшиваются образы христіанства съ народными языческими понятіями и воззрѣніями. Легенды хотя грѣшатъ противъ священной исторіи и догматовъ, но представляютъ собой образцы народнаго, нерѣдко очень трогательнаго, поэтическаго творчества, гдѣ народъ высказываетъ свой взглядъ на религію и нравственность: въ основѣ каждой легенды лежитъ одна и та же идея—торжество добра надъ зломъ, честной бѣдности надъ земными благами, нажитыми неправдой. Спаситель, Божія Матерь, Апостолы, Святые, принимая участіе въ дѣлахъ міра, всегда берутъ сторону убогихъ и обиженныхъ; согласно съ евангельскимъ ученіемъ, страдалецъ получаетъ награду, а притѣснитель—наказаніе. Господствующая мысль въ легендахъ, напр. *„О хожденіи Христа*

съ Апостолами", „*Чудесная молотьба*", „*Бѣдная вдова*", „*Христовъ братецъ*" и др., та, что бѣдность и правда находятъ въ Спасителѣ заступника, жестокосердые богачи—карателя. Онъ Самъ странствуетъ въ одеждѣ нищаго, испытывая сердца людей, внушая имъ любовь къ ближнимъ, направляя ихъ на путь истины. Такъ, въ одной легендѣ, „*Апостольскіе обходы*", разсказывается, какъ Апостолы, пришедши къ городу, увидѣли человѣка, пахавшаго землю, и попросили у него хлѣба. Пахарь отправился въ городъ за хлѣбомъ, а Апостолы безъ него взорали землю и засѣяли. Возвратясь, онъ увидѣлъ пшеницу совершенно зрѣлою. Изъ угодниковъ Божіихъ легенды разсказываютъ про *Николая Чудотворца*, *Илью Пророка*, *Георгія Побѣдоносца*.

Духовные стихи.

Духовные стихи—тѣ же легенды, выраженныя въ стихотворной формѣ. Самые распространенные и любимые духовные стихи: „*О богатомъ и Лазарѣ*", „*О Егоріи храбромъ*".

Мученія и славу (апоѳеозъ) св. великомученика Георгія народъ изображаетъ въ слѣдующихъ сильныхъ поэтическихъ краскахъ:

«По Божьему велѣнію,
По Егорьеву моленію,
Не берутъ пилы жидовскія:
У нихъ зубы позагнулися,
Мучители всѣ утомилися.
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тѣло соцѣлилося.
Возставалъ Егорій на рѣзвы ноги,
Поетъ стихи Херувимскіе,
Превозноситъ все гласы Архангельскіе.
По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ;
Голова у Егорья вся жемчужная,
На всемъ Егоріи часты звѣзды».

Особенности народнаго эпоса.

Народный эпосъ отличается нѣкоторыми особенностями, каковы:

а) Обрядность, состоящая въ повтореніи однихъ и тѣхъ же пріемовъ разсказа, которые, переходя по преданію отъ поколѣнія къ поколѣнію, сдѣлались обычными, неизмѣнными въ своей установившейся и какъ бы застывшей и отвердѣвшей формѣ. Такъ, всякая почти сказка начинается: „Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ"; начало большинства былинъ также одинаково, съ нѣкоторыми только видоизмѣненіями (варіація):

«Въ стольномъ городѣ, во Кіевѣ,
У ласковаго сударь-князя Владиміра,
Было столованье, почестный пиръ:
Сходилися, собиралися къ нему могучіе богатыри».

б) Живопись, или искусство изображать каждый предметъ по впечатлѣнію, имъ производимому; вотъ, напр., описаніе змѣя:

«Изъ норы ползетъ—озирается,
По песку ползетъ—извивается,
По травѣ ползетъ—мураву сушитъ».

в) Яркость красокъ, достигаемая изобиліемъ въ рѣчи постоянныхъ, украшающихъ эпитетовъ: поле *чистое*, мурава *шелковая*, цвѣты *лазоревы*, очи *соколиныя*, походка *лебединая*, дружина *хоробрая*, мечи *булатные*, сабли *вострыя*, сѣделечко *черкасское* и пр. [1]); частыми уподобленіями: „мать плачетъ, что *рѣка льется*"; гиперболами: „конь бѣжитъ—*земля дрожитъ, озера, рѣки промежъ ногъ беретъ*". Также много способствуютъ изобразительности отрицательныя сравненія:

«Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются,—
Разстилается сынъ предъ батюшкой,
Онъ (Илья Муромецъ) и проситъ себѣ благословеньица»;

уменьшительныя и ласкательныя слова: *дружинушка* хоробрая, *благословеньице* великое, *заюшки* поскакучіе, малые *горностаюшки, кустички* ракитовы; тавтологическія, или тожественныя, выраженія, повторяющіеся синонимы (плеоназмы), съ цѣлью какъ бы задержать вниманіе слушателя на извѣстномъ образѣ: *конь-лошадь* добрая, малая *птица-пташица, цвѣточки-василечки; какъ задумалъ думушку, думу крѣпкую; слыхомъ не слыхать, видомъ не видать; полнымъ полно, съ краями равно.*

«Какъ подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Лежитъ добрый молодецъ,
Избитъ, исколотъ, израненъ весь".

г) Спокойный, свѣтлый и торжественный тонъ разсказа, въ которомъ слышится какое-то по истинѣ богатырское раздолье и ширь поэтическаго размаха, гармонирующая съ безграничнымъ просторомъ степей, среди коихъ совершаются эпическія событія; иногда невѣдомый пѣвецъ-разсказчикъ сопровождаетъ рѣчь возгласомъ:

„Высота-ль, высота поднебесная,
Глубота-ль, глубота океанъ-море,
Широко раздолье по русской землѣ,
Глубоки омуты Днѣпровскіе!"

---

[1]) *О постоянныхъ эпитетахъ* см. выше „Художеств. свойства слога".

Указанныя качества народнаго эпоса: величавое спокойствіе, яркость красокъ, простодушная вѣра разсказчика въ непреложную истину своего повѣствованія, сознаніе богатырской русской силы, благоговѣніе къ святымъ завѣтамъ старины,—всѣ таковыя качества, удовлетворяя вкусу народа, доставляли ему высокое художественное наслажденіе. Сами слагатели сказокъ и былинъ—эти безвѣстные баяны, кобзари и бандуристы—твердо вѣрили въ обаятельную силу своего краснаго вымысла, когда говорили:

„Что старина, то и дѣянье!
Синему морю на утѣшенье,
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье!“

Разсказчикъ вѣрилъ, что не только „добрые люди послушаютъ“ его сказки-пѣсни про ту-ли старину стародавнюю, „веселые молодцы ею потѣшатся“, но и *сине*-море, внимая ей, *утишится*...

Формы художественнаго эпоса.

Главныя формы художественнаго эпоса: *поэма*, или *эпопея*, *идиллія*, *баллада*, *романъ*, *повѣсть*, *разсказъ* и *басня*.

Поэма (ποίημα—твореніе) *есть поэтическій разсказъ о какомъ-нибудь важномъ событіи*. Въ своемъ историческомъ развитіи поэма является трехъ видовъ: а) классическая поэма, или эпопея, представляющая собою художественную обработку греческаго народнаго героическаго эпоса, извѣстнаго у Грековъ подъ именемъ *рапсодій* (соотвѣтствующихъ нашимъ былинамъ); б) ложноклассическая, или искусственная, поэма; в) поэма новаго времени.

Классическая поэма.

Примѣромъ классической поэмы служатъ „Иліада“ и „Одиссея“ Гомера.

Краткое содержаніе Иліады и Одиссеи.

Иліада повѣствуетъ о борьбѣ Грековъ съ Троянцами и обнимаетъ короткій промежутокъ времени изъ десятаго года осады Ахейцами (Греками) *Иліоса*, или Трои; Одиссея разсказываетъ о полномъ приключеній странствованіи греческаго вождя, „хитроумнаго“ Улисса, или *Одиссея*, возвращающагося изъ разоренной Трои на родину, островъ Итаку, а также о мести его, по возвращеніи, кичливымъ женихамъ его вѣрной жены, Пенелопы.

Свойство Гомеровскаго эпоса:

Эпопеи Гомера—совершеннѣйшій образецъ эпическаго творчества. Черты гомеровскаго эпоса слѣдующія:

а) Народность: Иліада и Одиссея представляютъ вѣрную картину жизни греческаго народа, современной Гомеру, съ его религіей, политическими учрежденіями, нравами, обычаями и проч. Въ Иліадѣ на первомъ планѣ жизнь Грековъ *военная*. Два ея героя-воины: Гекторъ—на сторонѣ Троянъ, и Ахиллесъ—на сторонѣ Ахейцевъ (Грековъ). Въ Одиссеѣ изображается жизнь *внутренняя, домашняя*. Герой ея, многоумный, многоопытный Одиссей — олицетвореніе ума, идеалъ благоразумія, мудрости, терпѣнія и другихъ *гражданскихъ* добродѣтелей. а) народность.

б) Эпическое спокойствіе, состоящее въ томъ, что самыя противоположныя событія, напр., мщеніе Ахиллеса, влачащаго за своею колесницей трупъ Гектора, и сидящая за прялкой Пенелопа, передаются однимъ и тѣмъ же тономъ,—безстрастнымъ, чуждымъ всякаго *личнаго* отношенія къ разсказываемымъ событіямъ. б) спокойствіе.

в) Подробность разсказа, передающаго самыя незначительныя мелочи, (напр., описаніе Ахиллесова щита въ Иліадѣ). в) подробности

г) Отсюда происходящая живость и изобразительность (пластичность) разсказа; лица и цѣлыя сцены представляются какъ бы живыми изваяніями. Вотъ напр., сцена прощанія Гектора, собравшагося въ походъ, уже одѣтаго въ военные доспѣхи, съ своимъ сыномъ-младенцемъ. г) изобразительность

„Сына обнять устремился блистательный Гекторъ;
Но младенецъ назадъ, пышнорізной кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,
Яркою мѣдью испуганъ и гребень увидѣвъ косматый,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой:
Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись;
Шлемъ съ головы, не медля, снимаетъ божественный Гекторъ,
На земь кладетъ его пышно блестящій и, на руки взявши
Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его“.

Испугъ ребенка, прижавшагося къ груди кормилицы, при видѣ развѣвавшагося гребня на шлемѣ, улыбка при этомъ отца и матери‘ качаніе на рукахъ, цѣлованіе отцомъ сына, — всѣ эти трогательныя подробности дѣлаютъ изъ разсказа живую, какъ-бы происходящую передъ зрителемъ, семейную сцену.

д) Подобная изобразительность достигается особенностями языка въ Гомеровскомъ эпосѣ, обильнаго сравненіями и эпитетами; послѣдніе нерѣдко рисуютъ предметъ съ нѣсколькихъ сторонъ: „*тучегонитель*—Зевесъ“, „*румяноперстая* заря“, „*немолчно-шумящее* море“, „*волоокая богиня*“, „*хитроумный* Одиссей“, „*шле-* д) особенности языка.

моблещущій Гекторъ", *„пышноризная* кормилица", *„многовесельный* корабль", *среброкованный* мечъ" и друг.

На русскій языкъ поэмы Гомера переведены: Иліада—Гнѣдичемъ, Одиссея—Жуковскимъ.

Значеніе поэмъ. Поэмы Гомера во всѣ времена пользовались безпримѣрнымъ значеніемъ. Гомеръ былъ поэтомъ по преимуществу: поэмы его считались неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго поэты и художники всѣхъ временъ обильно черпали вдохновеніе для своихъ произведеній, философы—правила высокой мудрости. Эти поэмы для Грековъ были тѣмъ, чѣмъ для христіанскаго міра Библія. Пушкинъ назвалъ Гомера «божественнымъ кумиромъ двадцати вѣковъ» и о переводѣ Иліады Гнѣдичемъ отозвался слѣдующимъ замѣчательнымъ двустишіемъ:

„Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой".

«Все, что есть въ человѣческой жизни благороднаго, высокаго и прекраснаго, трогательнаго и поразительнаго, — говоритъ Шерръ,—высказано въ Гомеровскихъ пѣсняхъ съ обворожительною наивностью и въ такой формѣ, которая можетъ найти себѣ образъ только развѣ въ спокойномъ величіи освѣщеннаго солнцемъ океана. Въ этихъ эпопеяхъ, прекраснѣйшихъ юношескихъ цвѣтахъ человѣческой культуры, господствуетъ обаяніе чисто-человѣческаго. Эти вѣчныя пѣсни основаны на священнѣйшихъ чувствахъ: на супружеской и дѣтской любви, на сознаніи святости семейства, на отечественной гордости и стремленіи къ славѣ. По своей красотѣ и нравственному достоинству, гомеровскія женщины: Андромаха, Навзикая и Пенелопа навсегда сохранятъ свое мѣсто во внутреннемъ святилищѣ поэзіи. Эллины видѣли и чтили въ Гомерѣ не только неизсякаемый, вѣчно-юный источникъ поэзіи, но и великаго учителя. Онъ былъ для нихъ творцемъ нравственности, создателемъ религіи, носителемъ откровенія. Ибо Гомеръ есть въ сущности религіозный поэтъ, конечно, въ эллинскомъ смыслѣ, т. е. онъ пророкъ чисто-человѣческаго міровоззрѣнія, провозвѣстникъ религіи красоты. Все у него принимаетъ человѣческій образъ: небо нисходитъ на землю, а Олимпъ отражаетъ въ своихъ удивительно-прекрасныхъ образахъ одни человѣческіе идеалы. Это сдѣлало Гомера учителемъ древняго античнаго міра, это сохраняло и сохраняетъ за нимъ вліяніе, которое можетъ окончиться только вмѣстѣ съ человѣческою цивилизаціею. Такъ какъ его пѣсни были для его народа книгою-книгъ, эллинскою библіею, то весь древній міръ признавалъ въ немъ перваго и всемірнаго поэта, о которомъ говорили и пѣли, «Бога поэзіи» [1]).

Подражательная ложноклассическая поэма.

„Энеида" Виргилія. „Иліада" и „Одиссея" Гомера нашли много подражателей. Энеида римскаго поэта Виргилія—первая подражательная поэма. Въ приклю-

[1]) Всеобщая исторія литературы Шерра, т. I, стр. 94—95.

ченіяхъ Энея много общаго съ Одиссеемъ. У Гомера странствующаго Одессея удерживаетъ на своемъ островѣ Калипсо, тоже въ Энеидѣ дѣлаетъ съ Энеемъ Дидона; Одиссей разсказываетъ приключенія свои Калипсо, Эней—Дидонѣ; Одиссей сходитъ въ адъ, тоже дѣлаетъ Эней и пр. Сама по себѣ взятая, она обладаетъ несомнѣнными достоинствами: стройностью расположенія частей; прекраснымъ изображеніемъ отдѣльныхъ сценъ, характеровъ, обработаннымъ въ совершенствѣ языкомъ и звучнымъ гармоническимъ стихомъ. Въ свою очередь Энеида вызвала себѣ подражателей. Всѣ такія подражательныя Гомеру и Виргилію поэмы принято называть ложноклассическими [1]).

Теорія ложноклассическаго эпоса.

Ложноклассическое направленіе явилось на западѣ въ эпоху, такъ называемую, возрожденія наукъ и искусствъ, когда началось увлеченіе литературными образцами древней Греціи и Рима. Въ области поэзіи ложноклассическая теорія признавала законными только тѣ роды и виды, которые существовали у древнихъ. Народная поэзія и вообще все народное, не похожее на греческое и римское, считалось, по этой теоріи, недостойнымъ поэзіи, какъ низкое, невѣжественное. Если случайно предметомъ поэзіи брались событія изъ исторіи народной, то какъ можно больше они должны были походить на греческія и римскія.

Главнѣйшія черты ложноклассической поэмы слѣд.:

а) Содержаніемъ ея, подобно Иліадѣ и Энеидѣ, всегда служило какое-нибудь *важное историческое событіе*. Героями могли быть только государи или великіе люди и, сообразно съ высокимъ саномъ, должны были выражаться языкомъ важнымъ, напыщеннымъ. Поэмы писались обыкновенно шестистопнымъ ямбическимъ стихомъ (александрійскимъ), раздѣлялись на извѣстное число пѣсенъ (24 или 12).

б) *Миѳологическое начало*. Поэты—ложноклассики христіане, вопреки своей религіи, разсказывая о событіяхъ христіанской эпохи, выводили на сцену, подобно Гомеру и Виргилію, также языческихъ боговъ и богинь, прорицателей; отчего нерѣдко происходило смѣшеніе христіанской религіи съ миѳологическою. Такъ, напр., въ «Лузіадѣ» Васко-де-Гама во время бури молится предъ иконою Христа, а спасаетъ его *Венера*; въ поэмѣ «Потеряный рай» появляются миѳологическія лица: *Танталъ, Медуза, Церберъ* и др.

в) *Подражаніе въ изображеніи характеровъ*. Ложноклассики наполнили свои поэмы картинами, сценами, составленными по образцу Иліады

---

[1]) Къ ложноклассическимъ поэмамъ принадлежатъ: „Освобожденный Іерусалимъ“ Торквато Тассо (1544—1595), содержаніемъ коей служитъ взятіе Іерусалима крестоносцами; „Лузіада“ Камоэнса (1525—1579), въ которой разсказывается о завоеваніяхъ Португальцевъ въ Индіи; „Потерянный рай“ Мильтона (1608—1674), гдѣ описывается жизнь прародителей Адама и Евы въ раю и грѣхопаденіе; „Генріада“ Вольтера (1694—1778), воспѣвающая Генриха IV, «Мессіада» Клопштока (1724—1803), повѣствующая о жизни Спасителя на землѣ до Его вознесенія на небо.

и Энеиды: дѣйствующія лица, напр., въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ», напоминаютъ Ахиллеса (Ринальдо) и Гектора (Танкредъ).

г) *Обращеніе къ Музѣ въ началѣ поэмы и провозглашеніе предмета ея словомъ «пою»*. По вѣрованіямъ Грековъ, поэмы имѣли свою богиню-покровительницу — *Музу*; произведенія ихъ большею частью читались *нараспѣвъ*, сопровождаясь игрою на музыкальномъ инструментѣ, вслѣдствіе чего было естественно греческому поэту, въ началѣ своей поэмы, обращаться съ молитвою къ музѣ и просить у нея, такъ сказать, благословенія или вдохновенія. Вотъ почему Гомеръ начинаетъ свои поэмы:

„Гнѣвъ, о богиня, *воспой* Ахиллеса, Пелеева сына".

или:

„*Муза*, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ"...

Но въ высшей степени странно и неестественно употреблять эти эпическіе пріемы христіанскимъ, французскимъ и русскимъ, поэтамъ. Между тѣмъ Вольтеръ начинаетъ свою Генріаду:

„*Пою* героя, который царствовалъ во Франціи!"
(Je chante ce héros qui regnât sür la France!,

или Херасковъ—поэму «Владиміръ»:

„Вдохни небесное мнѣ, *муза*, восхищенье,
Владимірово *пѣть* святое просвѣщенье.

Образцами ложноклассической поэмы въ нашей литературѣ могутъ служить: „Россіада" и „Владиміръ" Хераскова (1733 — 1807). Въ первой поэмѣ воспѣвается покореніе Казани Іоанномъ Грознымъ, во второй—введеніе христіанской вѣры Св. Владиміромъ.

„Россіада".

Въ „Россіадѣ" Хераскова выполнены всѣ требованія ложноклассической теоріи; своимъ названіемъ она напоминаетъ Иліаду и Энеиду. О предметѣ поэмы торжественно возвѣщается словомъ „*пою*".

„*Пою* отъ варваровъ Россію свобожденну,
„Попранну власть Татаръ, ихъ гордость низложенну".

Содержаніемъ поэмы служитъ важное событіе (взятіе Казани), но историческаго въ поэмѣ только одни названія. Самъ Іоаннъ, его сподвижники и противники отличены необыкновенными качествами героевъ Иліады и Энеиды: въ Іоаннѣ видимъ черты *Энея*, князь Курбскій изображенъ *рыцаремъ*, Сумбека, царица казанская, напоминаетъ *Дидону*. Какъ у Виргилія Анхизъ въ Елисейскихъ поляхъ показываетъ Энею его потомковъ, такъ у Хераскова пустынникъ Вассіанъ предсказываетъ Грозному будущую судьбу Россіи. Вездѣ замѣтно присутствіе чудеснаго—языческаго и христіанскаго: есть пророческіе сны, явленія тѣней, небесныя знаменія, чародѣйство, олицетвореніе зимы, корыстолюбія; подобно Энеидѣ. Россіада состоитъ изъ 12-ти пѣсенъ. Языкъ высокопарный, напыщенный; такъ, объ

Іоаннѣ Грозномъ сказано, что онъ „Россійскій *Марсъ,* несущій перуны къ ордамъ“.

Поэма новаго времени.

Подъ именемъ поэмы новаго времени разумѣется *поэтическій разсказъ о замѣчательномъ событіи историческомъ, общественномъ или взятомъ изъ жизни отдѣльнаго лица.* Въ такой поэмѣ разсказъ прерывается часто отступленіями, выраженіемъ личныхъ мыслей и чувствъ поэта, что придаетъ поэмѣ оттѣнокъ лирическій. Понятіе о новой поэмѣ.

Главнѣйшее отличіе новой поэмы отъ героической состоитъ: а) въ разнообразіи содержанія, не ограничивающагося повѣствованіемъ исключительно о важныхъ историческихъ событіяхъ, б) въ изложеніи, допускающемъ *личное (субъективное) отношеніе* поэта къ событіямъ. Отличіе новой поэмы отъ героической.

Начало новой поэмѣ положилъ англійскій поэтъ Байронъ (1777—1824); съ появленіемъ его произведеній окончательно пала поэма ложноклассическая. Замѣчательныя поэмы Байрона: *„Шильонскій узникъ“, „Гяуръ“, „Корсаръ“, „Чайльдъ-Гарольдъ“. . .* Поэмы Байрона.

Вотъ содержаніе „Шильонскаго узника“: въ Шильонскомъ замкѣ, на берегу Женевскаго озера, служившемъ тюрьмою, заключенъ былъ женевскій гражданинъ Бониваръ съ двумя братьями; несчастные узники, въ цѣпяхъ, были прикованы къ отдѣльнымъ гранитнымъ столбамъ. Средній и младшій братья въ темницѣ умерли; старшій братъ, отъ лица котораго идетъ самый разсказъ, остался живъ и, наконецъ, былъ освобожденъ. Въ этой поэмѣ, прекрасно переведенной Жуковскимъ, въ художественномъ описаніи судьбы узниковъ, ихъ ужасной смерти, ясно слышится глубокое чувство состраданія поэта къ положенію несчастныхъ страдальцевъ, такъ что поэму можно назвать—эпико-лирическою. Содержаніе поэмы „Шильонскій узникъ.“

Въ нашей литературѣ замѣчательные образцы новой поэмы: „Полтава“, Пушкина; „Пѣсня про купца Калашникова“, Лермонтова; „Мертвыя души“, Гоголя. Русскіе образцы новой поэмы.

Въ поэмѣ „Полтава“ изображается событіе историческое—Полтавская битва въ связи съ отношеніями Мазепы къ семейству Кочубея. Цѣль поэмы: прославить Петра Великаго, самоотверженно преданнаго долгу, и противопоставить ему Мазепу и другихъ лицъ, которые служили своимъ страстямъ. Петръ Великій наслѣдовалъ въ потомствѣ благодарную славу и безсмертіе; Мазепа — забвеніе и проклятіе — „Полтава“ Пушкина.

„Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ
Разъ въ годъ анаѳемой донынѣ
Грозя, гремитъ о немъ соборъ“.

Обращаясь къ отдѣльнымъ красотамъ «Полтавы», не знаешь на чемъ остановиться—такъ много ихъ. Каждое мѣсто въ поэмѣ—образецъ художественнаго мастерства. Особенно замѣчательны: Кочубей въ темницѣ, описаніе Украинской ночи, казнь Кочубея, Полтавскій бой и пиръ Петра Великаго. «Картина Полтавской битвы, говоритъ Бѣлинскій, начертана кистью широкою и смѣлою; она исполнена жизни и движенія; живописецъ могъ бы писать съ нея, какъ съ натуры. Явленіе Петра въ этой картинѣ изображено огненными красками» (см. приложеніе).

„Пѣсня про царя Ивана Васильевича“.

Въ «Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», сложенной «на старинный ладъ», разсказано событіе изъ временъ опричины. Одинъ изъ опричниковъ, *Кирибѣевичъ*, оскорбилъ жену купца *Калашникова*, который вызвалъ опричника на поединокъ во время кулачнаго боя на Москвѣ-рѣкѣ и убилъ. За смерть опричника Калашниковъ былъ казненъ.

Отъ всей поэмы вѣетъ русской стариной, которая слышится въ народныхъ сказкахъ, былинахъ, пѣсняхъ: такая же любовь къ родинѣ, такая же сила, ширь, раздолье, тѣже яркія краски, въ видѣ народныхъ живописныхъ оборотовъ (Москва *златоглавая*, заря *алая*, снѣга *разсыпчаты*, очи *соколиныя*, плечи *могучія*, борода *кудрявая*, смерть *лютая*, заунывно *гудитъ-воетъ* колоколъ), уподобленій («Царь навелъ на него очи зоркія, словно *ястребъ* взглянулъ съ высоты небесъ на младого *голубя* сизокрылаго»). Выведенныя въ поэмѣ лица: самъ Грозный, опричникъ Кирибѣевичъ и купецъ Калашниковъ стоятъ живые предъ нами—царь, ласковый къ опричнику, казнящій Калашникова смертью позорною, но милостивый къ семьѣ его; опричникъ—дерзкій и самонадѣянный; Калашниковъ—вѣрный представитель (типъ) стариннаго русскаго купечества, царелюбивый, степенный, набожный семьянинъ, скромный, *но* сознающій свою силу и умѣющій при случаѣ за себя «постоять до послѣдняго».

„И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю Грозному,
Послѣ Бѣлому Кремлю, да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотритъ пристально;
Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могучія плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ“.

Приведенный отрывокъ—образчикъ торжественнаго лада пѣсни, а вотъ—унылаго:

„Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною...
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ Тульской, Рязанской, Владимірской.
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные

Надъ его безымянной могилкою;
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится;
Пройдетъ добрый молодецъ — пріосанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку".

«Въ этой пѣснѣ поэтъ перенесся въ историческое прошедшее русской жизни, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій разметъ его чувства и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой общественности и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи. И подлинно, этой пѣсни можно заслушаться и все нельзя ея довольно наслушаться... Въ ней богатство содержанія, полнота жизни и глубокость идеи, которою она запечатлѣна: что же до поэзіи образовъ, роскоши красокъ, прелести стиха, избытка чувства, охватывающаго душу огненными волнами, силы выраженія, трепетнаго, полнаго страсти одушевленія,—эти вещи не толкуются и не объясняются. Поэмы Лермонтова—созданіе столько же художественное, сколько народное» [1]).

„Мертвыя души" Гоголя.

Поэма «Мертвыя души» Гоголя изображаетъ Россію временъ крѣпостнаго права. Герой поэмы, чиновникъ Чичиковъ, ѣздитъ по Россіи и скупаетъ *мертвыхъ душъ*. При этомъ онъ знакомится съ разными помѣщиками, которые изображены съ такимъ искусствомъ, что сдѣлались нарицательными именами: о скупомъ говорятъ — «настоящій *Плюшкинъ*», о скопидомѣ—«*Коробочка*», о мечтателѣ—«*Маниловъ*», о кулакѣ — «*Собакевичъ*», о любящемъ сытно поѣсть—«*Пѣтухъ*», о плутѣ—«*Чичиковъ*». Разсказъ проникнутъ *юморомъ*, т. е. смѣхомъ и затаенною грустью поэта при изображеніи пошлости выведенныхъ на сцену людей: «сквозь видимый міръ смѣхъ» въ поэмѣ чуются «незримыя слезы». Трудно исчислить всѣ достоинства этой безсмертной поэмы: въ художественномъ, нравственномъ, историческомъ отношеніи она представляетъ собою совершеннѣйшій образецъ. «Мертвыя души»—это наша русская народная Одиссея, исполненная чувства самой чистой, благороднѣйшей и пламенной любви поэта къ своей родинѣ. Въ поэмѣ Гоголя, по его же словамъ, «*вся Русь*: наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы». Поэма заключаетъ въ себѣ великіе образцы всѣхъ родовъ и видовъ словесности: есть въ ней и прекраснѣйшія *описанія* (напр., садъ и кабинетъ Плюшкина), *сцены трагическія* (Чичиковъ и Муразовъ), *комическія* (Чичиковъ у Коробочки), и мѣста, исполненныя высокаго *лиризма* («Русь», «Тройка»). (См. приложеніе).

Идиллія.

Понятіе объ идилліи.

Идиллія (Εἰδύλλιον—сельскій видъ) *есть поэтическій разсказъ, въ которомъ изображаются картины сельской, простой и близкой къ природѣ, жизни.*

[1]) Бѣлинскій.

Образцы идилліи въ нашей литературѣ: „Утренняя звѣзда“, „Овсяный кисель“ Жуковскаго; „Рыбаки“ Гнѣдича; „Отставной солдатъ“ Дельвига, товарища по Лицею и друга Пушкина; „Старосвѣтскіе помѣщики“ Гоголя.

„Отставной солдатъ“.

Идиллія «Отставной солдатъ» по содержанію своему относится къ войнѣ 1812 года. Въ простомъ разсказѣ, полномъ патріотическаго чувства, старый служивый описываетъ пастухамъ событія Отечественной войны, въ которыхъ онъ самъ принималъ участіе.

„Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ, и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали-ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу;
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?..
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
И жалко, и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;
Убрались всѣ, какъ святочныя хари.
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Не далеко ушли же. По дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья—
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ“...

Въ этой идилліи все просто и естественно: выведенные на сцену пастухи обладаютъ свойственными имъ наивностью и суевѣріемъ; герой идилліи — *отставной солдатъ* является съ отличительными чертами русскаго воина, набожностью и любовью къ отечеству; война 12-го года изображена согласно съ исторіей.

„Старосвѣтскіе помѣщики“.

Въ идилліи Гоголя «Старосвѣтскіе помѣщики» изображается мирная, патріархальная жизнь одной четы: Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. Небольшой домикъ съ навѣсомъ, лежащіе на дворѣ близъ амбарика волы, расхаживающій гусь длинношейный съ нѣжными, какъ пухъ, гусенятами, низенькія комнаты съ глиняным поломъ, поющими дверями: крошечный міръ обитателей, «ни одно желаніе коихъ, по словамъ поэта, не перелетаетъ за частоколъ, окружающій ихъ дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами»; простодушіе, наивность, взаимная нѣжность, голубиное незлобіе, радушіе, чистосердечіе, самая смерть супруговъ,—Пульхеріи Ивановны — отъ дѣтскаго суевѣрія, по случаю пропавшей кошечки, Афанасія Ивановича—отъ тоски по умершей супругѣ,—вотъ краткое содержаніе этой идилліи! Вся въ цѣломъ, идиллія—ненаглядная картина съ натуры, передающая въ необыкновенно вѣрномъ, типическомъ изображеніи малороссійскую жизнь и природу; эта высокохудожественная картинка словно благоухаетъ ароматнымъ воздухомъ украинскихъ степей; отъ нея вѣетъ благодатью мира и тихимъ счастіемъ безграничной супружеской привязанности.

Романъ.

Подъ вліяніемъ христіанства, въ средніе вѣка, въ эпоху рыцарства, на языкахъ *романскихъ* (французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ), образовавшихся изъ смѣшенія латинскаго съ языками народовъ, сокрушившихъ *Римскую* имперію, получила начало романская поэзія, содержаніемъ которой, въ первое время, было воспѣваніе подвиговъ рыцарства; южная Франція была колыбелью и родиною рыцарской поэзіи. Отличительною чертою романской поэзіи было преувеличеніе въ изображеніи подвиговъ, совершаемыхъ героями, сверхъестественность, чрезвычайное и чудесное: на сцену выводились волшебники, чародѣи, великаны, карлы, чудовища, духи, черти, феи и другія фантастическія существа; при содѣйствіи ихъ рыцари совершали чудеса храбрости изъ покорности королю и въ честь обожаемой дамы. Понятіе о романской поэзіи.

Главнѣйшею формой романскаго эпоса былъ романъ. Сочинители средневѣковыхъ рыцарскихъ романовъ нимало не заботились объ истинѣ, исторіи; наполняли свои произведенія разсказами о небывалыхъ похожденіяхъ рыцарей.

Въ нашей литературѣ „Русланъ и Людмила“ Пушкина представляетъ собою образецъ романтической поэмы, во вкусѣ рыцарскихъ романовъ: въ ней повѣствуется о чудесныхъ подвигахъ Руслана, славнаго русскаго витязя, отыскивающаго похищенную, въ день свадьбы, волшебникомъ Черноморомъ, свою невѣсту, Людмилу, дочь князя Владиміра. Разсказъ въ поэмѣ отличается веселой шуткой и остроуміемъ; здѣсь сказочныя чудеса, съ чародѣйствами, волшебниками, волшебницами, живой и мертвой водой. „Русланъ и Людмила“.

Поэмѣ предшествуетъ всѣмъ извѣстный и всѣми любимый *Прологъ*:

„У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской.
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,

А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ бабою-ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ.

И я тамъ былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый.
Подъ нимъ сидѣлъ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню—*сказку* эту
Повѣдаю теперь я свѣту".

Крайности направленія рыцарскихъ романовъ осмѣяны Сервантесомъ (1547—1616) въ „Донъ-Кихотѣ".

„Донъ-Кихотъ" Сервантеса.

«Донъ-Кихотъ»—пародія на рыцарскіе романы и въ то же время превосходнѣйшая сатира на современное поэту испанское общество. Общій планъ романа столь же простъ, какъ и оригиналенъ. Донъ-Кихотъ, добрый и почтенный дворянинъ деревни Ламаншъ, полный испанской гордости и энтузіазма, благородный, съ сознаніемъ своего достоинства, пользующійся довѣріемъ и любовью родственниковъ и друзей, помѣшался отъ чтенія знаменитѣйшихъ рыцарскихъ романовъ. Принимая уродливыя выдумки ихъ за истинныя происшествія, увлекается ими, ощущаетъ въ себѣ призваніе къ подобнаго же рода странствующему рыцарству и, наконецъ, рѣшается пуститься въ свѣтъ защищать угнетенныхъ, мстить за обиженныхъ. И вотъ онъ собираетъ, чиститъ, исправляетъ старые, покрытые пылью и ржавчиною рыцарскіе доспѣхи, беретъ старую, дряхлую лошаденку, которой придумываетъ названіе Россинанта, и, чтобъ быть рыцаремъ вполнѣ, выбираетъ оруженосца, невѣжественнаго и въ высшей степени суевѣрнаго, но очень добродушнаго поселянина,—Санхо-Пансу. Оруженосецъ смышленъ, чтобы понимать нелѣпости своего господина и даже иногда ѣдокъ въ истолкованіи приключеній странствующаго рыцарства. Наконецъ, высокій, худощавый, важный рыцарь и низенькій, неповоротливый трусъ-оруженосецъ выѣзжаютъ изъ своей деревни, одинъ на тощемъ Россинантѣ, другой на ослѣ. Начинается рядъ самыхъ смѣшныхъ приключеній, какія только можетъ выдумать потерявшая умъ человѣческая голова. Разгоряченное романами воображеніе рыцаря превращаетъ мельницы въ великановъ, уединенные постоялые дворы—въ замки, монаховъ, мирно ѣдущихъ на мулахъ,—въ чародѣевъ, стадо барановъ—въ огромную армію, галерныхъ колодниковъ—въ угнетенныхъ невинно страдальцевъ. Оруженосецъ всякій разъ силится объяснить своему рыцарю, что это не великаны, не замки, не невинные страдальцы, а просто мельницы, гостинницы, колодники. Толкуя это съ удивительнымъ простодушіемъ, Санхо-Панса не подозрѣваетъ въ себѣ ничего смѣшного и такимъ образомъ представляетъ рѣшительную противоположность съ возвышенными и великолѣпными образами, которыми наполнена голова его господина. Рядъ самыхъ разнообразныхъ приключеній оканчивается смертію рыцаря.

Великую силу своего оригинальнаго генія обнаруживаетъ Сервантесъ въ изображеніи характеровъ героевъ романа: *Донъ-Кихота* и *Санхо-Пансы*. Фигуры помѣшаннаго, худощаваго, важнаго рыцаря и грубаго, корыстнаго, простодушнаго оруженосца нарисованы такъ ярко, что стоятъ, какъ живыя, въ воображеніи всего читающаго міра. Рыцарь, представляю-

щійся сначала каррикатурою на рыцарей амадисовскихъ романовъ, становится постепенно оригинальнымъ, совершенно самостоятельнымъ лицомъ. Мало-помалу, онъ обнаруживаетъ столько прекрасныхъ качествъ души, столько высокаго пониманія чести и любви ко всему прекрасному и доброму, что читатель, наконецъ, привязывается къ нему и готовъ, подобно племянницѣ героя, оплакивать его. И оруженосецъ, Санхо, сперва только смѣшонъ и является какъ будто лишь для того, чтобы только рѣзче выразился характеръ Донъ-Кихота, но впослѣдствіи и онъ здравымъ смысломъ, смѣтливостью и другими хорошими качествами, свойственными простому народу, возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе. Въ этомъ оригинальномъ вымыслѣ приключеній Донъ-Кихота, среди множества лицъ разныхъ сословій (дворянъ, духовныхъ, купцовъ, ремесленниковъ и т. д.), съ которыми сталкивается герой романа, Сервантесъ умѣлъ передать всѣ особенности испанской націи и представилъ полную картину современныхъ нравовъ, такъ что изъ его романа читатель узнаетъ Испанію XVI в., со всѣми ея добрыми и худыми качествами. Во всемъ романѣ разлитъ юморъ, т. е. непритворная веселость, возбуждаемая причудами рыцаря, и горькое чувство сожалѣнія о пустотѣ его поступковъ, заставляющія читателя то смѣяться отъ души, то задуматься и грустить.

Англійскіе романы.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія въ Англіи явилось новое направленіе въ романѣ, съ преобладающимъ стремленіемъ къ изображенію дѣйствительности, простотѣ и естественности. Лучшіе романисты въ Англіи: Вальтеръ-Скоттъ, Диккенсъ и Теккерей.

Вальтеръ-Скоттъ (1771—1832) принадлежитъ къ числу высокихъ эпическихъ поэтовъ всего міра; онъ создалъ историческій романъ, замѣнившій для новыхъ временъ эпопеи древнихъ. Въ романахъ его находимъ живое, покойное, правдивое изображеніе жизни семейной и государственной Англіи и Шотландіи въ эпоху среднихъ вѣковъ. Вальтеръ-Скоттъ первый уразумѣлъ истинную задачу исторіи, показавъ, что частная и семейная жизнь, съ ея нравами и обычаями въ извѣстную эпоху, столько же должна быть предметомъ исторіи, сколько война, миръ и всѣ политическія событія.

Романъ „Айвенго".

Лучшимъ романомъ его считается «Айвенго». Сюжетъ романа «Айвенго» взятъ изъ временъ Крестовыхъ походовъ и изъ исторіи короля Ричарда—Львиное Сердце (1189—1199). Герой романа—храбрый и благородный рыцарь Айвенго. Этотъ романъ изображаетъ отношеніе коренныхъ жителей, Саксовъ, къ позднѣйшимъ завоевателямъ Англіи, Норманнамъ, и рыцарство, особенно рыцарскіе турниры. Въ романахъ много сценъ, замѣчательныхъ какъ по исторической вѣрности, такъ и по своей художественности.

Диккенсъ и Теккерей.

Въ числѣ англійскихъ романистовъ позднѣйшаго времени особенно замѣчательны Диккенсъ (1812—1870) и Теккерей (1811—1863).

Особенности англійскихъ романовъ.

Характерная черта, отличающая романы Диккенса и Теккерея — это нравственная и художественная чистота вымысла (фабулы) и юморъ—соединеніе насмѣшки и сожалѣнія въ разсказѣ. Задушевная веселость рядомъ съ изображеніемъ мрачной дѣйствительности, не-

обыкновенная наблюдательность, подмѣчающая характерныя мелочи жизни, художественная обработка типовъ, ихъ разнообразіе, горячее сочувствіе къ человѣческому страданію, душевная теплота, проникающая разсказъ, благородное отвращеніе къ злу—даютъ особую прелесть этимъ произведеніямъ и дѣлаютъ англійскіе романы лучшими образцами въ этомъ родѣ литературы.

Замѣчательнѣйшіе романы Диккенса: *„Замогильныя записки Пиквикскаго клуба“*, *„Оливеръ Твистъ“*, *„Торговый домъ Домби и Сынъ“* [1]) и др.

Въ романѣ «Торговый домъ подъ фирмою Домби и Сынъ», разсказывается исторія жизни мистера Домби, богатѣйшаго англійскаго негоціанта. Въ лицѣ героя романа—мистера Домби изображена вся торговая, богатая, гордая и холодная Англія. Мистеръ Домби—не человѣкъ, а фирма торговаго дома; ему совершенно чужды всѣ нѣжныя и благородныя человѣческія чувства. Поэтому весь міръ, всѣ люди, отъ послѣдняго слуги до жены и дѣтей, имѣютъ у него значеніе только какъ средства къ возвышенію благосостоянія фирмы, не болѣе. Оттого онъ не только не любитъ своей дочери, какъ ничего не значащей для фирмы, но даже не въ состояніи понять, какъ можно любить ее. Такая гордость и холодное ко всему презрѣніе мистера Домби недостаточны ни для собственнаго счастія, ни для счастія ближнихъ, и потому они истребили себя своими же собственными исполинскими силами. Они убили сперва жену Домби, потомъ лишили его сына и второй жены, и отняли такимъ образомъ нравственную жизнь у фирмы; они же, наконецъ, возбудивъ ненависть въ служащихъ фирмѣ, погубили потомъ и силу ея матеріальную. Такова идея этого вполнѣ національнаго романа.

Въ настоящее время романъ совершенно измѣнилъ свой характеръ.

Понятіе о романѣ.

Романъ *есть такое эпическое произведеніе, въ которомъ, съ большею или меньшею полнотою, изображается жизнь одного или нѣсколькихъ лицъ, въ связи съ характеристикою нравовъ того общества, среди котораго эти лица живутъ и дѣйствуютъ.* Романъ въ настоящее время, а равно повѣсть,—самая общепринятая форма поэтическаго творчества. Захватывая жизнь со всѣхъ сторонъ, они отличаются полнотой и разнообразіемъ содержанія.

Виды романа.

Романы бываютъ *историческіе и современные.* Въ первыхъ вымышленное происшествіе соединяется съ дѣйствительнымъ, историческимъ; въ послѣднихъ передается чистый вымыселъ, безъ примѣси исторіи.

Условія художественнаго романа.

Условія художественнаго романа — это: а) серьезность и

---

[1]) См. отрывки въ Христом. Филонова, т. I.

занимательность содержанія, б) вѣрность дѣйствительности, в) типическое изображеніе жизни и характеровъ и г) согласіе съ исторіей, духомъ времени, характеромъ народа, событій и выводимыхъ на сцену лицъ.

Значеніе романа.

Образовательное *значеніе* романа очень велико, такъ какъ въ общедоступной, художественной, дающей наслажденіе, формѣ читатель находитъ объясненіе многихъ вопросовъ жизни общественной и частной. Проведеніемъ же въ сознаніе общества лучшихъ понятій, идей, романы нерѣдко служатъ причиной измѣненія общественныхъ учрежденій, улучшенія нравовъ. Такъ, романъ американской писательницы Бичеръ-Стоу „Хижина дяди Тома“ способствовалъ освобожденію негровъ-невольниковъ.

Образцами романовъ и повѣстей въ нашей литературѣ служатъ: „Евгеній Онѣгинъ“, „Капитанская дочка“ Пушкина, „Тарасъ Бульба“ Гоголя, „Война и Миръ“ гр. Л. Толстого и др.

„Евгеній Онѣгинъ“.

«Евгеній Онѣгинъ» — романъ въ стихахъ, состоящій изъ восьми главъ. Содержаніе романа очень несложно: Въ деревню, по сосѣдству съ семействомъ Лариныхъ, въ которомъ были двѣ дѣвушки-невѣсты—Татьяна и Ольга, — пріѣзжаетъ изъ Петербурга скучающій, разочарованный Онѣгинъ. Воспитанная въ деревенской глуши, молодая, мечтательная дѣвушка Татьяна влюбилась въ пріѣзжаго и рѣшается написать ему откровенное письмо о своихъ чувствахъ. Онѣгинъ отвѣчаетъ ей тономъ наставника на словахъ, что не считаетъ себя созданнымъ для «блаженства семейной жизни». Потомъ изъ пустой причины Онѣгинъ убиваетъ на дуэли жениха сестры Татьяны, своего друга, Ленскаго. Разочаровавшись въ своихъ мечтахъ, бѣдная дѣвушка склоняется на слезы и мольбы своей матери и выходитъ замужъ за генерала. Чрезъ нѣсколько времени Онѣгинъ случайно встрѣчаетъ Татьяну въ Петербургѣ на балу. Вмѣсто простенькой деревенской дѣвушки, передъ нимъ — гордая великосвѣтская красавица. Въ Онѣгинѣ вспыхиваетъ страсть къ Татьянѣ: онъ пишетъ къ ней письмо, на которое въ свою очередь ему Татьяна отвѣчаетъ на словахъ:

„Я вышла замужъ. Вы должны —
Я васъ прошу меня оставить.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна!“

Въ романѣ «Евгеній Онѣгинъ», какъ въ вѣрномъ и прекрасномъ зеркалѣ, отразились русская жизнь и современное поэту русское общество, русская природа, русскій помѣщичій бытъ, нравы, обычаи.

Здѣсь есть идилліи, баллады, мѣткія характеристки, элегіи, эпитафіи, пѣсни, драматическія сцены. Стихъ въ романѣ звучный, живописный, игривый,

какимъ во всей русской литературѣ безраздѣльно владѣлъ одинъ только Пушкинъ. (См. «*Портретъ Татьяны*» въ прил.).

Повѣсть „Капитанская дочка".

Содержаніе повѣсти «Капитанская дочка» слѣд.: Въ Оренбургскую Бѣлогорскую крѣпость, комендантомъ которой былъ капитанъ Мироновъ, пріѣзжаетъ сынъ помѣщика, молодой Гриневъ, на службу; здѣсь ему понравилась дочь капитана, Марія Ивановна, съ которой онъ обручается. Вскорѣ крѣпость осаждаетъ и беретъ Пугачевъ. Капитанъ Мироновъ и жена его, Василиса Егоровна, повѣшены; Гриневъ и Марія Ивановна остались живы; но Гриневъ былъ обвиненъ, по навѣтамъ Швабрина, въ сообществѣ съ Пугачевымъ и посаженъ подъ арестъ. Марія Ивановна отправляется одна въ Петербургъ, и ей удается оправдать и выхлопотать лично у самой Государыни свободу своему жениху.

«Капитанская дочка»—высокохудожественная картина жизни временъ Пугачевскаго бунта. Въ лицѣ *капитана Миронова*, жены его *Василисы Егоровны*, дочки ихъ *Марьи Ивановны*, ея жениха *Гринева*, слуги его *Савельича*, Пушкинъ создалъ безсмертные типы русскихъ людей. Капитанъ Мироновъ, при своей скромности, простотѣ, поражаетъ насъ храбростью, преданностью, покорностью волѣ Божіей, вѣрностью присягѣ и долгу; на вопросъ Пугачева: «И какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?» капитанъ, изнемогая отъ раны, отвѣчаетъ твердымъ голосомъ: «Ты мнѣ не государь, ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» и — погибаетъ на висѣлицѣ. Савельичъ представляетъ художественный типъ крѣпостнаго слуги, готоваго жизнію пожертвовать за ввѣреннаго ему барчука: когда, по приказанію Пугачева, накинули на шею Гринева уже веревку, Савельичъ повалился въ ноги Пугачеву:—«Отецъ родной! что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его: за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради вели повѣсить хоть меня старика!» Въ лицѣ Маріи Ивановны созданъ привлекательный типъ скромной, простой, крайне застѣнчивой, но богато одаренной нравственными качествами, русской дѣвушки, готовой на самоотверженные подвиги за правду и любовь. Въ концѣ повѣсти является на сцену Императрица Екатерина въ краткомъ очеркѣ, но съ историческими, вѣрными чертами, характеризующими эту великую государыню.

Языкъ въ повѣсти «Капитанская дочка» достигъ высшей степени совершенства и долженъ служить образцомъ русской прозы: живой, гибкій, чистый, съ оттѣнкомъ старины, построенный въ видѣ краткихъ предложеній, онъ передаетъ съ одинаковой силой и обыкновенный разговоръ, и сцены высокаго драматизма. (См. прил.).

„Тарасъ Бульба".

Содержаніемъ повѣсти «Тарасъ Бульба» служитъ прошедшая жизнь Малороссіи, въ эпоху казачества и Запорожской Сѣчи. Старый казацкій полковникъ Бульба, закаленный въ бояхъ, отправляется съ двумя сыновьями, Останомъ и Андріемъ, только что окончившими ученье въ Кіевской бурсѣ, на войну съ Поляками. Младшій сынъ, Андрій, увлекшись красивою полячкою, передается на сторону враговъ, и за эту измѣну Бульба убиваетъ сына собственною рукою. Старшій сынъ, Остапъ, весь въ отца, показываетъ чудеса воинской доблести, попадается въ плѣнъ, отвозится въ Варшаву, въ крѣпость,

и предается казни. Бульба тайкомъ пробрался въ Варшаву, присутствуетъ въ толпѣ при казни сына, его предсмертныхъ мукахъ, одобряетъ неимовѣрную выносливость и терпѣніе Остапа и, рѣшившись отмстить смерть любимаго сына, сожигаетъ множество польскихъ селъ и городовъ, пока его самого враги не схватили и живого не сожгли, привязавши къ дереву.

Повѣсть «Тарасъ Бульба» воспроизводитъ, въ удивительныхъ по своей вѣрности и красотѣ типахъ, сценахъ, картинахъ,—природу Украйны, исторію ея XVI—XVII вѣка, подвиги удалого казачества, жизнь своеобразную Запорожской Сѣчи, — гнѣзда, откуда вылетали всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, храбрые атаманы, которые въ продолженіе столѣтій вели войну съ татарами и ляхами за вѣру, честь святой родины и славу доблестнаго казачества (рыцарства). Вся повѣсть согрѣта любовью поэта къ своей родинѣ—Украйнѣ, ея богатой поэзіи, ея славному былому.

Повѣсть занимательна отъ первой сцены,—когда Тарасъ, встрѣчая сыновей послѣ долгой разлуки, говоритъ: «А поворотись, сынку! цуръ тебѣ, какой ты смѣшной!» и дерется съ сыномъ на кулаки,—до послѣдней, когда Бульба, привязанный и пригвожденный къ дереву, подъ которое подложенъ горящій костеръ, продолжаетъ командовать... Какое разнообразіе сценъ! Есть между ними удивительныя по высокому трагизму (сцена убіенія Тарасомъ сына, казнь Остапа, самого Тараса) и глубокому юмору (встрѣча сыновей, сцена Тараса съ жидомъ Янкелемъ, отправленіе Тараса на возу подъ кирпичами черезъ границу, сцены въ тюрьмѣ переодѣтаго Бульбы съ польской стражей) и сцены захватывающаго сердце лиризма (мать съ дѣтьми въ ночь предъ ихъ отправленіемъ въ Сѣчь, прощаніе и благословеніе). Художественныя же описанія малороссійской природы: *степь, Днѣпръ, Украинская ночь*, всѣмъ извѣстны изъ христоматій и учебниковъ словесности, такъ какъ приводятся въ образецъ этого рода сочиненій.

Но самое замѣчательное въ повѣсти — это самъ Тарасъ Бульба. Онъ весь—сила, отвага, безпредѣльная любовь къ родинѣ и ея завѣтамъ, любовь крѣпкая, которой въ жертву онъ приноситъ и свою жизнь, и родного сына, забывшаго свой долгъ.

„Война и Миръ".

Въ четырехъ частяхъ романа «Война и Миръ» изображена рукою великаго художника русская жизнь въ знаменитую эпоху Отечественной войны. Предъ нами развертываются разнообразныя картины частной и общественной жизни. Картины многочисленныхъ событій въ романѣ проходятъ предъ читателемъ параллельно: на одной сторонѣ изображены политическія событія,—Бородинскій бой, пожаръ Москвы, бѣгство французовъ; на другой—происшествія частной жизни, совершающіяся подъ вліяніемъ первыхъ: картины семейныя—сборы, отправленіе и благословеніе на войну, святочныя гаданья, охотничьи забавы, муки любви, свадьбы, похороны. Трудно указать среди множества художественныхъ картинъ лучшія въ романѣ. Изъ историческихъ лицъ, выведенныхъ въ романѣ, съ особенною силою изображены Кутузовъ и Наполеонъ, изъ частныхъ лицъ—героиня романа—Наташа Ростова, князь Андрей Болконскій, его отецъ, сестра—княжна Марья, Пьеръ Безухій и др. Сцена, *когда Кутузовъ ночью на бивакѣ получаетъ извѣстіе объ*

оставленіи Французами Москвы, невольно вызываетъ у читателя на глаза слезы; столько въ каждомъ словѣ этого, съ виду очень простого, какъ и весь романъ, разсказа затаено поэтомъ невидимаго, но сердцу читателя слышнаго, трогательнаго лиризма: поэтъ-разсказчикъ какъ будто самъ плакалъ слезами тихой радости, когда писалъ эту, удивительную по живописи, картину своего романа.

Баллада.

Понятіе о балладѣ.

Баллада *есть небольшой поэтическій разсказъ фантастическаго содержанія.*

Образцы балладъ.

Въ этомъ видѣ явилась впервые баллада въ XVIII вѣкѣ въ Германіи, откуда была перенесена къ намъ Жуковскимъ, который оставилъ прекрасные переводы лучшихъ нѣмецкихъ балладъ и назывался *„первымъ балладникомъ“*. Между переводными балладами замѣчательны: *„Ивиковы журавли“*, *„Кубокъ“*, *„Графъ Габсбургскій“* (Шиллера), *„Лѣсной царь“* (Гете), *„Ночной смотръ“*, *„Воздушный корабль“* (Зейдлица). Послѣдняя баллада переведена Лермонтовымъ. Мы имѣемъ, кромѣ того, нѣсколько художественныхъ образцовъ самостоятельныхъ балладъ, каковы: *„Свѣтлана“*—Жуковскаго, *„Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“*, *„Бѣсы“*, *„Утопленникъ“*—Пушкина. Всѣ поименнованныя баллады, при высокой художественности своей, проникнуты глубокими, въ основѣ ихъ лежащими, идеями.

„Ивиковы журавли“.

Въ балладѣ «Ивиковы журавли» проводится мысль о высокомъ нравственномъ значеніи театра. Здѣсь разсказывается, какъ, подъ вліяніемъ представленія трагедіи, открыты были скрывшіеся убійцы пѣвца Ивика. Баллада замѣчательна по художественному описанію *греческаго театра* во время представленія трагедіи.

„Кубокъ“.

Мысль баллады «Кубокъ»: повиновеніе королю и обожаніе дамы въ средніе вѣка были причиною необыкновенныхъ подвиговъ. Молодой пажъ, по вызову короля, обѣщающаго смѣльчаку руку дочери, два раза бросается въ пучину, чтобы достать брошеный *кубокъ*.

„Графъ Габсбургскій“.

Содержаніе баллады «Графъ Габсбургскій» Шиллера основано на одномъ, дѣйствительно трогательномъ религіозномъ обрядѣ католическаго міра. На западѣ и югѣ Европы часто встрѣчаешь по дорогѣ священника, несущаго Св. Дары, предшествуемаго мальчикомъ, громко возвѣщающимъ колокольчикомъ каждому проходящему, что передъ нимъ совершается великое таинство. Однажды, разсказываетъ Шиллеръ, графъ Габсбургскій охотился и гнался за серной; вдругъ онъ слышитъ звонъ колокольчика:

„Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ,
И слѣдомъ священникъ съ Дарами,
И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, кто живитъ и спасаетъ".

Священникъ спѣшилъ съ Св. Дарами къ умирающему бѣдняку и, вѣрный высокому долгу, готовъ былъ уже босикомъ перейти черезъ шумящій и бурный ручей, чтобы только не терять драгоцѣннаго времени; но графъ Габсбургскій уступаетъ ему своего коня. Причастивши больного, священникъ возвращаетъ коня графу, но послѣдній даритъ коня священнику:

„Дерзну ли помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь сей ничтожной забавой служилъ,
Спасителю Богу служивши?"

Графъ былъ впослѣдствіи избранъ императоромъ подъ именемъ Рудольфа, и во время торжественнаго пира въ Ахенѣ къ нему явился вѣщій пѣвецъ, который предъ лицомъ всѣхъ вельможъ въ высокопоэтическомъ разсказѣ напоминаетъ графу объ его встрѣчѣ съ Св. Дарами. Въ лицѣ этого пѣвца императоръ узнаетъ того священника, которому онъ когда-то уступилъ своего коня:

„Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой
И слезы свои отъ толпы золотой
Порфирой закрылъ въ умиленьи.
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ...
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье".

«Свѣтлана» изображаетъ святочное гаданье русской дѣвушки о своемъ суженомъ въ зеркалѣ. Во время этого гаданья она засыпаетъ и видитъ страшный сонъ. Мысль баллады всего лучше можно выразить пословицею: «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ». Лучшее мѣсто баллады—ея начало: „Свѣтлана".

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Содержаніе баллады «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» заимствовано Пушкинымъ изъ лѣтописи Нестора о смерти Олега, по предсказанію кудесника. Основная мысль баллады: «*Языческіе славяне вѣровали въ предсказанія волхвовъ*»—выражена поэтомъ въ нѣсколькихъ удивительнаго письма картинахъ, рисующихъ характеры, нравы, обычаи языческой Руси (см. выше разборъ). Съ особенною художественностью и вѣрностью историческою нарисованъ типъ *волхва*, который здѣсь является гордымъ, самоувѣреннымъ, непогрѣшимымъ прорицателемъ скрытой во мглѣ годовъ будущей судьбы человѣка. Отвѣтъ волхва князю, желающему знать напередъ свою судьбу и обѣщающему въ награду коня, дышетъ гордостью, самоувѣренностью: „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ".

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ:
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но *вижу* твой жребій на свѣтломъ челѣ“...

„Воздушный корабль“ и „Ночной смотръ“.

Въ балладахъ «Воздушный корабль» и «Ночной смотръ» воспроизводится народное вѣрованіе Французовъ, мысль котораго та, что свою любовь къ Франціи и военной славѣ Наполеонъ 1-й хранитъ и за могилой. По одной балладѣ, разъ въ годъ, въ день своей кончины, въ полночь императоръ встаетъ изъ могилы и *на воздушномъ кораблѣ* ѣдетъ съ острова Св. Елены во Францію, выходитъ на ея берегъ, кличетъ маршаловъ, сына, но на его голосъ никто не отзывается: онъ плачетъ и возвращается назадъ въ свою могилу. По другой балладѣ: въ 12 часовъ по ночамъ Наполеонъ дѣлаетъ *смотръ своей арміи*.

Та и другая баллада, при общихъ поэтическихъ достоинствахъ, замѣчательны по вѣрно и художественно написанному портрету Наполеона I.

„Въ двѣнадцать часовъ, по ночамъ,
Изъ гроба встаетъ полководецъ:
На немъ сверхъ мундира сюртукъ,
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой.
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту.
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты,
И армія честь отдаетъ...
Становится онъ передъ нею,
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ.
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ.
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И „Франція“—тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ—„Святая Елена“.
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ,
На смотръ генеральный изъ гроба,
Въ двѣнадцать часовъ, по ночамъ,
Встаетъ императоръ усопшій“.

Баллада «Ночной смотръ» своею музыкальностію обратила на себя вниманіе нашего великаго композитора, Глинки, который написалъ на ея слова пьесу («Фантазію») для пѣнія, музыка которой удивительно гармонируетъ съ волшебнымъ характеромъ самой баллады.

„Бѣсы“.

Въ балладѣ «Бѣсы» воспроизводится суевѣріе нашихъ крестьянъ, которые, сбившись съ дороги, думаютъ, что ихъ «*водитъ бѣсъ*»:

„Хоть убей, слѣда не видно.
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ *бѣсъ насъ водитъ, видно.*
Да кружитъ по сторонамъ“.

„Утопленникъ“.

Мысль баллады «Утопленникъ»—старинное, свойственное и древнимъ Грекамъ и Римлянамъ, вѣрованіе, что душа непогребеннаго человѣка не находитъ себѣ успокоенія, и что къ тому, кто не похоронитъ трупъ, случайно встрѣченный, будетъ являться неуспокоенная душа оставленнаго безъ погребенія. Вся эта баллада съ начала до конца—высокое художественное произведеніе, въ которомъ народная русская жизнь воспроизведена съ поразительною вѣрностью. Особенно замѣчательна по силѣ художественнаго изображенія сцена появленія у окна утопленника:

„Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика.
Дѣти спятъ; хозяйка дремлетъ;
На полатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ. Вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
— „Кто тамъ?"—Эй, впусти,
хозяинъ!
— „Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ!
Чортъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно".
И лѣнивою рукою
Поднимаетъ онъ окно.
Изъ-за тучъ луна катится...
Что-же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.
И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ: „чтобъ ты лопнулъ!"
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались.
Трясся ночь онъ на-пролетъ;
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ..."

Басня.

Понятіе о баснѣ.

Басня *(баять) есть небольшой поэтическій разсказъ съ аллегорическимъ, нравоучительнымъ содержаніемъ.* По опредѣленію Жуковскаго, „басня — стихотворный разсказъ, въ которомъ дѣйствующими лицами обыкновенно бываютъ или животныя, или твари неодушевленныя. Цѣль сего разсказа — впечатлѣніе въ умѣ какой-нибудь истины, заимствуемой изъ общежитія, и слѣдовательно, болѣе или менѣе полезной".

Двѣ стороны басни.

Въ баснѣ, такимъ образомъ, двѣ стороны: поэтическая — разсказъ (фабула), и дидактическая—выводъ, нравоученіе. Существенная сторона басни—это разсказъ: чѣмъ онъ художественнѣе, тѣмъ выше самая басня. Прежде конечную цѣль въ баснѣ полагали въ выводѣ и нравоученіи, а разсказъ считали дѣломъ второстепеннымъ, не имѣющимъ существеннаго, самостоятельнаго значенія, какъ греческія басни *Эзопа*, римскія—*Федра*; такъ что басня была простымъ нравоучительнымъ стихотвореніемъ.

Нравоучительная и художественная басня.

Въ настоящее время басня—поэтическій, остроумный разсказъ, который самъ по себѣ, независимо отъ вывода, интересуетъ читателя. Въ отличіе отъ прежней, нравоучительной, современную басню должно назвать художественною, гдѣ оба элемента—поэтическій и дидактическій—являются равноправными. Таковы басни французскаго писателя *Лафонтена* (1621—1685) и нашего—*Крылова* (1768—1844). Басня подъ перомъ Крылова—не нравоучительное уже стихотвореніе, а, полная юмора и остроумія, коротенькая комедія или драма, разыгрываемая между животными. Вспомнимъ „Квартетъ", сцены между вороной и лисицей, волкомъ и журавлемъ, осломъ и

соловьемъ; этими живыми, художественными сценами любуются не дѣти только, но и взрослые. Справедливо Лафонтенъ назвалъ свои басни одной пространной *„стоактной комедіей“*. Дѣйствующія лица художественной басни являются не простыми ходячими аллегоріями, но живыми существами, съ разнообразіемъ внѣшняго вида и движеній, со своимъ неизмѣннымъ, установившимся характеромъ: лисица съ хитростью, волкъ съ хищностью, оселъ съ тупоуміемъ. Вывода же въ художественной баснѣ иногда вовсе нѣтъ, ибо онъ сквозитъ въ каждомъ словѣ и движеніи дѣйствующихъ лицъ. „*Басня*, по выраженію Лафонтена, *ведетъ мысль не за собою, а съ собою*“; слѣдовательно, читателю легко понять ее и безъ авторской помощи.

Народность басенъ Крылова.

Необходимое условіе достоинства басни — ея народность: она должна изображать жизнь и нравы того народа, къ которому принадлежитъ баснописецъ. Таковы басни Крылова. Въ нихъ подъ аллегорическимъ покровомъ тотчасъ узнаются русскіе люди съ ихъ отличительными особенностями въ характерѣ, обычаяхъ, образѣ мыслей, чувствъ и дѣйствій. Звѣри у Крылова мыслятъ и поступаютъ по русски. Народность очевидна не только въ собственныхъ басняхъ Крылова, но и въ его переводахъ и передѣлкахъ басенъ иностранныхъ. Заимствованные сюжеты онъ обработываетъ сообразно представленіямъ русскаго человѣка, почему и имѣлъ право причислять эту обработку къ оригинальнымъ произведеніямъ.

Языкъ басенъ Крылова.

Народность содержанія басенъ отразилась и въ языкѣ ихъ. Рѣчь Крылова строится по складу народной, любившей прибѣгать къ пословицамъ; и, въ свою очередь, многіе стихи его басенъ обратились въ ходячія пословицы.

«Ни одинъ изъ поэтовъ, сказалъ Гоголь, не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились съ нимъ воедино. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено и такъ усвоено крѣпко вещи, что даже и опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глазами. Стиха его также не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства. Звученъ ли онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легкой болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ, какъ муха, появляясь вдругъ въ длинномъ шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ, одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ

слоговъ выдаетъ она ощущительно самую невыразимую ея духовность. Стоитъ вспомнить величественное заключеніе басни «Двѣ бочки»:

„Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму“.

Тутъ, отъ самого размѣщенія словъ, какъ бы слышится величіе ушедшаго въ себя человѣка».

Чтобы понять разнообразіе стиха у Крылова и полное соотвѣтствіе его съ изображаемымъ предметомъ, сравнимъ начало двухъ басенъ:

„Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору.
Съ поклажей и семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился“.

„Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза“.

Въ размѣрѣ и подборѣ словъ первыхъ четырехъ стиховъ чувствуется тягота, истома, жаръ знойнаго полдня, медлительность движенія; между тѣмъ какъ послѣдними четырьмя короткими стихами наглядно рисуются быстрые и легкіе прыжки безпрестанно скачущаго насѣкомаго.

Басня «Метафизикъ» Хемницера († 1794 г.)—художественное произведеніе и по мысли, и по изложенію. *Мысль* басни направлена противъ увлеченія крайностями философскаго направленія и господствовавшей у насъ въ прошломъ столѣтіи моды посылать дѣтей для воспитанія за границу. Эта мысль нашла себѣ остроумное и полное комизма выраженіе въ образѣ мудреца-студента *(метафизикъ)*, возвратившагося изъ-за границы, который на каждомъ шагу бредитъ высокой философіей (*метафизика)*, рѣшаетъ вопросы въ родѣ слѣдующаго: *«сыскать начало всѣхъ началъ»* и *«время—что?»* и свое очень простое *паденіе въ яму* объясняетъ научными соображеніями—землетрясеньемъ, центральнымъ влеченьемъ, воздушнымъ давленіемъ. „Метафизикъ“.

„Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Сыскать начало всѣхъ началъ,—
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, оступился
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести—
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А умный между тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
„Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому *землетрясенье*,
А въ яму скорое стремленье,—
Центральное влеченье
Воздушное давленье“...

„Оселъ и соловей".

Въ баснѣ «Оселъ и Соловей» проведена мысль: *Судъ невѣжды о музыкальномъ талантѣ.* Одно уже сопоставленіе этихъ двухъ, крайне противоположныхъ по натурѣ животныхъ, какъ оселъ и соловей, и неожиданное желаніе осла, повидимому совершенно равнодушнаго къ музыкѣ, послушать пѣніе и *посудить объ умѣньѣ*, предрасполагаютъ читателя къ чему-то, очень забавному и любопытному: оселъ хочетъ цѣнить искусство соловья... Но дальнѣйшія сцены пѣнія и суда о немъ возбуждаютъ въ сердцѣ читателя съ одной стороны чувство глубокаго сочувствія къ пѣвцу, съ другой—презрѣнія къ его невѣжественному судьѣ. «Соловей являть свое искусство сталъ». И какое явилъ искусство? Что за волшебная полилась пѣсня! Ея заслушалась вся природа: очарованные ею «затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры и прилегли стада...» Все въ этой пѣснѣ одна прелесть, гармонія, красота, очарованіе! Великій *виртуозъ* здѣсь слышится въ каждомъ звукѣ. Въ противоположность ему, въ каждомъ словѣ осла, во всякомъ движеніи его длинныхъ ушей, сказывается совершенный *невѣжда*:

„А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще-бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немного поучился".

Самый складъ рѣчи осла, манера, обращеніе его съ соловьемъ за панибрата, мужицкія слова: «*дружище*, «*мастерище*», «*навострился*»: дерзкая просьба, обращенная къ соловью спѣть не ради удовольствія, а чтобы «*посудить*, велико-ль, подлинно, твое умѣнье»,—все это съ удивительнымъ искусствомъ рисуетъ предъ нами въ образѣ осла—грубаго, неотесаннаго невѣжду. Глубокая мысль басни и ея выраженіе слились въ одно прекрасное цѣлое и сдѣлали изъ басни высокозанимательную драму. Музыкальный стихъ, выразительный языкъ, каждое слово котораго отмѣчено печатью народной красоты, любезной русскому сердцу, дополняютъ литераратурное достоинство этой неподражаемой басни. Прочитавъ ее, каждый невольно вздохнетъ:

„Избави Богъ и насъ отъ *этакихъ* судей!"

„Квартетъ".

Басня «Квартетъ», мысль которой выражена словами соловья:

„А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Всё въ музыканты не годитесь",—

представляетъ собою остроумную сцену, происходящую между звѣрями, собравшимися на лужокъ подъ липки играть *квартетъ*. Здѣсь выведенные на сцену звѣри очерчены очень мѣтко: мартышка—суетливая распорядительница (дирижеръ) квартета съ ея подвижностью, медвѣдь съ его неуклюжестью—охарактеризованы сполна однимъ только эпитетомъ: «*проказница*» мартышка, «*косолапый*» мишка. Во всей этой суетнѣ, крикахъ, пересаживаньи столько жизни, движенія, вызывающаго смѣхъ; въ то же время каждое слово басни утверждаетъ, словно гвоздемъ, въ умѣ читателя глубокую мысль:

„Чтобъ музыкантомъ быть,
Такъ надобно *умѣнье*..."

или,—говоря другими словами,—«не за свое дѣло не берись!..»

Басня Крылова «Пустынникъ и Медвѣдь» представляетъ небольшую художественную идиллію съ трагической развязкой. Мысль басни— „Пустынникъ и Медвѣдь".

„Услужливый дуракъ опаснѣе врага!"—

выражена въ рядѣ сценъ и картинъ, полныхъ жизни, движенія и красоты; такова, напр., сцена встрѣчи съ медвѣдемъ. Сколько тонкаго юмора въ этомъ раскланиваніи незнакомцевъ, будущихъ друзей, сниманіи шляпы, протягиваніи лапы, въ тѣсной дружбѣ новыхъ знакомыхъ...

„Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ; безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться".

Сцена утомленія и засыпанія пустынника художественна по своему лаконизму.

„Лёгъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ..."

Сцена, когда медвѣдь на часахъ гоняется за мухой, возбуждаетъ невольный смѣхъ противоположеніемъ громоздкаго, неуклюжаго, тяжелаго на подъемъ, косолапаго мишки и легкой мухи, поминутно перелетающей со щеки на лобъ, со лба на носъ.

„А Мишка на часахъ, да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла—
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ отъ часу".

За этой тихой, сонной, беззвучной картиной слѣдуетъ послѣдняя, ужасная—ударъ Мишки камнемъ въ муху...

Относительно *языка* этой басни должно сказать, что онъ представляетъ совершенство по своей народности и живописности. Встрѣчаются здѣсь такія коренныя русскія выраженія: «*миломy сосѣдушкѣ поклонъ*»; «*мишукъ съ природы молчаливъ, такъ изъ избы не вынесено сору*»; «*далъ Богъ въ другѣ кладъ*»; «*безъ Мишеньки тошнится, и Мишенькой не можетъ нахвалиться*» и проч.

О *стихахъ* послѣдней сцены въ баснѣ Жуковскій говоритъ: «Стихи летаютъ вмѣстѣ съ мухой». Непосредственно за ними слѣдуютъ другіе, изображающіе противное,—медлительность медвѣдя. Здѣсь всѣ слова длинныя, стихи тянутся:

„Ботъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „молчи-жъ, ужъ я тебя воструху!"
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ!"

Всѣ эти слова: *Мишенька, увѣсистый, булыжникъ, корточки, переводитъ, думаетъ, и, у друга подкарауля* — прекрасно изображаютъ медлительность и осторожность; за пятью длинными, тяжелыми стихами слѣдуетъ быстрое полустишіе.

„Хвать друга камнемъ въ лобъ!"

Это—молнія, это—ударъ! Вотъ истинная живопись!

„Волкъ на псарнѣ".

«Волкъ на псарнѣ»—басня историческаго содержанія и написана по поводу событій 12 года. *Волкъ*, попавшій на псарню,—*Наполеонъ*, забравшійся въ глубь Россіи; *ловчій—Кутузовъ*. Черты историческія въ этой баснѣ: а) положеніе безвыходное Наполеона, очутившагося въ Россіи, какъ *волкъ на псарнѣ*; б) словами: «пустился мой хитрецъ въ переговоры» намекается на *просьбу о мирѣ*, посланную Наполеономъ изъ Москвы къ Императору Александру и оставленную безъ отвѣта; в) характеръ *народной войны* 12 года, когда само населеніе оборонялось,—мужики *дубинами*, бабы цѣпами били часто непріятеля,—указывается въ стихахъ:

„Бѣгутъ: иной съ *дубьемъ*,
Иной съ ружьемъ"...

Въ этой баснѣ знаменитый баснописецъ является глубокимъ мыслителемъ, художникомъ и патріотомъ. Мысль басни сама по себѣ глубокая — представить *положеніе Наполеона въ Россіи* — нашла себѣ необыкновенно живописное выраженіе въ образѣ *волка, очутившагося на псарнѣ*. Вѣрнѣе, удачнѣе, остроумнѣе и художественнѣе этого образа придумать невозможно! *Волкъ на псарнѣ*—поистинѣ трагическое положеніе! Не таково ли на самомъ дѣлѣ было положеніе Наполеона въ Россіи?.. Доселѣ непобѣдимый завоеватель, избалованный повсемѣстными успѣхами, встрѣчавшій во всѣхъ народахъ *покорныхъ себѣ овечекъ*, распоряжавшійся въ колѣнопреклоненной предъ нимъ Европѣ, *какъ волкъ въ овчарнѣ*, — онъ и въ Россіи мнилъ найти овчарню, а угодилъ на... *псарню*!

„Поднялся вдругъ весь псарный дворъ..
Почуявъ сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ
И рвутся вонъ на драку".

Почуявъ врага, какъ одинъ человѣкъ, поднялся весь Русскій народъ, когда Александръ I произнесъ великое свое слово, раздавшееся громомъ по Россіи: «Не вложу меча въ ножны до тѣхъ поръ, пока не будетъ ни одного врага на русской землѣ». Каждый русскій отозвался на голосъ своего царя:

„Мы села—въ пепелъ, грады въ прахъ;
Въ мечи—серпы и плуги!"

«*Кто съ дубьемъ, кто съ ружьемъ*», всѣ поголовно вышли на врага, и—избитый, истерзанный, Наполеонъ позналъ, что Россія для недруговъ—волковъ — не овчарня, а *псарня!* Каждый сынъ Русской Земли готовъ и домъ превратить въ пепелъ, и душу положить за благо святой родины!

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Понятіе о лирической поэзіи.

Лирическая поэзія (отъ греч. слова λύρα — музыкальный инструментъ) своимъ названіемъ указываетъ на близкую связь этого рода поэтическихъ произведеній *съ музыкой*. Какъ лирика, такъ и музыка выражаютъ *разнообразныя чувствованія сердца*. Въ древней Греціи лирическія произведенія *пѣлись*, сопровождаемыя игрой *на лирѣ*, откуда и ведетъ свое названіе этотъ родъ поэзіи, музыкальной по преимуществу.

Въ то время, какъ эпосъ изображаетъ міръ внѣшній (объективный), *предметъ лирики—внутренній (субъективный) міръ поэта, его личныя чувствованія, вызванныя какимъ-либо предметомъ или явленіемъ.* Предметъ лирики.

Но не всякое чувство можетъ быть содержаніемъ лирическаго произведенія. Рожденный *для звуковъ сладкихъ и молитвъ,* поэтъ, подобно церковному колоколу, призванъ благовѣщать любви и правды чистые глаголы, пробуждать въ сердцахъ только чувства высшія и благороднѣйшія.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что *чувства добрыя я лирой пробуждалъ,*
Что *прелестью живой стиховъ* я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ [1]).

Цѣль лирическаго произведенія—*пробуждать добрыя чувства.* Для достиженія этой цѣли необходимы: а) нравственная чистота содержанія; б) глубина и искренность чувства, которое одно способно отливаться, такъ сказать, въ *прелестную, чарующую форму* и трогать сердце читателей.

Лучшій перлъ таится
Въ глубинѣ морской,
Зрѣетъ мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильно вѣтру
Море взволновать,
Чтобъ оно, въ бореньи,
Выбросило перлъ:
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она въ восторгѣ
Выразила мысль [2]).

Образцомъ такихъ лирическихъ стихотвореній могутъ служить, напр.: „Молитва“ Лермонтова, „Ко гробу Кутузова“ Пушкина. Образцы.

Въ «Молитвѣ» изображается *душевное состояніе, испытываемое во время молитвы.* „Молитва“.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть,—
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Стихотвореніе замѣчательно какъ по глубокому чувству поэта, такъ и по картинному и музыкальному выраженію (оно положено на музыку первостепенными нашими композиторами — Глинкой, Даргомыжскимъ и др.); оно рисуетъ передъ нами молящагося, удрученнаго грустью, вѣрующаго, плачущаго, но слезной молитвой утѣшеннаго и успокоеннаго, человѣка.

Въ стихотвореніи «Ко гробу Кутузова» выражены чувства, вызванныя могилой знаменитаго полководца: „Ко гробу Кутузова“.

---

[1]) Пушкинъ. [2]) Жадовская.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ. Однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ,
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и—спасъ.

Кромѣ *силы патріотическаго чувства*, испытываемаго предъ исторической могилой славнаго вождя отечественной войны, стихотвореніе отличается художественною красотою; оно—цѣлая картинка: поэтъ задумчивый, «съ поникшею главой», стоитъ предъ гробницею въ соборѣ одинъ, кругомъ все спитъ; но посреди тишины слышится ему изъ могилы голосъ о великомъ подвигѣ лежащаго въ гробницѣ; также здѣсь замѣчательны: *вѣрность* описанія собора, мѣткая характеристика Кутузова и *сила отдѣльныхъ выраженій* («Идолъ сѣверныхъ дружинъ», «Маститый стражъ страны державной», «Сей остальной изъ стаи славной Екатерининскихъ орловъ»). Послѣдній стихъ:

„Иди, спасай!“ Ты всталъ—и спасъ.—

поражаетъ своимъ лаконизмомъ.

Раздѣленіе лирической поэзіи.

По своему происхожденію лирическія стихотворенія раздѣляются на народныя (народная лирика) и искусственныя (художественная лирика).

Народная лирика.

Общая форма народной лирики.

Народная пѣсня есть первоначальная форма народной лирики, настолько полная, что всѣ виды искусственной лирики получили свое начало въ этомъ общемъ, такъ сказать, родникѣ лирическаго творчества.

Русскія народныя пѣсни могутъ быть раздѣлены на два главные разряда: пѣсни обрядовыя и семейныя.

Обрядовыя пѣсни.

Обрядовыя пѣсни относятся къ глубокой древности и ведутъ свое происхожденіе отъ праздниковъ и обрядовъ языческаго богослуженія. Таковы: *колядскія, святочныя, подблюдныя, игровыя, хороводныя*, въ которыхъ упоминаются языческія божества: *Коляда, Дидъ-Ладо, Купало, Ярило*. Примѣромъ ихъ могутъ служить извѣстныя пѣсни: „Ужъ я золото, чисто серебро, хороню я, хороню“, „А мы просо сѣяли, сѣяли. Ой Дидъ Ладо, сѣяли, сѣяли!“

Семейныя пѣсни.

Семейныя, или бытовыя, пѣсни изображаютъ русскій семейный *бытъ* съ его горемъ и радостями. Таковы пѣсни свадебныя, похоронныя, колыбельныя, солдатскія и др.

Среди бытовыхъ пѣсенъ главное мѣсто занимаютъ пѣсни свадебныя. Бракъ — важнѣйшій шагъ въ жизни человѣка, называвшійся въ старину *судьбою*, *судомъ Божіимъ*, издревле у насъ былъ обставленъ различными обрядами. Самое выраженіе *играть свадьбу* указываетъ на это. Дѣйствительно, рукобитье, сговоръ, дѣвичникъ, благословеніе, провожаніе къ вѣнцу—всѣ акты свадьбы, этой семейной драмы, сопровождались особыми пѣснями. Въ нихъ дѣвушка-невѣста высказываетъ горькое чувство разставанія съ отеческимъ домомъ, съ подругами, или проситъ благословенія родительскаго, на вѣки нерушимаго, или представляетъ будущее свое горькое положеніе въ чужой семьѣ, приравнивая себя къ лебедушкѣ, которая «отставала прочь отъ стада лебединаго и приставала къ сѣрымъ гусямъ»; или, наконецъ, жалуется, вышедши замужъ, на свое новое житье.

Особенности русской народной пѣсни.

Отличительныя свойства нашей народной пѣсни:

а) Искренность и глубина чувства.

б) Образность и живописность выраженія, достигаемая обиліемъ постоянныхъ эпитетовъ, сравненій, уподобленій, отъ частаго употребленія обратившихся въ постоянные символическіе образы, напр.: *кукующая кукушка* обозначаетъ тоскующую женщину, *гнѣздо ласточки* — символъ семьи, *черный воронъ* —врага, *змѣя подколодная*—горя и т. д.

в) Почти всѣ пѣсни начинаются обращеніемъ къ природѣ, какъ напр.:

„Перестань стонать, кукушечка!
Не кукуй ты, заунывная!
Ужъ и такъ мое сердечушко
Надорвалося, надсѣлося“.

г) или простыми и отрицательными сравненіями:

„Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонекъ малешенекъ“.

д) Нѣжность и задушевность, придаваемая обиліемъ ласкательныхъ и уменьшительныхъ словъ: *сердечушко, подруженька, голубочекъ, лебедушка, касаточка, травушка-муравушка, березонька, звѣздочка, дождичекъ* и друг.

е) Заунывный напѣвъ, объясняемый климатомъ, исторіей нашей родины. По свидѣтельству Пушкина,—

Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ,
Но нравится ихъ *жалобный напѣвъ*.

„Жалобный напѣвъ“—отличительное свойство какъ великорусскихъ, такъ и малорусскихъ пѣсенъ. Въ послѣднихъ особенно часто встрѣчается *символъ* тоскующей женщины—*кукующая сивая зозуленька* (кукушка).

Пѣсня: „Ахъ ты, поле".

Ахъ ты, поле мое, поле чистое!
Ты, раздолье мое широкое!
Ахъ ты всѣмъ, поле, изукрашено,
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками;
Ты однимъ, поле, обезчещено:
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ,
Что на кустичкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь;
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка:
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ—какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ — какъ роса падетъ:
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ!

Въ приведенной пѣснѣ находятся всѣ отличительныя свойства народной пѣсни: глубокое *чувство состраданія къ израненному молодцу выражено въ живописномъ образѣ орла, терзающаго свою жертву*; пѣсня начинается съ обращенія къ природѣ, изобилуетъ тождественными выраженіями (*избитъ, израненъ, исколотъ* весь), уменьшительными и ласкательными словами (*цвѣточки, василечки, кустикъ, кусточки*), сравненіями (*гнѣздо—семья, слезы матери—рѣка* и др.).

Художественная лирика.

Виды художественной лирики: *гимнъ, ода, пѣсня, элегія, сатира* и др. мелкія формы.

Гимнъ.

Понятіе о гимнѣ.

Гимнъ (ὕμνος—*пѣснь*) *небольшое стихотвореніе религіознаго содержанія.*

Псалтирь св. пр. Давида

Ковчегъ священной лирики — Псалтирь св. пророка Давида. „Въ этой книгѣ объята вся жизнь человѣческаго сердца. Хочешь-ли ты каяться, постигла-ли тебя скорбь, уныніе-ли овладѣло тобою, хочешь-ли ты хвалить, благодарить или просить Бога? Для всего этого въ божественныхъ псалмахъ найдешь наставленіе" [1]). Св. отцы называли Псалтирь „раемъ, въ которомъ насаждено все, что нужно человѣку", „полною врачебницей душевныхъ ранъ", „всеобщею сокровищницею", „духовнымъ ѳиміамомъ" [2]).

Съ древнихъ поръ доселѣ Псалтирь — излюбленная книга русскаго народа. Князья древней Руси даже въ походахъ не разлучались съ Псалтирью, которая называлась „дорожною книжицей". Въ лѣтопи-

---

[1]) Св. Афанасій Александрійскій. Толкованіе псалмовъ.
[2]) Св. Василій Великій. Бесѣды на 1-й псал.

сяхъ читаемъ, что св. князь Борисъ, въ ожиданіи смерти отъ подосланныхъ убійцъ, св. князь Михаилъ Черниговскій и бояринъ его Ѳеодоръ, замученные въ Ордѣ (1243 г.), во время мученій *пѣли псалмы.*

Чтеніе Псалтири надъ покойниками — повсемѣстный въ Россіи обычай. По общему вѣрованію, только въ этой дивной книгѣ сѣтующее сердце можетъ найти себѣ утѣшеніе; только пламенныя слова этой книги сильны проникнуть даже въ закрывшійся слухъ и потухшее сердце лежащаго въ гробѣ; только въ звукахъ богодухновенной лиры Псалмопѣвца молитва близкихъ объ усопшемъ достигнетъ престола Всевышняго...

Церковныя пѣснопѣнія.

Богатую сокровищницу вдохновенныхъ гимновъ представляютъ наши церковныя пѣснопѣнія. Вспомнимъ пасхальный и погребальный каноны св. Іоанна Дамаскина. Если первый канонъ—весь радость, свѣтъ, восторгъ и ликованіе, второй — исполненъ чувствомъ тихой грусти, растворенной упованіемъ; въ каждомъ словѣ этой умилительной церковной элегіи слышится утѣшеніе для сѣтующей души.

Образцы.

Образцы гимновъ и стихотвореній религіознаго содержанія: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“—Хераскова; „Народный гимнъ“—Жуковскаго; „Размышленіе по случаю грома“—Дмитріева; „По прочтеніи псалма“—Хомякова; „Подражаніе псалму XIV“—Языкова; „Молитва“ и „Вѣтка Палестины“—Лермонтова; „Великопостная молитва“—Пушкина; „Всенощная въ деревнѣ“—Аксакова; и др. (См. прилож.).

Ода.

Понятіе объ одѣ.

Ода (ᾠδή) *есть лирическое стихотвореніе, въ которомъ выражается восторженное чувство, вызванное какимъ-нибудь высокимъ предметомъ.*

Ода ведетъ свое начало изъ древней Греціи, гдѣ жилъ первый знаменитый одописецъ Пиндаръ. Его оды были хвалебныя пѣсни въ честь побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ. Въ своихъ одахъ поэтъ прославляетъ героя-побѣдителя, его предковъ, родителей, городъ, гдѣ родился. Оды пѣлись поэтомъ, сопровождаемыя игрой на лирѣ. Отсюда идетъ выраженіе: *„воспѣвать героя“.*

Ложноклассическая ода.

Дальнѣйшая судьба греческой оды та же, что и судьба поэмы; въ XVII—XVIII вѣкѣ ода получила характеръ ложноклассическій, искусственно составлялась по особымъ правиламъ, коими требовалось, чтобы въ

одѣ были: *приступъ*, *предложеніе*, *изложеніе*, *заключеніе*, *восторгъ* и восхваленіе, т. е. употребленіе громкихъ фразъ и риторическихъ фигуръ, обращеніе въ началѣ оды къ Аполлону и Музамъ. Всѣ эти свойства, естественныя въ одѣ Пиндара, неумѣстны въ новѣйшей одѣ; такъ какъ въ христіанской Европѣ не было ни олимпійскихъ игръ, ни Аполлона, ни лиры, ни обычая поэтовъ громогласно пѣть свои оды. Такія искусственныя оды были въ модѣ у насъ въ прошломъ и началѣ настоящаго столѣтія и осмѣяны Дмитріевымъ (см. ниже *о Сатирѣ*).

Ода „На восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы Петровны".

Въ «Одѣ на восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы Петровны» Ломоносова соблюдены всѣ требованія ложноклассической теоріи: въ ней есть приступъ (строфы 1-я, 2-я, 3-я и 4-я), предложеніе (5-я и 6-я), изложеніе (7—24), заключеніе (24-я стр.); а также слово *пою*, миѳологическія божества (*Музы*, *Марсъ*: *Нептунъ*, *Минерва*, *Борей*), лирическое пареніе, обязательный восторгъ и высокій слогъ. Впрочемъ, должно замѣтить, что въ этой одѣ вездѣ слышится отрадный для русскаго сердца, разумный голосъ великаго ученаго и патріота, которому слава и благо родины выше всего. Есть въ одѣ строфы, замѣчательнѣйшія по силѣ, глубинѣ чувства и живописи выраженій. Такова, напр., строфа, которая заключаетъ въ себѣ описаніе Сибири. Особенной теплотой и сердечностью отзываются стихи, гдѣ Ломоносовъ говоритъ о любимыхъ имъ наукахъ и насажденіи ихъ въ Россіи:

„О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ —
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И крѣпкимъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать!
Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Наука пользуетъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ".

Новѣйшіе наши писатели отвергли искусственное построеніе оды, и она получила естественную простоту; подобнаго рода произведенія перестали даже называться одами.

Замѣчательнѣйшіе образцы одъ: „Богъ" Державина, „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ" Жуковскаго, „Бородино" Лермонтова, „Клеветникамъ Россіи" Пушкина.

Ода „Богъ".

Ода «Богъ» Державина, переведенная на всѣ европейскіе языки и на нѣкоторые изъ азіатскихъ (японскій), создана при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ: мысль о ней явилась у поэта во время заутрени въ Свѣтлое Воскресенье въ Зимнемъ Дворцѣ, и начало оды было написано тотчасъ послѣ заутрени (1780 г.); окончена же ода была въ Нарвѣ черезъ четыре года, ночью, при свѣтѣ сѣвернаго сіянія. По силѣ, чувству, множеству

поэтическихъ картинъ, гармоническихъ стиховъ—это вдохновенный *гимнъ;* а по глубинѣ и логической послѣдовательности мысли, обилію научныхъ истинъ, доводовъ, выраженныхъ въ видѣ краткихъ умозаключеній — это богослово-философскій трактатъ на тэму: «*Непостижимый Богъ явленъ въ природѣ и человѣкѣ*»,—трактатъ, вложенный въ форму поэтическаго стихотворенія, какъ въ златокованный ковчегъ! Въ этой одѣ равно поражаютъ какъ возвышенность мыслей и чувствъ, такъ и одушевленная живописная рѣчь и могучій стихъ. (См. оду въ Приложеніи).

„Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ".

Ода «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» написана Жуковскимъ, служившимъ въ Бѣлевскомъ ополченіи, въ *лагерѣ* подъ Тарутинымъ въ 1812 году, въ самый разгаръ Отечественной войны. Можно сказать, поэтъ буквально *пропѣлъ* ее въ «*станѣ русскихъ воиновъ*», въ виду ужаснаго врага, подъ стоны раненыхъ.

«Она пронеслась, пишетъ Плетневъ, по рядамъ нашихъ войскъ и по всему пространству Россіи, какъ чудно-живительный, свыше раздавшійся голосъ. *Вмѣсто словъ и буквъ явились какія-то огненныя начертанія* и сообщили всѣмъ сердцамъ одинъ жаръ, одно стремленіе. Можетъ быть въ первый разъ живые позавидовали падшимъ товарищамъ своимъ: такъ достойно и поразительно выставлены были отечеству доблести сыновъ его, принесшихъ жизнь въ исполненіе долга».

Пѣвецъ начинаетъ свою пѣснь воспоминаніемъ о древнихъ вождяхъ: *Святославѣ, Донскомъ, Петрѣ Великомъ, Суворовѣ;* потомъ провозглашаетъ славу отчизнѣ, царю и, наконецъ, каждому порознь, вождямъ 12-го года: Кутузову, Багратіону, Платову, Кульневу и др.

Строфы, посвященныя родинѣ, — этотъ гимнъ благоговѣнія, любви къ отечеству,—всякимъ ученикомъ русскимъ должны быть затвержены:

„Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,—
Что̀ вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Тамъ все: тамъ родшихъ милый домъ,
Тамъ наши жены, чада,
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ,
Мы жизни ихъ ограда!
Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы:
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!"

„Бородино".

Въ одѣ «Бородино» отъ лица стараго солдата, въ живомъ разсказѣ, полномъ патріотизма и исторически вѣрномъ, передаются впечатлѣнія Бородинскаго сраженія, происходившаго въ 26-й день августа 1812 г.,—день, названный «кровавымъ» по множеству жертвъ:

„Вамъ не видать такихъ сраженій!
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что̀ значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!
Земля тряслась, какъ наши груди,
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились *въ протяжный вой*!"

„Клеветникамъ Россіи".

Въ одѣ «Клеветникамъ Россіи», написанной въ 1831 году по поводу Польскаго мятежа, поэтъ высказываетъ съ одной стороны чувство негодованія противъ *клеветы*, распускаемой на Россію ея европейскими недругами, съ другой — чувство патріотической гордости, при сознаніи могущества и славы родины, которая своими побѣдами надъ Наполеономъ искупила «Европѣ вольность, честь и миръ». (См. «Приложеніе»).

„Родина" Лермонтова.

Пушкинъ восторгается славой и могуществомъ родины,—въ сердцѣ другого поэта, Лермонтова, та-же родина пробуждаетъ чувство отрады не славой, купленной кровью,—нѣтъ! поэтъ любитъ въ своей родинѣ ея природу, сельскій трудъ, народное довольство.

„Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ средь желтой нивы
Чету бѣлѣющихъ березъ.

Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно".

Пѣсня.

Художественная пѣсня.

Послѣ оды пѣсня, какъ особый видъ художественной лирики, имѣетъ много прекрасныхъ образцовъ въ нашей литературѣ, напр.: „Среди долины ровныя" Мерзлякова, „Пѣснь бѣдняка" Жуковскаго, „Черкесская пѣсня" Пушкина, „Казачья колыбельная пѣсня" Лермонтова и пѣсни Кольцова.

„Казачья колыбельная пѣсня".

«Казачья колыбельная пѣсня» замѣчательна по изяществу формы, искренности и теплотѣ чувства, мѣткому изображенію жизни линейныхъ казаковъ, красотѣ языка и необыкновенной звучности стиха. Мать-казачка, укачивая колыбель, раздумалась о судьбѣ сына и рисуетъ въ своемъ воображеніи предстоящіе сборы на войну, напутственное благословеніе при прощаніи:

Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой,
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой!..

Сколько въ звукахъ этой пѣсни, знакомой всѣмъ, слышится материнской любви, нѣжности, вѣры и упованія!..

Художественнаго совершенства достигла пѣсня въ народномъ духѣ у Кольцова.

Пѣсни Кольцова.

Пѣсни Кольцова вполнѣ народны и по содержанію, и по выраженію. Содержаніемъ пѣсенъ Кольцова, какъ и народныхъ, служитъ жизнь крестьянина, сельскій бытъ съ его радостями и печалями, нужда и бѣдность, прожитое счастье, жалоба на судьбу-мачиху, и пр. Пѣсни Кольцова, при безыскусственности и простотѣ, отличаются силою и красотою выраженія. Вотъ напр., какъ изображается горе:

„Пала грусть тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится".

или слѣдующая картина бѣдности крестьянина:

„На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ по травѣ
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.
А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ,
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его“.

Если предыдущая картина нарисована такими мрачными красками, то сколько свѣта, радости, жизни въ пѣсняхъ «Урожай» и «Крестьянская пирушка»:

„Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли.
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается.
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ, лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается“.

„Ворота тесовы
Растворялися,
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали.
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись,
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ Святымъ
Гости молятся.
За дубовы столы,
За набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ
Сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя...
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку...
Бахромой золотой
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Разносила гостямъ
Чашу горькова.
Самъ хозяинъ за ней
Брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Родныхъ потчуетъ.
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ
Съ лаской дѣвичьей“.

«Кольцовъ родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа, въ полномъ значеніи этого слова. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Его радовала и умиляла рожь, шумящая спѣлымъ колосомъ; урожай былъ для него свѣтлымъ праздникомъ. Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашелъ онъ въ самомъ этомъ бытѣ. И потому, въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклокоченныя бороды, и старыя онучи — и вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзіи» [1]).

Элегія.

Элегія есть лирическое стихотвореніе грустнаго содержанія. Понятіе объ элегіи.

Русская литература богата образцами элегіи: „Вечерній звонъ“ Козлова; „Сельское кладбище“ Жуковскаго (переводъ изъ Грея); „Тѣнь друга“ Батюшкова; „Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ“, Образцы.

[1]) Бѣлинскій.

„Опять на родинѣ“, „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“, „Осень„ Пушкина; „Выхожу одинъ я на дорогу“ Лермонтова; „Слезы матери“ Некрасова; „Вырыта заступомъ яма глубокая“ Никитина и др.

Характеръ русскихъ элегій.

Въ нашихъ элегіяхъ замѣчается искренность и сила грустнаго чувства, которое, однако же, не переходитъ въ отчаяніе, но разрѣшается, такъ сказать, свѣтлымъ аккордомъ—надеждой на лучшее.

„Брожу-ли я....“.

Элегія Пушкина: «Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ», проникнутая мрачной думой поэта о близкой и неизбѣжной смерти, которую напоминаютъ ему даже такіе предметы, полные жизни, какъ *младенецъ, дубъ, веселый пиръ юношей*,—оканчивается слѣдующей свѣтлой строфой:

„И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять“.

„Выхожу одинъ я на дорогу“.

Въ элегіи Лермонтова «Выхожу одинъ я на дорогу» выражено чувство безотчетной грусти, навѣваемой на поэта торжественною тишиной звѣздной ночи, и вмѣстѣ глубокое чувство любви къ этой же природѣ, которая одна способна дать покой тоскующему сердцу поэта: онъ желаетъ навѣки заснуть, но съ тѣмъ—

„Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ“.

„Слезы матери“.

Элегія «Слезы матери» Некрасова написана во время осады Севастополя, когда Россія вся «внимала ужасамъ войны», уносившей безчисленныя жертвы... Господствующій мотивъ этой элегіи—искреннее сочувствіе поэта безысходному горю матерей, которыя уподобляются *плакучимъ ивамъ*.

„Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ;
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей“ [1])

„Вырыта заступомъ яма глубокая“.

Въ элегіи «Вырыта заступомъ яма глубокая» раздается какъ бы надгробное рыданіе: поэтъ рыдаетъ, прощаясь со своею жизнію, безотрадной и мрачной, какъ осенняя ночь. Сердце читателя сжимается невыразимою тоской. Но скорбь и сѣтованіе смягчаются тихими звуками упованія и надежды... Въ воздухѣ, надъ вырытой могилой, готовой принять поэта, слышится умирающему поэту пѣсня птички—гостьи погоста; и въ эту гробовую мглу, въ эту смертную сѣнь пробивается золотой лучъ, красою вѣчною сіяющей, природы и услаждаетъ предсмертныя минуты поэта... Подъ звонкую пѣсню птички онъ испускаетъ послѣдній вздохъ:

„Вотъ она слышится пѣснь беззаботная:
Гостья погоста—пѣвунья залетная
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. о жизни покончен вопросъ,
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ“.

---

[1]) См. Приложеніе.

Сатира.

Сатира *есть лирическое стихотвореніе, въ которомъ выражается негодованіе поэта противъ общественныхъ недостатковъ и пороковъ.* Понятіе о сатирѣ.

Сатира бываетъ двухъ родовъ: легкая и шутливая, когда поэтъ, смѣясь, отмѣчаетъ людскіе проступки, глупости и заблужденія, или важная и ѣдкая, когда сатирикъ гнѣвнымъ обличеніемъ и грознымъ негодованіемъ, подобно „удару обнаженнаго меча", казнитъ общество за пороки и страсти, унижающія человѣческое достоинство. Представителемъ шутливой сатиры былъ римскій поэтъ Горацій (65—8 до Р. Хр.): онъ „не поражалъ зло острымъ ножемъ гнѣва, но кололъ тонкимъ остріемъ ироніи": „ridendo dicere verum, т. е., смѣясь, высказывать правду" — характерная черта его сатиры. Двѣ книги сатиръ Горація представляютъ картину нравовъ современнаго поэту римскаго общества. Ювеналъ (42—122 по Р. Хр.)—представитель карающей сатиры—жилъ въ эпоху нравственнаго паденія Римлянъ. Его 16 сатиръ — вѣрныя картины развращеннаго тогдашняго римскаго общества. Поэтъ не щадитъ сильныхъ словъ и яркихъ красокъ для выраженія своего пламеннаго гнѣва. „Ювеналъ — бичъ порока и порочныхъ", говоритъ Жуковскій. Историческое ея развитіе. Виды сатиръ.

Въ нашей литературѣ образцами сатиры могутъ служить: *Сатиры Кантемира, „Чужой толкъ" Дмитріева.*

Лучшая сатира Кантемира — первая, носящая двоякое названіе: «*Къ уму моему*» или «*На хулящихъ ученіе*», такъ какъ направлена противъ *хулителей* науки, а начинается обращеніемъ *къ уму:* Сатиры Кантемира.

„Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки!
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно и славу достать, хоть творцомъ не слыти.
Ведутъ къ ней не трудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги.
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестеръ [1]). Многи на немъ силу потеряли".

Четыре типа *хулителей ученія* выведены въ этой сатирѣ: *ханжа Критонъ* нападаетъ на ученіе изъ религіозной ревности, разумѣя подъ религіей единственно обряды: онъ называетъ науку матерью ересей и расколовъ, источникомъ безбожія, рушительницей древнихъ обычаевъ. *Помѣщикъ Сильванъ,* думающій только объ увеличеніи своихъ доходовъ, порицаетъ

[1]) Девять музъ.

науку за то, что она не ведетъ къ богатству, и что заниматься ею слѣдуетъ только духовнымъ и подъячимъ. *Веселый гуляка Лука* утверждаетъ, что ученіе губитъ здоровье, разрываетъ людское содружество и, слѣдовательно, мѣшаетъ пріятностямъ жизни. Наконецъ *щеголь Медоръ*, побывавшій за границей и заразившійся тамъ страстью къ модамъ, смотритъ на ученыхъ съ презрѣньемъ, предпочитая имъ портныхъ и парикмахеровъ:

„Медоръ тужитъ, что черезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не въ чемъ уже завертѣть завитыя кудри.
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ [1]) двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону похвала достоитъ".

«Мы имѣемъ въ Кантемирѣ, говоритъ Жуковскій, нашего Ювенала и Горація. Сатиры его чрезвычайно пріятны. Въ нихъ виденъ не только остроумный философъ, знающій человѣческое сердце и свѣтъ, но и вмѣстѣ стихотворецъ искусный, умѣющій владѣть языкомъ своимъ (весьма пріятнымъ, хотя и устарѣлымъ), и живописецъ, вѣрно изображающій тѣ предметы, которые его поражали. Кантемиръ мысли свои, взятыя изъ общежитія, выражаетъ сильно и кратко; всѣ характеры изображены рѣзкою кистью. По *языку* и *стопосложенію* Кантемиръ долженъ быть причисленъ къ стихотворцамъ стариннымъ; но *по искусству* онъ принадлежитъ къ новѣйшимъ и самымъ образованнымъ. Онъ никогда не отдаляется отъ матеріи, никогда не употребляетъ четырехъ словъ, коль скоро можетъ выразиться тремя. Въ слогѣ его болѣе силы, нежели колкости; онъ не смѣется, не хочетъ забавлять, но чертами разительными изображаетъ смѣшное и колетъ иногда неожиданно, мимоходомъ».

„Чужой толкъ".

Сатира «Чужой толкъ» Дмитріева (1760—1837) направлена противъ бездарныхъ *одописцевъ*, сочинявшихъ свои произведенія по всѣмъ правиламъ ложноклассической теоріи. «Съ легкой руки Ломоносова, пишетъ Гоголь, оды вошли въ обычай. Торжество побѣды, тезоименитство, даже иллюминація и фейерверкъ стали предметомъ одъ. Слагатели ихъ выразили только бездарную прыть: вмѣсто восторга, на мѣсто благозвучія Ломоносовскаго языка, показали трескотню и безпорядокъ словъ, терзающихъ ухо».

„Сперва прочтешь вступленье,
Тамъ предложенье, а тамъ и заключенье.
Тутъ найдешь то, чего-бъ не хитрому уму
Не выдумать и въ вѣкъ: зари багряны персты,
И *райскій крикъ, и Фебъ, и небеса отверсты*!
Такъ громко, высоко! а нѣтъ, не веселитъ
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ" [2]).

---

[1]) *Егоръ*.—извѣстный сапожникъ, *Рексъ*—портной въ Москвѣ.

[2]) Картина въ сатирѣ, изображающая кропателя оды въ минуту самаго творчества, замѣчательна по живому изображенію и ѣдкому остроумію:

„И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ *) Поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ **) ихъ вождя Костюшку полонилъ,

*) *Суворовъ*. **) *Ферзенъ*, взявшій въ плѣнъ Костюшку,—предводителя поляковъ.

Къ сатирическому роду поэзіи относится эпиграмма (ἐπιγράμμα—буквально *надпись*), *краткое стихотвореніе, въ которомъ выражается остроумная шутка или насмѣшка.* Эпиграмма.

Лѣкарь.

Мнѣ лѣкарь говорилъ: нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ, что недоволенъ мной!..
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ;
Смерть всякому языкъ привяжетъ [1]).

Мелкія формы лирики.

Новыя разнообразныя формы лирическая поэзія получила въ средніе вѣка во Франціи, Италіи и Испаніи. Таковы: *романсъ, тріолетъ, мадригалъ, сонетъ, октава, стансы.* Сходныя по содержанію, которое состоитъ обыкновенно изъ выраженія тихихъ и нѣжныхъ чувствъ, онѣ различаются лишь внѣшнимъ своимъ видомъ: числомъ стиховъ, способомъ риѳмовки и т. д.

Романсъ—стихотвореніе, назначенное для пѣнія; первоначально этимъ именемъ назывался небольшой поэтическій разсказъ о рыцарѣ или героѣ. Романсъ.

«Тріолетъ, по опредѣленію Карамзина, игрушка въ стихотворствѣ». Содержаніе его—остроумная шутка. Надобно, чтобы онъ состоялъ изъ восьми стиховъ равной мѣры и на двѣ риѳмы, чтобы четвертый стихъ былъ повтореніе перваго, а седьмой и восьмой — повтореніе перваго и второго. Тріолетъ.

Мадригалъ — стихотвореніе изъ двухъ или четырехъ стиховъ, заключающихъ въ себѣ комплиментъ. Вотъ извѣстный мадригалъ Карамзина на день рожденія дамы 14-го октября: Мадригалъ.

Ты въ мрачномъ октябрѣ родилась—не весной,
Чтобъ сѣтующій міръ утѣшенъ былъ тобой [2]).

Сонетъ (итальянское слово sonetto—*звучное* стихотвореніе) названъ звучащимъ, потому что онъ имѣлъ непремѣнно риѳмы, т. е. *созвучія, и пѣлся подъ звуки* какого-либо инструмента. Сонетъ имѣетъ особую внѣшнюю форму: онъ состоитъ изъ четырнадцати стиховъ, раздѣленныхъ Сонетъ.

Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ—*ода*!
Потомъ въ одинъ присѣстъ: *такого дня и года*!
„Тутъ какъ?.. *Пою!*.. иль нѣтъ, ужъ это старина!
Не лучше-ль: *дождь мнѣ, Фебъ*!.. Иль такъ: *не ты одна*
Подпала подъ пяту, о чалмоносна Порта!“

[1]) Дмитріевъ.
[2]) Карамзинъ. „Мои бездѣлки“, ч. 2-я, стр. 261.

на четыре куплета, изъ коихъ первые два имѣютъ по четыре, а послѣдніе по три стиха. Первые по времени сонеты принадлежатъ итальянскому поэту Петраркѣ (1304—1374). Изъ русскихъ поэтовъ писали сонеты: Козловъ, Веневитиновъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Майковъ, Фетъ и др. (См. «Приложеніе»).

Октава. Октава (octavus—восьмой) состоитъ изъ *восьми* стиховъ съ тремя риѳмами. (См. въ «Приложеніи»).

Стансы (итальянское слово stanzia—періодъ) есть небольшое стихотвореніе, въ которомъ каждая строфа имѣетъ законченную мысль.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни;
Но правдой онъ привлекъ сердца.
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
При немъ отличенъ Долгорукій.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ [1]).

Къ мелкимъ лирическимъ стихотвореніямъ относятся также: *надписи, эпитафіи, антологическія стихотворенія.*

Надпись— *краткое стихотвореніе, въ коемъ указывается значеніе историческаго лица, памятника или другого замѣчательнаго предмета.*

Къ портрету Петра Великаго.

Россія тьмой была покрыта много лѣтъ.
Богъ рекъ: „Да будетъ Петръ!“ и бысть въ Россіи свѣтъ [2]).

Къ портрету Жуковскаго.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость [3]).

Эпитафія.

Надпись на гробницѣ называется эпитафіей (ἐπιτάφιος— надгробный).

На могильномъ памятникѣ Гнѣдича, переводчика Иліады, находящемся на Невскомъ кладбищѣ, надпись: *„Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися. Иліада, пѣснь I, ст. 249“.*

На могильномъ камнѣ Гоголя въ Даниловомъ монастырѣ: *„Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся. Іерем. Гл. XX, ст. 8“.*

---

[1]) Пушкинъ. [2]) Херасковъ. [3]) Пушкинъ.

На гробъ молодой дѣвицы.

Какъ утромъ на цвѣтахъ весенняя роса,
Она едва на сей землѣ блеснула,
Съ улыбкою на здѣшній міръ взглянула
И вознеслась къ себѣ на небеса. (Крыловъ).

Эпитафія самому себѣ.

Не нужно надписи для камня моего,
Скажите просто здѣсь: онъ былъ и нѣтъ его! [1]).

Антологическія стихотворенія.

Греки называли мелкія лирическія стихотворенія *цвѣтками*, а сборники подобныхъ „цвѣтковъ"—*антологіей* (ἄνθος—цвѣтъ и λέγω—собираю). Теперь антологическими стихотвореніями *называются небольшія стихотворенія, которыя пластичностью формы напоминаютъ древнія греческія произведенія этого рода.*

На переводъ Иліады Гнѣдичемъ.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи:
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Отрокъ (Ломоносовъ).

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студёнаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

Муза.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживлёнъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Все въ цѣломъ стихотвореніе «Муза» представляетъ собою античную группу, высѣченную изъ мрамора рукою великаго художника.

Эхо.

Ревётъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ-ли рогъ, гремитъ-ли громъ,
Поетъ-ли дѣва за холмомъ,—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ!

[1]) Батюшковъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури, и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ! [1]).

Стихотвореніе «Эхо»—гармоническій, вѣрный отголосокъ лиры самого великаго поэта,—лиры полногласной, стройной и разнообразной: на ней звучали—

И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.

«Все было предметомъ его (Пушкина) поэзіи, говоритъ Гоголь,—и ничего въ особенности, исключительно: въ природѣ видимой—отъ Кавказа и Крыма до бѣдной деревушки съ балалайкой и трепакомъ; въ мірѣ природы человѣческой—отъ героическаго подвига и высокаго помысла до малѣйшаго вздоха слабости.—*На все откликнулся онъ, какъ звучное эхо, съ которымъ самъ себя сравниваетъ*».

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

„Цѣль драмы была и есть: добродѣтели показать ея собственныя черты, пороку—его собственный образъ".
Шекспиръ.

Понятіе о драмѣ.

Драма (δρᾶμα) по-гречески значитъ *дѣйствіе*. Сущность драматической поэзіи состоитъ *въ изображеніи событія въ дѣйствіяхъ, какъ бы совершающихся предъ нашими глазами.*

Событіе, служащее матеріаломъ драмы *(фабула)*, можетъ быть вымышлено авторомъ или заимствовано изъ исторіи и дѣйствительной жизни. Фабула развивается слѣдующимъ образомъ: герой на своемъ пути сталкивается съ препятствіями *(завязка, конфликтъ)*. столкновеніе рождаетъ борьбу *(коллизія)*, оканчивающуюся развязкой *(катастрофа)*.

Свойства драматическихъ произведеній.

Драматургъ не описываетъ лицъ, не разсказываетъ событій, не выражаетъ своихъ *личныхъ* чувствъ; но выводитъ на сцену лицъ, которыя *своими дѣйствіями сами себя характеризуютъ*, принимая то или другое участіе въ развитіи драматической борьбы. Необходимыя свойства драматическаго произведенія слѣдующія: а) общечеловѣческій интересъ содержанія; б) единство дѣйствія, требующее, чтобы одно главное дѣйствующее лицо было средоточіемъ всей пьесы; в) опредѣленность и выдержанность характера каждаго дѣйствующаго лица; г) непрерывность дѣйствія,—чтобы дѣйствіе не задерживалось

---

[1]) Всѣ четыре стихотворенія принадлежатъ Пушкину.

разсказами и длинными монологами, и д) чтобы развязка вытекала прямо и послѣдовательно изъ завязки. Съ внѣшней стороны драматическое произведеніе отличается слѣдующими особенностями: а) форма изложенія діалогическая, причемъ языкъ дѣйствующихъ лицъ долженъ соотвѣтствовать ихъ характеру, положенію; б) смотря по ходу представляемаго событія, пьеса раздѣляется на части, называемыя дѣйствіями, или актами, которые въ свою очередь подраздѣляются на явленія, сцены; в) иногда предшествуетъ драмѣ предварительное дѣйствіе, или прологъ, иногда она завершается особымъ заключительнымъ дѣйствіемъ, или эпилогомъ; г) акты обставляются декораціями; д) дѣйствующія лица, когда разыгрывается пьеса на театрѣ, являются въ соотвѣтствующихъ имъ костюмахъ и пр.

Значеніе драматической поэзіи.

Драматическая поэзія, совмѣщая въ себѣ и эпосъ, и лирику, пользуясь для своихъ цѣлей и музыкой, и скульптурой, и живописью, и архитектурой (декламація, игра, декораціи, гримъ, костюмы и пр.), представляетъ высшій и совершеннѣйшій видъ поэтическаго творчества.

Греческій театръ.

Театръ и драматическая поэзія получили начало въ Греціи и возникли изъ религіозныхъ празднествъ. Смотря по тому, печальное или веселое событіе служило содержаніемъ драматическихъ пьесъ, онѣ назывались трагедіями или комедіями.

Особенности греческой трагедіи.

Отличительныя особенности древней греческой трагедіи, сравнительно съ позднѣйшей, суть: а) хоръ, б) идея о рокѣ, в) рѣзкое раздѣленіе трагическаго элемента отъ комическаго, г) единство времени и мѣста.

Хоръ.

Хоръ—собирательное дѣйствующее лицо. Роль хора—*роль идеальнаго зрителя или свидѣтеля совершающагося на сценѣ дѣйствія* и представителя общественной совѣсти, который одобрялъ или осуждалъ слова и поступки дѣйствующихъ лицъ трагедіи. Обыкновенно хоръ состоялъ изъ гражданъ того города, гдѣ происходило разыгрываемое на сценѣ событіе: такъ, въ трагедіи «Антигона» событіе происходило въ Ѳивахъ,—и хоръ составляютъ старцы этого города.

Рокъ, или судьба.

По мнѣнію Грековъ, міромъ управляетъ слѣпой рокъ (ἀνάγκη, μοῖρα, fatum). Предъ судьбою была безсильна даже воля боговъ, которые сами нерѣдко падали жертвой неумолимаго рока. Люди хотя знали, что имъ не избѣгнуть опредѣленія судьбы, но боролись съ ней и падали въ неравной борьбѣ. Оттого греческая трагедія запечатлѣна характеромъ мрачнымъ и

суровымъ. Дѣйствующія лица являются или слѣпыми орудіями, безсознательно исполняющими велѣнія судьбы, или страдальцами, безнадежно борющимися съ судьбой и погибающими подъ ея ударами.

Трагическій элементъ.

Представляя, согласно понятіямъ Грековъ о рокѣ, исключительно картину борьбы и страданій, греческая трагедія не *допускала ничего комическаго* и содержаніе свое черпала изъ миѳовъ, событій временъ героическихъ, предоставляя комедіи изображать современное общество и событія повседневной жизни.

Единство мѣста и времени.

Въ греческомъ театрѣ представленія разыгрывались при *одинаковой обстановкѣ*, безъ перемѣны декорацій, а также *въ одно опредѣленное время*.

Устройство греческаго театра.

Греческіе театры были громадныхъ размѣровъ и вмѣщали въ себѣ до 50 тысячъ зрителей. Они устраивались подъ открытымъ небомъ, на отлогостяхъ горъ и состояли изъ трехъ главныхъ частей: помѣщенія для зрителей, или амфитеатра, мѣста для хора и сцены, гдѣ играли актеры. Мѣста для зрителей представляли полукругъ со скамьями, расположенными въ видѣ амфитеатра, уступами. Прямо противъ зрителей, на одинаковой по высотѣ линіи съ самыми нижними ступенями находилась сцена: между сценой и послѣдними уступами, но гораздо ниже ихъ, было мѣсто для хора.

Сцена имѣла видъ длинной и узкой площадки, съ трехъ сторонъ обставленной декораціями. Декораціи, различныя смотря по пьесамъ, не перемѣнялись во время представленія, но, разъ установленныя при началѣ пьесы, оставались уже до ея конца. Это происходило не отъ недостатка театральныхъ машинъ; искусство машиниста у грековъ было очень развито: боги и цѣлые хоры нимфъ носились по воздуху на крылатыхъ колесницахъ, герои похищались съ земли на небо, цѣлые утесы падали въ море и проч. Не перемѣнялись декораціи вслѣдствіе *единства мѣста*—требованія, вытекавшаго, какъ выше сказано, изъ духа греческой трагедіи. Для выхода актеровъ на сцену было три двери: дверь въ средней главной стѣнѣ и по двери въ каждой изъ двухъ боковыхъ. Декораціи главной стѣны почти всегда изображали царскій дворецъ, декораціи лѣвой — стѣны города, декораціи правой—окрестности: село, поле, лѣсъ и проч. Цари, герои и всѣ второстепенныя лица выходили на сцену чрезъ среднюю, такъ называемую, царскую дверь; дверь лѣвой стѣны назначалась для лицъ, приходившихъ изъ города; лица, возвращающіяся изъ путешествія, входили въ правую боковую дверь. Такимъ образомъ зрители, по одному выходу актера въ ту или другую дверь, догадывались о роли, которую онъ игралъ. Наконецъ, чтобы съ одной стороны сохранить величавый характеръ героевъ, которымъ народная фантазія приписывала колоссальный ростъ, чудесную силу, съ другой, чтобы дать возможность зрителямъ съ дальнихъ мѣстъ амфитеатра, имѣвшаго громадные размѣры, лучше видѣть выраженіе лицъ и лучше слышать дѣйствующихъ лицъ, актеры надѣвали *маски* и *котурны*. Котурны—родъ высокихъ сандалій—служили для увеличенія роста актеровъ; маски, различнаго вида, смотря по роли, надѣвались, подобно шлему, на голову, закрывая все лицо. Маски были трагическія и комическія; иногда внутри маски устраивался особый механизмъ, усиливавшій голосъ актера (по-латыни — persona — personare—*усиливать звукъ*). Увеличивъ такимъ образомъ ростъ котурномъ, усиливъ выраженіе лица и голосъ маской, греческіе актеры надѣвали

на себя длинныя мантіи, влачившіяся по землѣ, иногда вышитыя золотомъ. Вообще греческія представленія обставлялись съ необыкновенной роскошью. Все это производило неотразимое впечатлѣніе и обаяніе на зрителей; неудивительно, если театръ пользовался у Грековъ необыкновенной любовью и уваженіемъ и считался однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ учрежденій для развитія и просвѣщенія народа. Вспомнимъ, что Периклъ учредилъ особую кассу для выдачи бѣднымъ гражданамъ денегъ на зрѣлища.

Трагедіи Софокла.

Греческая трагедія достигла своего высшаго развитія въ лицѣ Софокла (495—404 до Р. Хр.). Совершеннѣйшими изъ трагедій его считаются «*Эдипъ царь*» и «*Антигона*».

Содержаніе трагедіи „Эдипъ царь".

Содержаніе трагедій «Эдипъ царь» и «Антигона» основано на ѳиванскомъ народномъ преданіи о судьбѣ царя Эдипа и всей его семьи. Эдипъ убѣдился, что исполнилось все, назначенное ему рокомъ при рожденіи: онъ самъ, не вѣдая о томъ, сдѣлался убійцею своего отца, мужемъ своей матери. Терзаемый невольными преступленіями, о которыхъ узналъ уже черезъ много лѣтъ, онъ въ отчаяніи ослѣпилъ себя и умеръ въ добровольномъ изгнаніи. Эта часть преданія составляетъ содержаніе первой трагедіи, которая представляетъ рядъ трогательныхъ картинъ, изображающихъ внутреннюю борьбу Эдипа съ самимъ собою и казнь надъ собою, какъ средство внутренняго очищенія, послѣ того какъ предъ нимъ, считавшимъ себя доселѣ совершенно невиннымъ, раскрывается рядъ преступленій, совершенныхъ или безсознательно, или по опредѣленію рока.

Содержаніе трагедіи „Антигона".

Но кара за такое ужасное преступленіе перешла и на дѣтей Эдипа. Два его сына, Этеоклъ и Полиникъ, оставшись послѣ отца царями въ Ѳивахъ, поссорились. Полиникъ ушелъ изъ города и привелъ себѣ на помощь *семь вождей*. Во время происшедшаго сраженія оба брата пали въ поединкѣ. Избранный въ цари, родственникъ Эдипа, Креонъ, тотчасъ издалъ указъ: похоронить съ подобающими почестями трупъ Этеокла, какъ защитника отечества, трупъ же Полиника, какъ измѣнника и врага отечества, лишить погребенія и бросить на растерзаніе хищнымъ птицамъ, а тому, кто бы отважился похоронить его, грозила смертная казнь. Вопреки этому повелѣнію, повинуясь чувству любви къ брату и своей совѣсти—этому неписанному божественному закону,—сестра Полиника, Антигона, рѣшилась исполнить погребальный обрядъ надъ трупомъ брата. Съ этого начинается трагедія. Положеніе Антигоны въ высшей степени трагическое: или оставить тѣло брата безъ погребенія, или умереть. Уваженіе къ религіи и сила любви къ брату превозмогаютъ страхъ смерти: Антигона хоронитъ Полиника. Креонъ велитъ казнить нарушительницу изданнаго закона голодною смертію: отводятъ Антигону въ пещеру и закладываютъ входъ камнями, т. е. заживо хоронятъ. Положеніе Креона въ свою очередь также трагическое: какъ царь, представитель закона, онъ долженъ требовать безусловнаго исполненія своего указа. Но, какъ обыкновенному смертному, ему грозитъ гнѣвъ боговъ, которые требуютъ совершенія погребальныхъ обрядовъ надъ каждымъ трупомъ и жестоко караютъ за неисполненіе этого закона. Такимъ образомъ, въ лицѣ Креона идетъ борьба между представителемъ государственной власти и обыкновеннымъ смертнымъ, обязаннымъ исполнять волю боговъ. Сначала всѣ просьбы пощадить Антигону не могли поколебать твердости

Креона; но, когда жрецъ Тирезій предсказываетъ царю близкое бѣдствіе, Креонъ смущается и, поддержанный хоромъ, одобрявшимъ святое дѣло Антигоны, рѣшается отмѣнить свое приказаніе уморить Антигону. Онъ самъ спѣшитъ освободить ее изъ пещеры, гдѣ она, осужденная на голодную смерть, была заперта; но было уже поздно: Антигона умертвила себя; женихъ ея Гемонъ, сынъ Креона, проникъ въ пещеру и, видя свою невѣсту мертвою, въ отчаяніи закололся въ глазахъ отца, который въ эту минуту приблизился къ пещерѣ. Жена Креона, услышавъ о смерти сына, также лишила себя жизни. Такъ боги покарали царя за упорство! При видѣ всего этого, Креонъ въ отчаяніи призываетъ смерть. Всѣ эти сцены наводятъ на зрителей невольный ужасъ, еще болѣе увеличивающійся мрачнымъ изреченіемъ хора, что отъ судьбы никуда не уйдешь.

КРЕОНЪ.

Явись, явись же,
Послѣдній смертный жребій—
Отрадный день моей кончины!..

ХОРЪ.

Нѣтъ, не моли напрасно,
Предназначенья смертнымъ не избѣгнуть.

Разборъ трагедіи „Антигона".

«Антигона» представляетъ собою художественный образецъ греческой трагедіи: ея преимущество заключается: а) въ важности основной идеи— *законы божескіе выше законовъ человѣческихъ*, — проникающей всю трагедію отъ начала до конца; б) въ превосходномъ планѣ—сопоставить въ борьбѣ два начала: религіозно-семейственное и государственное; в) въ разнообразіи и выдержанности характеровъ; г) въ изящной формѣ діалоговъ и хоровъ.

Съ неподражаемымъ искусствомъ изображено главное лицо трагедіи-Антигона. Софоклъ создалъ въ ней высокій типъ дѣвушки съ необыкновенными качествами сердца, воли, ума,—высокій идеалъ нравственной красоты: въ лицѣ ея мы видимъ до самоотверженія преданную дочь, любящую сестру, для которой законы религіи выше личнаго счастья и жизни. Нигдѣ столько, какъ въ Антигонѣ, не вѣетъ изъ-за древнихъ формъ предчувствіе иной жизни, чаяніе иной, спасающей вѣры. Антигона, идущая на смерть за религіозную идею, напоминаетъ мученицъ первыхъ временъ христіанства. Какою силою вѣры, твердости, любви и вмѣстѣ какою скромною красотою дышетъ ея отвѣтъ Креону! (См. въ «Приложеніи»).

Значеніе трагедіи.

Живое изображеніе трагической борьбы возбуждаетъ въ насъ глубокій интересъ, вызывая въ душѣ зрителя чувство удивленія или состраданія, чѣмъ достигается нравственная цѣль трагедіи—духовное очищеніе и обновленіе зрителя при помощи жалости и страха. Ни одинъ родъ поэзіи не властвуетъ такъ сильно надъ душой, не увлекаетъ насъ такимъ неотразимымъ обаяніемъ и не доставляетъ намъ такого наслажденія, какъ трагедія. И въ основѣ этого лежитъ великая истина, высшая разумность. Мы глубоко сострадаемъ падшему въ борьбѣ или погибшему въ побѣдѣ герою; но мы же знаемъ, что безъ этого паденія или этой погибели онъ не былъ бы героемъ.

не осуществилъ бы своею личностью вѣчныхъ міровыхъ непреходимыхъ законовъ бытія. Если бы Антигона погребла тѣло Полиника, не зная, что ее ожидаетъ за это неизбѣжная казнь, ея дѣло было бы только доброе и похвальное, но обыкновенное и не героическое дѣйствіе. Въ такомъ случаѣ Антигона не возбудила бы всего нашего участія, и, если бы тотчасъ же умерла какъ-нибудь случайно, мы не пожалѣли бы о ея смерти: вѣдь каждый часъ умираетъ на земномъ шарѣ тысяча людей. Нѣтъ! безвременная и насильственная смерть юной и прекрасной Антигоны потому только потрясаетъ все существо наше, что въ ея смерти мы видимъ искупленіе человѣческаго достоинства, торжество общаго и вѣчнаго надъ преходящимъ и частнымъ, подвигъ, созерцаніе коего возноситъ къ небу нашу душу, заставляетъ биться высокимъ восторгомъ наше сердце! Судьба избираетъ, для рѣшенія великихъ нравственныхъ задачъ, благороднѣйшіе сосуды духа, благороднѣйшія личности, стоящія во главѣ человѣчества,—героевъ, которыми держится нравственный міръ. Исмена была также сестра Полиника, доброе и родственное сердце ея тоже страдало при мысли о позорѣ погибшаго брата; но это страданіе не было въ ней сильнѣе страха смерти. Антигонѣ же легче казалось перенести муки личной казни, нежели позоръ единокровнаго брата; ей жаль было разстаться съ юною жизнью, столь полной надеждъ и очарованія; но она не проситъ о помилованіи, о пощадѣ, а идетъ прямо на встрѣчу ужасной смерти. Разница между обѣими сестрами въ силѣ, энергіи и глубинѣ чувства, вслѣдствіе чего одна изъ нихъ доброе, но обыкновенное существо, а другая—героиня, такъ обаятельно и бодряще дѣйствующая на душу зрителей.

Греческая комедія.

Величайшимъ комическимъ писателемъ въ древней Греціи признается Аристофанъ (427 г. до Р. Хр.). Комедіи Аристофана ярко изображаютъ недостатки и пороки современнаго ему общества и могутъ служить лучшимъ источникомъ для изученія общественной жизни Аѳинъ того времени. Когда тиранъ Сиракузскій, Діонисій Старшій, изъявилъ Платону желаніе изучить гражданскую жизнь Аѳинянъ, то философъ отправилъ къ нему комедію Аристофана „Облака“ съ замѣчаніемъ, что изъ этой одной комедіи можно узнать хорошо Аѳинское государство. По смерти поэта, Платонъ написалъ слѣдующую эпитафію: „Хариты искали храма, чтобы поселиться навѣки, и нашли его въ душѣ Аристофана“.

Комедія „Облака“.

Главная мысль комедіи «Облака»—превратное образованіе юношества софистами, которыхъ ученіе пагубно дѣйствовало вообще на аѳинское общество. Софисты были модные учители ложной философіи, смотрѣвшіе на міръ, какъ на простой механизмъ, развившіе свое искусство до того, что умѣли одинъ и тотъ же предметъ представить чернымъ и бѣлымъ, дурнымъ и хорошимъ, смотря по личному усмотрѣнію. Такое ученіе породило въ Греціи нравственную порчу, обманъ, лихоимство, сутяжничество и безвѣріе.

Представителемъ софистическаго духа, который разрушительно дѣйствовалъ на народныя вѣрованія и строгость прежнихъ нравовъ, выведенъ въ

комедіи Сократъ [1]) съ своими учениками. Самыя «Облака», составляющія хоръ комедіи, суть не что иное, какъ аллегорія метафизическихъ и діалектическихъ бредней, не опирающихся на опытъ, блуждающихъ въ области мечтаній, подобно *облакамъ* въ воздухѣ. Такъ, о человѣкѣ-мечтателѣ, предающемся туманнымъ грёзамъ воображенія, говорятъ, что онъ «уносится думой *за облака*». Въ лицѣ Правосуда и Кривосуда, дѣйствующихъ лицъ комедіи, противопоставлены двѣ системы воспитанія: прежняя, когда дѣтей учили почитать боговъ, родителей и старшихъ, когда у юношей были сильныя плечи, широкая грудь, свѣжее лицо и короткій языкъ,—система, внушавшая молодому поколѣнію чувства вѣры, правоты и скромности, приготовлявшая отечеству Мараѳонскихъ героевъ, и — новая, основанная на софистикѣ, поселяющая въ юношахъ невѣріе, любовь къ словопренію, научающая ихъ умничать, доставляющая способы говорить за и противъ одного и того же предмета, выдавать черное за бѣлое и наоборотъ. Нагляднымъ доказательствомъ вреда, происходящаго отъ подобнаго воспитанія, служитъ все содержаніе комедіи, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой является аѳинянинъ Стрепсіадъ и его сынъ Филиппъ.

Къ Сократу и его ученикамъ-софистамъ, сидящимъ въ корзинкахъ среди *облаковъ*, является промотавшійся Стрепсіадъ и проситъ научить его избавиться отъ долговъ. Сократъ учитъ старика ловкимъ изворотливымъ софизмамъ. Но Стрепсіадъ оказывается совершенно неспособнымъ къ этой мудрости и уговариваетъ сына своего поступить въ школу Сократа, въ которой учатъ, какъ безъ денегъ, одними ловкими словами, можно избавиться отъ долговъ, обманывать судей и кредиторовъ, и самъ на себѣ испытываетъ зло этой школы: сынъ избилъ отца и доказалъ, что такъ и слѣдуетъ поступать съ отцомъ [2]).

Подражательная ложно-классическая трагедія и комедія.

Въ XVII столѣтіи развилась ложноклассическая трагедія, основанная на внѣшнемъ подражаніи греческимъ образцамъ.

Правила ложно-классической трагедіи.

Главнѣйшія правила подражательной трагедіи слѣдующія: а) содержаніе трагедіи непремѣнно заимствовалось изъ греческой и римской миѳологіи или исторіи; б) соблюдались три единства: времени, мѣста и дѣйствія, внѣ которыхъ нѣтъ спасенія (hors des trois unités il n' y a point de salut). Всѣ эти требованія, противорѣчившія дѣйствительности,

---

[1]) Ученіе *Сократа* (468—399) было совершенно противоположно софистическому: Сократъ училъ, что первое основаніе мудрости—познаніе самого себя, откуда человѣкъ убѣждается въ существованіи Создателя человѣка и вселенной, что служеніе Богу состоитъ въ познаніи истины и послушаніи закону совѣсти. Но въ комедіи Сократъ выводится въ каррикатурномъ видѣ

[2]) См. переводъ комедіи „Облака“ въ Христ. Галахова, т. II.

стѣсняли развитіе дѣйствія, внося условность, неестественность. Такъ, дабы удовлетворить требованію *единства мѣста*, французскіе драматурги обыкновенно избирали переднія дворцовъ мѣстомъ свиданій дѣйствующихъ лицъ, а обо всёмъ, что дѣлалось внѣ сцены, заставляли разсказывать или самихъ героевъ, или ихъ приближенныхъ; для соблюденія *единства времени*, дабы связать событіе, совершающееся на сценѣ, съ предшествующимъ ему, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ являлись *вѣстники, наперсники, наперсницы*, которые повѣствуютъ обо всемъ случившемся съ ихъ довѣрителями, вслѣдствіе чего разсказъ сдѣлался главнѣйшею частію трагедіи, что противорѣчило самой сущности драмы, которая должна состоять въ *дѣйствіи*. Далѣе: в) герои надѣлены были сильными страстями и выражались высокимъ слогомъ; г) трагедія непремѣнно должна была состоять *изъ пяти актовъ*; д) развязка трагедіи требовалась кровавая.

Герои ложноклассической трагедіи представляли собой олицетвореніе какой либо страсти: любви, мщенія, ревности; строгая важность и естественность древней греческой трагедіи въ подражательной замѣнилась напыщенностью, ходульностью; драматическій діалогъ смѣнили длинные монологи; истинное чувство превратилось въ декламацію и риторическій паѳосъ; громкіе, красивые стихи въ трагедіи цѣнились выше всего. Карамзинъ въ письмѣ изъ Парижа пишетъ: «Здѣшняя публика требуетъ отъ автора *прекрасныхъ* стиховъ; они прославляютъ пьесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, болѣе занимаясь ими, нежели важностью приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными положеніями» [1]). Важнѣйшими представителями ложноклассической трагедіи были французскіе трагики: *Корнель* (1606—1684), *Расинъ* (1639—1699), *Вольтеръ* (1694—1778).

Русская ложноклассическая трагедія.

У насъ трагедіи Сумарокова, Озерова, Княжнина, въ особенности перваго, были вѣрными копіями съ французскихъ образцовъ. Сумароковъ самъ себѣ ставилъ въ заслугу, что «явилъ Расиновъ театръ Россамъ». Историческія лица въ трагедіяхъ Сумарокова, не смотря на свои русскія имена, ничего въ себѣ русскаго не имѣютъ, какъ греки и римляне не походили на дѣйствительныхъ грековъ и римлянъ въ трагедіяхъ французскихъ.

Ложноклассическая комедія.

Особенности ложноклассической комедіи заключались: а) въ рѣзкомъ отдѣленіи трагическаго отъ комическаго; б) завязка и вся интрига комедіи основывалась непремѣнно на любви; в) всѣ дѣйствующія лица раздѣлялись на два лагеря: порочныхъ (*комическихъ*) и добродѣтельныхъ (*резонеровъ*). Первыя должны были совершать только дурныя поступки; для этой цѣли допускались въ обрисовкѣ ихъ преувеличеніе, каррикатурность. Резонёры должны были обнаруживать пошлость комическихъ лицъ и, по поводу ихъ дурныхъ поступковъ, дѣлать назидательныя замѣчанія. Оттого рѣчи ихъ всегда представляютъ сборникъ нравственныхъ сентенцій; г) развязка комедій всегда была въ пользу резонеровъ.

Комедіи Мольера.

Изъ среды комическихъ писателей, подчинявшихся узкой теоріи, рѣзко выдѣляется Мольеръ (1622—1673), котораго Французы назвали «отцемъ

---

[1]) Письма Русскаго Путешественника.

комедіи». Изъ 32 комедій, написанныхъ Мольеромъ, наибольшею славою пользуются: «*Тартюфъ*» и «*Скупой*».

Комедіи Мольера, при нѣкоторомъ однообразіи построенія, каррикатурности въ изображеніи характеровъ, отличаются глубокимъ знаніемъ жизни, здравою житейскою моралью, ѣдкою сатирой, множествомъ забавныхъ сценъ и неистощимымъ остроуміемъ [1]).

Слѣды ложноклассической комедіи видны въ комедіяхъ Фонъ-Визина, какъ увидимъ ниже.

Новая драма.

Различіе между древней и новой драмой.

Новая драма изображаетъ жизнь такъ, какъ она является въ дѣйствительности. Здѣсь, какъ и въ самой жизни, важныя событія изображаются рядомъ съ обыденными, печальныя съ забавными. Слѣдовательно: а) первая черта, отличающая новую драму отъ древней, есть *уничтоженіе рѣзкихъ границъ между трагическимъ и комическимъ*. Такъ, въ трагедіяхъ Шекспира и Пушкина, рядомъ съ трагическими сценами, видимъ комическія, и наоборотъ: въ комедіяхъ Грибоѣдова и Гоголя комическое дѣйствіе переходитъ въ актъ высокаго драматизма. б) *Новая драма не стѣсняется строгимъ соблюденіемъ единства времени и мѣста*, но требуетъ *единства дѣйствія*, или внутренней *гармоніи цѣлаго произведенія*, дабы въ немъ господствовало одно важнѣйшее событіе и одно главнѣйшее дѣйствующее лицо, вокругъ коего, какъ центра, сосредоточивались бы всѣ остальныя лица и дѣйствія второстепенныя. в) Необходимымъ условіемъ новой драмы признается *правдоподобіе* и *естественность, или типичность, изображенія*, чтобы все содержаніе произведенія,—характеры дѣйствующихъ лицъ, каждое движеніе и слово ихъ,—соотвѣтствовало своей народности, духу времени, сословію и тому положенію (роли), какое выведенныя на сцену лица занимаютъ въ драмѣ. г) Наконецъ,—что самое главное,—идея *рока* или судьбы, господствовавшая въ древней драмѣ, уже не управляетъ поступками выводимыхъ на сцену лицъ; дѣйствія ихъ совершенно свободны и опредѣляются ихъ личнымъ характеромъ, общественнымъ и частнымъ положеніемъ.

Драма Шекспира.

Высшей степени развитія новая драма достигла въ лицѣ англійскаго писателя Шекспира (1564—1610), знаменитѣйшаго изъ всѣхъ поэтовъ, какъ въ области трагическаго, такъ и комическаго.

---

[1]) См. переводъ ком. „Скупой“ въ Христ. Филонова, т. III.

Драматическія произведенія Шекспира представляютъ художественные образцы трагедіи, драмы, комедіи. Нѣкоторыя пьесы Шекспира занимаютъ средину между трагедіей и комедіей и могутъ быть названы *драмами въ собственномъ смыслѣ*. Въ нихъ есть характеры и положенія трагическіе, но развязка всегда счастливая. Такова, напр., пьеса: „Венеціанскій купецъ", поражающая мастерскимъ изображеніемъ Шейлока, ростовщика-жида, съ его ненавистью къ христіанамъ, алчностью и мстительностью.

Геній Шекспира.

«Природа расточительно надѣлила Шекспира всѣми дарами и преимуществами: богатствомъ и неистощимостью фантазіи, глубиною и пыломъ чувства, проницательнымъ взглядомъ, которому были открыты самыя сокровенныя складки человѣческаго сердца, слухомъ, которому были одинаково понятны и шелестъ весенняго вѣтерка, и бушеваніе грозной исторической борьбы, благороднѣйшею человѣчностью, неизсякаемымъ запасомъ остроумія, полною мысли ироніею, неподражаемымъ юморомъ и, наконецъ, — чтобы вполнѣ владѣть, распоряжаться и повелѣвать всѣмъ этимъ богатствомъ и изобиліемъ,—умомъ, создающимъ ту чистую, созрѣвшую въ борьбѣ и скорби, мудрость, которая дѣлаетъ его созданія «зеркаломъ для всего міра и человѣчества», какъ бы «свѣтскою библіею», которая всегда будетъ назидательна для всякаго разумнаго, воспріимчиваго читателя. Драма была для великаго поэта зеркаломъ жизни. Поэтому драмы его, какъ жизнь, полны контрастовъ: высокое смѣняется въ нихъ комическимъ, ужасное трогательнымъ, патетическое шутовскимъ. Его комедіи осыпаютъ насъ, какъ рогъ озобилія, цвѣтами любви, остроумія, веселости и глубокаго юмора. Какое разнообразіе, какая свѣжесть, высота, ширь, законченность вездѣ! Не знаешь, чему удивляться у Шекспира,—описаніямъ-ли природы или его психологіи; изображенію характеровъ, знанію людей или исторіи; не знаешь, кому отдать предпочтеніе—мужчинамъ-ли его или его дѣвушкамъ и женщинамъ, этимъ «вѣчно женственнымъ образамъ», каковы: Дездемона, Юлія, Офелія, Корделія. Весь зловѣщій мракъ, весь ужасъ ада поэтъ вызвалъ къ жизни въ своемъ Ричардѣ III, въ Яго (трагедія «Отелло») и леди Макбетъ, въ которыхъ съ неподражаемой энергіей выставилъ силу зла и свелъ на землю рай въ лицѣ Корделіи, этой новой Антигоны. Слѣдующія слова одного изъ сонетовъ Шекспира могутъ служить надписью на памятникѣ, воздвигнутомъ исторіей великому поэту: «Ты будешь цвѣсть средь вѣчнаго лѣта. Никогда не состарѣется твоя красота; никогда не покроетъ тебя тѣнь смерти. Вѣчная пѣснь на своихъ крыльяхъ принесетъ тебя къ отдаленнѣйшему времени: пока дышатъ люди, пока видятъ очи, ни твоя пѣснь, ни ты не погибнутъ» [1]).

Пять трагедій Шекспира.

Вѣнецъ Шекспирова театра составляютъ пять трагедій, въ которыхъ природа человѣческая представлена съ общихъ точекъ зрѣнія: «Ромео и Юлія», «Отелло», «Король Лиръ», «Макбетъ», Гамлетъ».

---

[1]) Всеоб. Ист. Лит. Шерра, II т., стр. 39.

„Ромео и Юлія“. Трагедія «Ромео и Юлія» увлекаетъ и поражаетъ художественнымъ изображеніемъ восторга и счастія, и вмѣстѣ горестей и бѣдъ, самой чистой и возвышенной любви. Это восторженный гимнъ и вмѣстѣ похоронная пѣснь любви. Борьба, или коллизія, въ этой трагедіи происходитъ между влеченіемъ сердца, долгомъ повиновенія родительской волѣ и многолѣтней фамильной враждой. Закоренѣлая вражда раздѣляетъ двѣ сильныя и знатныя итальянскія фамиліи: Монтекки и Капулетти; несмотря на то, обаятельная красота прекрасной дочери Капулетти затмѣваетъ въ сердцѣ Ромео Монтекки всѣ враждебныя чувства и наполняетъ его самою горячею любовью, а изгнаніе изъ Вероны и удаленіе въ Мантую за гибель Капулетти Тибольда, убитаго Ромео, только раздражаютъ и обостряютъ это чувство. Коллизія, и безъ того страшная, усиливается слѣдующимъ обстоятельствомъ: старики Капулетти, совершенно не понимая возвышенныхъ чувствъ дочери, самоправно отдаютъ руку ея графу Пиршу. Но чувства Ромео и Юліи слишкомъ сильны и возвышенны, чтобъ можно было отказаться отъ нихъ. И трагедія оканчивается смертью обоихъ героевъ, какъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ безысходной борьбы.

„Макбетъ“. «Макбетъ», по важности основной мысли, по глубинѣ изслѣдованія тайнъ человѣческой души и природы, одно изъ превосходнѣйшихъ созданій Шекспира. Торжествующій полководецъ, знаменитый вельможа и родственникъ старца-короля, Макбетъ слышитъ въ себѣ ревущій голосъ глубоко затаеннаго, но сильнаго и страшнаго честолюбія, которое, подъ вліяніемъ предсказанія вѣдьмъ и подстрекательствъ его жены, затмѣваетъ умъ Макбета, подавляетъ въ немъ чувство чести и долга и дѣлаетъ его презрѣннымъ убійцей лучшаго изъ государей, своего благодѣтеля и гостя. Убіеніе Банко, помѣшательство лэди Макбетъ, смерть самого Макбета, сраженнаго сыномъ убитаго короля, и вся остальная часть этой трагедіи представляютъ только слѣдствія роковой борьбы, увлекшей Макбета къ преступленію.

„Отелло“. «Отелло» — поразительная картина ревности. Мстительный наушникъ Яго, оскорбленный пламеннымъ мавромъ, храбрымъ полководцемъ венеціанской республики Отелло, играетъ здѣсь ту же роль, какую вѣдьмы и лэди Макбетъ въ трагедіи «Макбетъ»: онъ вливаетъ ядъ подозрѣнія въ пламенную душу Отелло, который не послушался голоса благоразумія, не обуздалъ порыва мести. Дездемона погибла отъ руки мужа, и самъ онъ палъ жертвою своего безумнаго поступка.

„Король Лиръ“. Трагедія «Король Лиръ» представляетъ грустное зрѣлище страданій престарѣлаго короля, оскорбленнаго ужасною неблагодарностью дочерей. Лиръ, усыпленный ласкательствомъ и притворнымъ угожденіемъ, лишилъ наслѣдства лучшую дочь свою, благородную Корделію, потомъ неразумно отказался отъ царства, отдавъ одну половину его Гонерильѣ, а другую Реганѣ. Отсюда начинается цѣлый рядъ огорченій и бѣдствій, которыя довели короля до помѣшательства и смерти.

„Гамлетъ“. «Гамлетъ»—едва ли не лучшая трагедія Шекспира: она представляетъ чудное соединеніе глубокой мысли съ внѣшнею сценическою поразительностью. «Трагедія «Гамлетъ» ярче всѣхъ другихъ алмазовъ блеститъ въ томъ царственномъ вѣнцѣ, который Шекспиръ одинъ носитъ между всѣми драматическими писателями»,—говоритъ одинъ критикъ великаго драматурга.

Содержаніе трагедіи.

Гамлетъ, сынъ датскаго короля того же имени и жены его Гертруды, обучавшійся въ Виртембергскомъ университетѣ, возвратился ко двору въ то время, когда отецъ его умеръ скоропостижно. Клавдій, братъ покойнаго, вступилъ на престолъ и женился на вдовѣ-королевѣ, своей невѣсткѣ, когда еще не прошло и двухъ мѣсяцевъ ея вдовству. Этотъ поспѣшный бракъ глубоко оскорбилъ Гамлета, который начинаетъ подозрѣвать истинную его причину, равно какъ и причину внезапной смерти отца. Подозрѣнія его оправдываются тѣнью покойнаго короля. Отъ нея принцъ узнаетъ, что отецъ его отравленъ Клавдіемъ; и такъ какъ онъ умеръ, не очистивъ грѣховъ покаяніемъ, то и осужденъ днемъ горѣть въ адскомъ огнѣ, а ночью блуждать по землѣ, пока убійца не будетъ наказанъ. Долгъ мщенія возложенъ на Гамлета, природа котораго совершенно неспособна къ такой обязанности, и въ этомъ-то противорѣчіи между характеромъ главнаго лица и неизбѣжнымъ совершеніемъ мести заключается трагизмъ піесы. Чтобы увѣриться, справедливы ли слова тѣни, и не есть-ли сама она—адскій призракъ, напрасно смущающій человѣка, Гамлетъ рѣшился притвориться сумасшедшимъ. Отклонивъ отъ себя такимъ образомъ подозрительный надзоръ матери и Клавдія, онъ съ своей стороны могъ тѣмъ удобнѣе наблюдать за ихъ дѣйствіями. О помѣшательствѣ его прежде всѣхъ узнала Офелія, дочь министра Полонія, любившая Гамлета и сама страстно имъ любимая. Выискивая способы открыть виновниковъ смерти отца, Гамлетъ обрадовался пріѣзду странствующихъ актеровъ: онъ уговорилъ ихъ сыграть сочиненную имъ сцену, въ которой изображено убійство посредствомъ отравленія. На представленіи была королева и Клавдій; послѣдній смутился и вышелъ изъ театра, когда актеры, согласно разсказу тѣни, разыгрывали сцену отравленія спящаго въ саду. Гертруда выговариваетъ сыну за неприличное его обращеніе съ дядей, но сынъ разоблачаетъ предъ ней всю гнусность ея поступка. При разговорѣ Гамлета съ матерью; Полоній спрятался въ комнатѣ, чтобы донесть Клавдію обо всемъ слышанномъ. Гамлетъ убиваетъ его, обличившаго свое присутствіе невольнымъ крикомъ, думая, что то былъ самъ король. Офелія, потрясенная смертію отца, лишилась разсудка. Король отправляетъ Гамлета въ Англію съ двумя придворными, которые должны были погубить его. Но Гамлетъ узналъ ихъ замыселъ и воротился въ Данію. Въ то же время воротился изъ Парижа и Лаертъ, сынъ Полонія, извѣщенный о смерти своего отца. По навѣтамъ короля, онъ хочетъ мстить Гамлету, въ которомъ видитъ также виновника сумасшествія Офеліи, и вызываетъ его на поединокъ. Гамлетъ принимаетъ вызовъ. Король велѣлъ намазать шпагу Лаерта смертельнымъ ядомъ и, кромѣ того, влилъ яду въ кубокъ съ виномъ, приготовленный для Гамлета, чтобы вѣрнѣе погубить его. Начинается поединокъ. Гамлетъ даетъ ударъ Лаерту. Королева пьетъ за здоровье сына изъ отравленнаго кубка. Затѣмъ Лаертъ наноситъ ударъ Гамлету, который въ то же время выбиваетъ его рапиру и бросаетъ свою. Разгорячась, они незамѣтно мѣняются рапирами. Королева лишается чувствъ: ядъ подѣйствовалъ, и она умираетъ. Раненый Лаертъ открываетъ все Гамлету, который закалываетъ короля. Послѣ того умираютъ Лаертъ и Гамлетъ.

Разборъ трагедіи.

Особенное значеніе трагедіи «Гамлетъ» придаетъ: во 1-хъ, важность идеи, лежащей въ основѣ трагедіи: «*кровавая месть, хотя бы и заслуженная, противна природѣ человѣка*»; во 2-хъ, нравственная, такъ сказать, чистота и красота воплощающаго въ себѣ эту идею главнаго героя трагедіи — Гамлета, для котораго имя *человѣкъ* было выше и дороже царскаго титула. Когда Гораціо отозвался о покойномъ его отцѣ-королѣ: «Онъ благородный былъ *монархъ*», Гамлетъ съ особымъ чувствомъ замѣтилъ своему другу: «Онъ былъ *человѣкъ*, Гораціо, въ великомъ зна-

ченіи слова». Гамлетъ одаренъ всѣми прекрасными качествами ума и сердца: онъ религіозенъ, свято чтитъ память отца, всесторонне образованъ, остроуменъ, шутливъ, понимаетъ и любитъ искусство (пишетъ вставную сцену, даетъ совѣты актерамъ), храбръ, силенъ, чуждъ гордости, избравъ себѣ въ друзья бѣднаго Гораціо, врагъ лести, лицемѣрія; вспомнимъ, какими сарказмами осыпаетъ онъ придворныхъ, Полонія и Озрика; вѣренъ дружбѣ и любви до смерти.

Эта высоко-развитая человѣчность (гуманность) и нравственная чистота—существенныя черты въ характерѣ Гамлета — обусловливаютъ его нерѣшительность, въ которой заключается сущность всей трагедіи: «Его *нерѣшительность*, говоритъ Гервинусъ, нельзя однако приписать его слабости; она проистекаетъ изъ *совѣстливости* и *добродѣтели*. Будь Гамлетъ человѣкъ дюжинный, изъ числа тѣхъ, которые къ добру и злу постыдно равнодушны, ему конечно ничего бы не стоило рѣшиться на убійство дяди. Избытокъ совѣстливости, скорби и печали лишаетъ Гамлета дѣятельности».

Основная мысль трагедіи.

Основная мысль трагедіи и существенная черта характера высказаны самимъ Гамлетомъ въ его извѣстномъ монологѣ «Быть или не быть» [1]) и въ особенности въ слѣдующемъ стихѣ:

„Такъ робкими творитъ всегда насъ совѣсть,
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тускнѣетъ размышленья“.

При обаятельной красотѣ главнаго лица, трагедія полна высокой занимательности по разнообразію сценъ, то высоко-трагическихъ и эффектныхъ, каковы напр., явленіе тѣни, представленіе на домашнемъ театрѣ, объясненіе съ матерью; то исполненныхъ глубокаго лиризма, напр., сумашествіе Офеліи, похороны ея, сцена съ черепомъ Іорика; то комическихъ, веселыхъ и забавныхъ, напр., сцена съ Полоніемъ, Озрикомъ, могильщиками. Всѣ второстепенныя дѣйствующія лица живы и типичны: король, королева, Полоній, Офелія, Лаертъ, Гораціо. Говорить ли объ языкѣ трагедіи? Всякое слово здѣсь — живописный образъ, рѣзкій и вѣрный отпечатокъ мысли, по выраженію критики, «ощутительный для незрячаго и слышный для глухого», здѣсь глубокая, отвлеченная философія превращена геніемъ поэта въ благоухающую цвѣтами поэзію.

„Борисъ Годуновъ“.

Трагедія „Борисъ Годуновъ“ Пушкина по своему художественному, такъ сказать, величію напоминаетъ лучшія произведенія Шекспира, которому нашъ поэтъ, по собственному признанію, подражалъ, причемъ сумѣлъ остаться вполнѣ самостоятельнымъ. Трагедія, не раздѣленная на акты, въ *двадцати четырехъ сценахъ* изображаетъ важнѣйшія событія и лица, въ періодъ времени — наканунѣ избранія Годунова въ цари—до смерти его сына, Ѳеодора (съ 20 февраля 1593 по 10 іюня 1605 гг.). Главная мысль трагедіи,

---

[1]) См. *Монологъ* въ приложеніи.

высказанная Годуновымъ въ извѣстномъ монологѣ: „Достигъ я высшей власти“, можетъ быть выражена такъ: *„злодѣяніе, совершенное Борисомъ* (т. е. убіеніе Димитрія Царевича), *сопровождается личными, семейными и государственными несчастіями“*. Все содержаніе трагедіи служитъ для выраженія этой основной идеи. Казнящая Бориса тѣнь умерщвленнаго Дімитрія, воплотившись въ лицѣ Самозванца, царствуетъ въ трагедіи отъ начала до конца, управляетъ ходомъ всѣхъ событій, служитъ связью всѣмъ лицамъ и сценамъ.

Достоинство трагедіи.

Удивительная гармоніею своихъ частей, постепенно возрастающею силою въ развитіи основной мысли, трагедія Пушкина представляетъ собою галлерею историческихъ картинъ и характеровъ, воскрешающихъ предъ читателемъ самую любопытную эпоху въ исторіи нашей родины: самъ *Борисъ*, страдающій подъ гнетомъ совѣсти и не знающій куда бѣжать отъ ея угрызеній, но въ то же время чадолюбивый отецъ, искусный правитель; *Патріархъ*, маститый благолѣпіемъ простоты и вѣры; умилительно кроткій, набожный, младенчески простодушный *лѣтописецъ Пименъ;* легкомысленный, но храбрый *Самозванецъ;* гордая полька *Марина,* мечтающая о вѣнцѣ московской царицы; *царедворцы* съ ихъ лукавствомъ; даже лица мелкія, какъ бы случайно появляющіяся на сцену, дышатъ свойственною Пушкину красотою и правдою изображенія. Въ каждомъ отдѣльномъ словѣ, жестѣ и движеніи эти лица вѣрны своей эпохѣ, своему характеру, роли, занимаемой ими въ ходѣ цѣлаго дѣйствія.

Среди сценъ высоко драматическихъ встрѣчаются полныя комизма, таковы: на Дѣвичьемъ полѣ, на Литовской границѣ.

Разсмотримъ нѣкоторыя мѣста трагедіи.

Монологъ Бориса Годунова.

Монологъ Бориса Годунова—замѣчательнѣйшее мѣсто въ трагедіи, потому что здѣсь, какъ выше сказано, выражена основная мысль всей трагедіи, именно, что «*злодѣяніе, подобное Борисову, сопровождается государственными, семейными и личными несчастіями*». Весь монологъ посвященъ разъясненію сей мысли, такъ какъ въ немъ перечисляются, согласно исторіи, всѣ бѣды, общественныя и частныя, обрушившіяся на Бориса: голодъ, пожары, нелюбовь народа, обвинявшаго Годунова и въ пожарѣ Москвы, и въ смерти царя и царицы, смерть шведскаго принца, жениха его дочери, тяжелое душевное состояніе, постоянные мучительные укоры совѣсти, предчувствіе «небеснаго грома и горя». Послѣдніе стихи монолога, изображающіе душевное состояніе Бориса Годунова, мучимаго совѣстью, это ужасная картина объявшихъ душу адскихъ мукъ. (См. монологъ въ Приложеніи).

Разсказъ Патріарха о чудѣ отъ мощей св. Димитрія Царевича.

Сцена Бориса съ патріархомъ, который свидѣтельствуетъ о нетлѣніи мощей Царевича Димитрія и чудесныхъ отъ нихъ исцѣленіяхъ и совѣтуетъ перенести св. мощи въ Кремль,—замѣчательна по той высшей степени напряженія, которой достигаетъ внутренняя борьба, совершающаяся въ душѣ Годунова. Слушая Патріарха, Борисъ «блѣднѣлъ и крупный потъ съ лица его закапалъ». Положеніе поистинѣ трагическое! Годунову говорятъ, что зарѣзанный по его волѣ младенецъ—теперь св. угодникъ, предстоящій Престолу Господа, и св. мощи его будутъ покоиться здѣсь, въ Кремлѣ, подлѣ царскихъ палатъ, какъ вѣчный укоръ и страхъ совѣсти преступника. Это здѣсь, на землѣ... А что тамъ, на небѣ!.. Эта бесѣда съ Патріархомъ была виною ужасныхъ терзаній, происходившихъ въ душѣ Бориса: отъ нихъ-то выступалъ потъ на его челѣ... Разсказъ, слышанный отъ пастуха объ исцѣленіи его слѣпоты на гробѣ Димитрія Царевича и передаваемый Патріархомъ царю, дышетъ благоуханной простотой четій-миней и лѣтописей.

Сцена въ кельѣ Чудова монастыря.

«Сцена въ кельѣ Чудова монастыря», говоритъ Бѣлинскій, «въ художественномъ отношеніи, по строгости стиля, по неподдѣльной и неподражаемой простотѣ, выше всѣхъ похвалъ. Это что-то великое, колоссальное, никогда не бывалое, никѣмъ не прочувствованное. Въ этой сценѣ удивительно обрисована противуположность характеровъ Пимена и Григорія: одинъ — идеалъ безмятежнаго спокойствія въ простотѣ ума и сердца, какъ тихій свѣтъ лампады, освѣщающій въ темномъ углу икону византійской живописи; другой—весь безпокойство и тревога. Вся эта превосходная сцена, сама по себѣ, есть великое и художественное произведеніе, полное, оконченное». Въ лицѣ Пимена собраны всѣ черты, характеризующія нашего перваго лѣтописца—Нестора: набожность, скромность, простота, любовь къ родинѣ, взглядъ на веденіе лѣтописи, какъ «долгъ, завѣщанный отъ Бога», въ исполненіи коего лѣтописецъ находилъ наслажденіе.

Въ слѣдующихъ словахъ Пимена, сказанныхъ Григорію, — краткая но вѣрная характеристка нашей первой лѣтописи со стороны ея содержанія и изложенія:

„Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, *не мудрствуя лукаво*,
Все то, чего свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны".

Содержаніе лѣтописи дѣйствительно составляютъ: война и миръ, правленіе князей, чудеса отъ св. мощей, описанныя въ ней, «не мудрствуя лукаво», т. е. со всею простотою.

Въ противоположность кроткому, чуждому мірской славы, Пимену, Григорій изображенъ съ мечтами о славѣ; въ немъ, еще послушникѣ, уже проглядываетъ будущій самозванецъ, пылкій, самолюбивый, мятежный! Особенно характеренъ вѣщій сонъ Григорія, повторяющійся трижды,—отраженіе его грезъ на яву:

...„Мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ...
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Вела меня на башню. Съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;

Внизу народъ на площади кипѣлъ И, падая стремглавъ, я пробуж-
И на меня указывалъ со смѣхомъ: дался...
И стыдно мнѣ, и страшно становилось, И три раза мнѣ снился тотъ-же сонъ".

Драма въ собственномъ смыслѣ.

Драма въ собственномъ смыслѣ по своему содержанію занимаетъ середину между трагедіей и комедіей, соединяя въ себѣ и трагическое и комическое начало.

Различіе между трагедіей и драмой.

Драма отличается отъ трагедіи тѣмъ, что содержаніемъ ея служитъ событіе, заимствованное, какъ и въ комедіи, изъ жизни современнаго общества; героемъ драмы является, такъ сказать, средній человѣкъ, безъ сильныхъ страстей, которыя бы дѣлали его способнымъ къ трагической борьбѣ, но—одаренный духовною природою, настолько крѣпкой, что онъ можетъ бороться съ окружающей его средою. Вслѣдствіе чего важный и серьезный элементъ въ драмѣ является преобладающимъ. Въ большинствѣ случаевъ герой или героиня драмы испытываетъ много огорченій, страданій и жизнь свою оканчиваетъ преждевременною и нерѣдко насильственною смертью.

Образцами драмы могутъ служить: „Скупой рыцарь" Пушкина и „Гроза" Островскаго.

„Скупой Рыцарь" Пушкина.

Краткое содержаніе «Скупого рыцаря» состоитъ въ томъ, что молодой рыцарь—сынъ богатаго, но скупого барона, *Альберъ*, нуждается въ деньгахъ до такой степени, что ему не на что купить новый шлемъ и коня. Когда обыкновенный его кредиторъ, жидъ *Соломонъ*, отказывается ссудить Альберу денегъ и намекаетъ на отраву барона, какъ единственное средство разбогатѣть, благородный Альберъ за такое гнусное предложеніе требуетъ у слуги веревку, чтобы вѣшать жида.

Тогда Альберъ рѣшается на послѣднее средство: идетъ просить герцога, дабы онъ своимъ посредничествомъ склонилъ отца быть щедрѣе къ сыну. Призванный къ герцогу, старый баронъ, въ оправданіе своей скупости относительно сына, говоритъ, что сынъ хотѣлъ его убить и покушался обокрасть. Альберъ, слышавшій объясненіе отца съ герцогомъ изъ ближайшей комнаты, при словахъ отца «хотѣлъ обокрасть», бросается къ отцу и говоритъ: «Баронъ, вы лжете, вы лжецъ!» Баронъ брасаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее поднимаетъ. Герцогъ разнимаетъ отца съ сыномъ; но старый баронъ, не вынесшій тяжкихъ душевныхъ потрясеній, тутъ же умираетъ.

Достоинства драмы.

Въ драмѣ только три сцены, но, по выдержанности характеровъ, по мастерскому расположенію, по страшной силѣ чувства (паѳоса), по удивительнымъ стихамъ, по полнотѣ и оконченности, эта драма великое произведеніе, вполнѣ достойное генія Шекспира.

Въ Баронѣ страсть къ деньгамъ не заглушила еще рыцарскаго духа: онъ бросаетъ сыну перчатку, когда тотъ назвалъ его лжецомъ; онъ сохранилъ чувство вѣрноподданнаго, явившись къ герцогу по первому призыву, и готовъ усердно служить ему въ случаѣ войны. Сынъ скупого рыцаря, Альберъ, храбръ, добръ и благороденъ; не смотря на свое проклятое житье у скупого отца, онъ ужасается при одномъ намекѣ Соломона (жида) на отраву и хочетъ его повѣсить; когда же скупой рыцарь клевещетъ, что сынъ хотѣлъ его убить и обокрасть, Альберъ, находившійся въ сосѣдней комнатѣ и молчавшій при первой клеветѣ, не могъ снести обвиненія въ воровствѣ,—ибо для рыцаря воровство считалось худшимъ безчестіемъ, чѣмъ убійство,—называетъ отца лжецомъ и поднимаетъ брошенную перчатку.

Пьесу эту можно отнести къ драмамъ въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ здѣсь соединены оба начала — трагическое и комическое. Трагизмъ заключается въ ужасной страсти стараго рыцаря къ золоту: оно его святыня, кумиръ, богъ; страсть къ золоту подавила въ немъ всѣ человѣческія чувства. Въ подвалѣ предъ освѣщенными и раскрытыми сундуками, при видѣ золота, старый баронъ приходитъ въ сатанинскій восторгъ и въ то же время ужасается отъ мысли, что, послѣ смерти его, сокровища расточатся. Онъ желалъ бы изъ могилы приходить сторожить свои сундуки и умираетъ съ словами: «Ключи мои, ключи»!

Комическая сторона въ старомъ баронѣ — это смѣшное положеніе, въ которое онъ себя поставилъ, благодаря скупости: своего сына лишаетъ самаго необходимаго; клевещетъ на него предъ герцогомъ, обвиняетъ въ покушеніи на воровство и даже намѣреніи убить... Своимъ деньгамъ служитъ—

„Какъ алжирскій рабъ,
Какъ песъ цѣпной. Въ нетопленной конурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ“.

Трагизмъ слѣдующаго мѣста въ монологѣ барона таковъ, что при чтеніи его замираетъ сердце:

„Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, совѣсть—
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ, и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!..
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ-ли несчастный
То расточать, что̀ кровью пріобрѣлъ.
О, еслибъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!.. О, еслибъ изъ могилы
Придти я могъ сторожевою тѣнью,
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!“

„Гроза“ Островскаго.

Содержаніе драмы «Гроза» Островскаго заимствовано изъ среды купеческой. Героиня драмы, очутившись послѣ замужества подъ властью злой свекрови, измѣняетъ своему долгу и, мучимая совѣстью, оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ.

Въ этой драмѣ, среди сценъ комическихъ, вѣрно характеризующихъ образъ жизни, понятія, нравы и обычаи купцовъ и мѣщанъ-обывателей нашихъ уѣздныхъ городовъ, встрѣчаются сцены трагическія, напр. сцена съ ключемъ, смерть Катерины и др.

Новая комедія.

Въ душѣ у человѣка
Въ числѣ даровъ Господнихъ есть одинъ
Спасительный: *порочное и злое*
Смѣшнымъ казать, давать на посмѣянье.

Величіе родной земли, героевъ
Восхвалять и честно и похвально,
Но больше честь, достойно большей славы:
Учить людей, изображая нравы!"

Островскій.

Опредѣленіе комедіи.

Комедія есть драматическое произведеніе, вызывающее въ зрителѣ смѣхъ, сожалѣніе и негодованіе изображеніемъ низкихъ и порочныхъ сторонъ жизни.

Дѣйствіе въ комедіи вытекаетъ изъ неразумія; въ немъ господствуетъ произволъ и случайность. Дѣйствующія лица стремятся къ пустымъ, ничтожнымъ цѣлямъ и для достиженія ихъ придумываютъ безразсудныя средства, строятъ забавные планы. Случайности, произволы взаимно сталкиваются, перепутываются одни съ другими, и изъ этихъ столкновеній происходитъ суматоха, вызывающая смѣхъ.

Сходство трагедіи и комедіи.

Новая комедія утратила односторонній характеръ греческой и подражательной, какъ представленія исключительно забавныхъ, иногда остроумныхъ, но пустыхъ сценъ, съ цѣлію развлечь и посмѣшить зрителей. Цѣль современной комедіи та же, что и трагедіи—служить средствомъ для нравственнаго развитія и усовершенствованія общества. Трагедія достигаетъ этой высокой задачи, вызывая въ душѣ зрителя состраданіе или ужасъ, а комедія—смѣхъ или негодованіе.

«Развѣ комедія и трагедія, говоритъ Гоголь, не могутъ выразить одну и ту же высшую мысль? Развѣ все, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка, не рисуетъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленіе отъ законовъ и справедливости не даетъ уже знать, что требуетъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго медика и холодная, и теплая вода лѣчатъ съ одинаковымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни».

Смѣхъ, негодованіе, вызываемое художественной комедіей, по своему вліянію на зрителей, равносильны состраданію, пробуждаемому трагедіей и драмою. Смѣхъ комическій—„смѣхъ сквозь слезы"

*

сближаетъ комедію съ трагедіей. Вотъ почему князь Вяземскій комедіи „Недоросль“ и „Горе отъ ума“ назвалъ *трагедіями:* „Въ этихъ комедіяхъ, говоритъ онъ, уже не легкія насмѣшки надъ смѣшными сторонами общества, но раны и болѣзни нашего общества, тяжелыя злоупотребленія внутреннія, которыя безпощадною силой ироніи выставлены въ очевидности потрясающей“.

Образцы комедіи.

Замѣчательные образцы комедіи: „Недоросль“, „Горе отъ ума“, „Ревизоръ“, „Свои люди—сочтемся“.

„Недоросль“.

«Недоросль» Фонъ-Визина (1744 — 1792) *изображаетъ дурное домашнее воспитаніе и обученіе въ XVIII столѣтіи, бывшее причиною худыхъ нравовъ.*

Если въ общемъ построеніи комедіи «Недоросль» и замѣтно вліяніе ложноклассической комедіи,—дѣйствующія лица здѣсь или резонёры (Стародумъ, Милонъ), или каррикатуры (Скотининъ, Вральманъ),—но самая мысль комедіи, вѣрное изображеніе русской жизни и нравовъ XVIII столѣтія, мѣткая характеристика многихъ дѣйствующихъ лицъ: Простаковой, Митрофана, Еремѣевны, Кутейкина, Цыфиркина, остроуміе и глубокій комизмъ многихъ сценъ (напр., экзаменъ Митрофанушки) — дѣлаютъ это произведеніе *первою* по времени художественною *комедіей.* Современники достойно оцѣнили достоинства комедіи «*метаніемъ на сцену кошельковъ съ деньгами*» во время представленія, а князь Потемкинъ сказалъ лично автору послѣ представленія: «Умри, Денисъ, или больше не пиши; лучше ничего не напишешь».

„Горе отъ ума“.

Комедія «Горе отъ ума» Грибоѣдова (1795—1829)—геніальнѣйшее произведеніе драматическаго искусства сколько по важности и глубинѣ содержанія, благородному возвышенному патріотизму, столько же по силѣ художественнаго выраженія, типичности выведенныхъ на сцену лицъ, остроумію, чистотѣ, точности языка, а также по замѣчательной игривости, легкости и музыкальности стиха. Еще задолго до появленія въ печати и постановки на сценѣ, комедія была прочитана и даже выучена наизусть всѣмъ тогдашнимъ образованнымъ русскимъ обществомъ по многочисленнымъ рукописнымъ копіямъ.

Важность содержанія комедіи.

Что касается содержанія комедіи, то въ ней затрогиваются самыя важныя стороны жизни современнаго поэту высшаго русскаго общества: пренебреженіе къ своему родному, слѣпое и глупое подражаніе всему иностранному; дурное воспитаніе; формальное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ; забвеніе человѣческаго достоинства въ погонѣ за чинами, отличіями и деньгами; праздность, пустота и мелочность общественной жизни.

Главная мысль комедіи.

Главную мысль комедіи такъ опредѣляетъ Гоголь: «Комедія Грибоѣдова выставила болѣзни отъ дурно понятаго просвѣщенія, отъ принятія глупыхъ свѣтскихъ мелочей на мѣсто главнаго: *взяла донкихотскую* (показную, внѣшнюю) *сторону нашего европейскаго просвѣщенія, сдѣлавшую русскихъ не русскими, а иностранными*» [1]).

---

1) Эта, господствующая во всей комедіи, мысль высказана въ монологѣ Чацкаго „*Французикъ изъ Бордо*“ (см. приложеніе).

Краткое содержаніе комедіи.

Любовь къ родинѣ, своему языку, своей исторіи—прирожденное чувство каждаго человѣка... И что же? «Разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ» было время, когда коренные *русскіе люди*, жители Москвы — сердца Россіи, свой языкъ, и нравы, и исторію — все русское считали чѣмъ-то низкимъ, въ сравненіи съ иноземнымъ; были убѣждены, что «*безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья*!..»

На балъ къ большому и важному чиновнику Фамусову съѣхалось Московское высшее общество, князья и графы съ семействами; но увы! здѣсь не слыхать—

„Ни звука русскаго, ни русскаго лица"—

не видать! *Всѣ бредятъ иностраннымъ*: Фамусовъ говоритъ, что въ Москвѣ во всѣхъ большихъ домахъ дверь отперта для «званныхъ и незванныхъ, особенно изъ *иностранныхъ*»... Московскія дѣвицы «распѣваютъ *французскіе* романсы» и во всемъ силятся подражать *французскимъ модисткамъ*. Московскіе молодые люди «*въ чужихъ краяхъ* женятся на *искусницахъ модныхъ лавокъ*». Репетиловъ ничего не знаетъ выше *французскаго водевиля*; онъ восклицаетъ:

„*Водевиль* есть *вещь*, а прочее всё гиль!"

Полковникъ Скалозубъ *говоренье по—французски* считаетъ высшимъ отличіемъ офицера; онъ хвалится, что армейскіе офицеры ни въ чемъ не отстали отъ гвардейскихъ:

„Все такъ прилажено, и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтёмъ,
Что *даже говорятъ иные по-французски*".

Дѣти московскихъ баръ воспитываются гувернерами *французами* и *француженками* гувернантками...

Положеніе Чацкаго, истинно русскаго, просвѣщеннаго патріота, очутившагося въ Москвѣ среди такого *полуфранцузскаго* общества, и истинѣ трагическое: онъ испытываетъ «милліонъ терзаній»: «всѣ гонятъ, всѣ клянутъ»! прозываютъ его безумнымъ и—Чацкій бѣжитъ безъ оглядки съ бала и изъ Москвы на всегда...

„Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ,—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ,
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ.
Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздокъ!
Бѣгу, не оглянусь, пойду отыскивать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету!"

Достоинства комедіи.

Гончаровъ говоритъ: «Пьеса Грибоѣдова есть и картина нравовъ, и галлерея живыхъ типовъ, и вѣчно острая, живая сатира, и вмѣстѣ съ тѣмъ и комедія, какая едва ли найдется въ другихъ литературахъ. Въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва: ея рисунокъ, тогдашній ея духъ, историческій моментъ и нравы. И это съ такою художественною законченностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю. *Комическое* въ его высшемъ развитіи, въ *лицѣ общества, и*

трагическое, въ лицѣ Чацкаго, такъ рѣзко становятся тутъ другъ противъ друга, что интересъ зрителя выростаетъ до высшей степени [1]).

Характеръ *Чацкаго*, какъ и всѣхъ остальныхъ лицъ, выдержанъ съ начала до конца. *Фамусовъ, Молчалинъ, Скалозубъ, Репетиловъ, Загорѣцкій*—безсмертные типы; имена ихъ стали нарицательными.

Языкъ комедіи типиченъ такъ же, какъ лица комедіи; стихи, полные остроумія, мѣткости, образности, превратились въ пословицы, сдѣлались украшеніемъ русской рѣчи, напр.:

„Счастливые часовъ не наблюдаютъ".

„Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ".

„Служить бы радъ, прислуживаться тошно"...

„Москва—дистанція огромнаго размѣра".

„И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ".

„Дома новы, да предразсудки стары".

„Отъ головы до пятокъ
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ"...

„Моя судьба еще ли не плачевна!
Что̀ станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна?"

„Какъ станешь представлять къ крестишку, иль къ мѣстечку,—
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!"

„У меня, что дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой".

„На съѣздахъ на большихъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ!"

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ"

„Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть".

„Шумимъ, братецъ, шумимъ!"

Комедія „Ревизоръ".

Комедія «Ревизоръ», по своей основной мысли, глубоко захватывающей русскую жизнь, по остроумному плану, по силѣ художественнаго изображенія, и производимаго впечатлѣнія на зрителей, признается совершеннѣйшимъ произведеніемъ.

Главная мысль комедіи.

Главная мысль комедіи «Ревизоръ»: «*Подъ вліяніемъ страха грядущаго закона уѣздныя власти принимаютъ обыкновеннаго проѣзжаго за ревизора*»—проходитъ сквозь всю комедію и сообщаетъ ей замѣчательное единство и гармонію. *У страха глаза велики* и—«вертопрахъ, мальчишка, молокососъ, простой проѣзжій—ничего похожаго на ревизора, по выраженію городничаго, не имѣющій», признается за ревизора; *отъ страха* въ номеръ гостинницы къ проѣзжему является въ парадѣ городничій, *отъ страха* принимаетъ Хлестакова, проигравшагося и неимѣющаго чѣмъ заплатить, за важную особу: показываетъ ему городскія общественныя учрежденія, угощаетъ, помѣщаетъ въ своемъ домѣ, даетъ взятки, — онъ и всѣ чиновники; *отъ страха* вѣритъ всему вздору, который въ пьяномъ видѣ городитъ Хлестаковъ. *Страхъ* этотъ слышится въ каждомъ словѣ, видится во всѣхъ

[1]) См. сочиненія Гончарова. «Милліонъ терзаній».

мелочахъ комедіи и, подобно господствующему въ музыкальной пьесѣ тону, достигаетъ въ концѣ комедіи своего апогея и разрѣшается сильнѣйшимъ, оглушительнымъ аккордомъ, приводящимъ въ ужасъ и оцѣпенѣніе дѣйствующихъ лицъ, — извѣстіемъ: «пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ (настоящій ревизоръ) требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ».

Важное значеніе комедіи „Ревизоръ".

Самъ Гоголь говоритъ, что «въ «Ревизорѣ» онъ рѣшился собрать въ кучу всё дурное въ Россіи, какое онъ тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ».

Въ комедіи затронутъ вопросъ высокой общественной важности: *какъ относится чиновничество къ закону и своимъ обязанностямъ.*

Городничій, на обязанности коего лежитъ заботиться о благосостояніи обывателей, грабитъ сихъ послѣднихъ;—«беретъ съ купцовъ и на Антона, и на Онуфрія»,—крадетъ даже сумму, ассигнованную на построеніе церкви при богоугодномъ заведеніи.

Судья—блюститель закона и справедливости—беретъ взятки щенками, держитъ въ присутственномъ мѣстѣ гусей.

Смотритель богоугодныхъ заведеній — въ такой грязи содержитъ призрѣваемыхъ инвалидовъ, что они походятъ съ виду *на кузнецовъ*, и вмѣстѣ съ врачемъ нѣмцемъ, ни слова не говорящимъ по русски,—совсѣмъ не даетъ больнымъ простолюдинамъ лѣкарствъ, разсуждая такъ: «человѣкъ простой, если умретъ, такъ безъ лѣкарства умретъ, а если выздоровѣетъ—такъ безъ лѣкарства выздоровѣетъ».

Учителя уѣзднаго училища—просвѣтители юношества—на урокахъ, при имени Александра Македонскаго, выходятъ изъ себя, «ломаютъ стулья», строятъ и «корчатъ такія рожи», взойдя на каѳедру, какихъ не видано.

Почтмейстеръ находитъ особое удовольствіе въ распечатываніи и чтеніи чужихъ писемъ.

Всѣ эти и другія, выведенныя на сцену, лица въ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ открываютъ свою душу, такъ что, просмотрѣвши комедію, вы ихъ знаете вполнѣ, съ ногъ до головы. Изображеніе каждаго лица проникнуто неподражаемымъ свѣтлымъ юморомъ, который возбуждаетъ въ зрителѣ смѣхъ, казнящій зло и несущій примиреніе въ душу... Въ «Ревизорѣ» нѣтъ сценъ лучшихъ, потому что нѣтъ сценъ худшихъ; но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно образующія собою единое цѣлое.

„Свои люди—сочтемся".

Мысль комедіи Островскаго (1828—1886) «Свои люди—сочтемся» можно выразить пословицей: «не копай яму другому», — самъ попадешь». Купецъ *Большовъ*, чтобы не заплатить кредиторамъ, объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ, а все свое состояніе и торговлю перевелъ на прикащика *Подхалюзина*, за котораго выдалъ дочь свою. съ условіемъ, чтобы Подхалюзинъ заплатилъ за него кредиторамъ по десяти копѣекъ за рубль. Но зять, завладѣвши имѣніемъ, не исполнилъ даннаго обѣщанія, и Большовъ посаженъ былъ за долги въ тюрьму (яму), сдѣлавшись изъ богача—извѣстнаго по Москвѣ купца—преступникомъ и нищимъ.

Въ комедіи вѣрно изображена жизнь московскаго купечества, его торговые пріемы, нравы, обычаи, степень образованія и пр.

Значеніе театра.

„Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о томъ великомъ значеніи, которое имѣетъ сценическое представленіе—этотъ вѣнецъ не только поэтическихъ произведеній, но и другихъ искусствъ, такъ какъ всѣ они на сценѣ соединяются въ одно цѣлое: *архитектура, живопись, скульптура*—въ декораціяхъ, мимикѣ, гримировкѣ, костюмахъ, позахъ; *музыка*—въ благозвучной, часто стихотворной, рѣчи, декламаціи, пѣніи. Такое соединеніе всѣхъ искусствъ дѣйствуетъ на человѣка могущественнымъ образомъ. Производя впечатлѣніе на зрѣніе, слухъ, чувство, драматическое представленіе охватываетъ человѣка всего настолько сильно, что ему кажется все, происходящее на сценѣ, передъ его глазами, совершающимся на самомъ дѣлѣ, въ жизни *(сценическая иллюзія)*. Отсюда понятно, что сценическое искусство можетъ не только дать пищу для размышленія, растрогать, но и воодушевить, потрясти, подвинуть самую волю человѣка къ совершенію извѣстнаго дѣйствія. Такимъ образомъ, драматургъ, сознающій свое великое значеніе,—быть по преимуществу учителемъ человѣчества, — долженъ, по словамъ Шекспира, *„отражать на сценѣ природу, чтобы добро и зло, время и люди, увидѣли себя въ этой сценѣ, какъ въ зеркалѣ“*: долженъ съ особеннымъ вниманіемъ стремиться къ тому, чтобъ съ сценическихъ подмостковъ быть провозгласителемъ всего прекраснаго, высокаго, истиннаго и благороднаго, быть воспитателемъ своего народа. Тогда театръ снова приблизится до нѣкоторой степени къ театру древнихъ, будетъ хранителемъ народной мудрости и всего нравственнаго, высокаго.

Да будетъ сцена тѣмъ, чѣмъ нѣкогда была,—
Святилищемъ. Трагедія для насъ
Должна быть яснымъ зеркаломъ, въ которомъ
Въ великихъ образахъ, живыхъ и ясныхъ,
Народъ узрѣлъ бы вѣчные законы,
На коихъ зиждется весь ходъ судебъ.
Да никогда не будетъ здѣсь жрецомъ,
Кто самъ пренебрегалъ когда-нибудь
Путями Божыми и собственнымъ дѣламъ
Не зналъ ни мѣры, ни оцѣнки вѣрной.
Тотъ только жрецъ, кто съ дѣтски чистымъ сердцемъ,
Съ благоговѣніемъ къ могучей строгой Музѣ,
Предъ смертными, на чашѣ правосудья
Способенъ взвѣсить всѣ дѣла людскія [1]

[1]) Людовикъ Эккартъ. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій». Перев. Н. Максимовъ и В. Острогорскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Образцы различныхъ видовъ прозы и поэзіи.

ПРОЗА.

Крещеніе Руси.

(Изъ лѣтописи Нестора).

Володимеръ же посемъ [1]) поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, идѣже съсыпаша средѣ града, крадуще, приспу, яже церки стоить и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи [2]) и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею; якоже невѣдуще мнять я мрамаряны [3]) суща. Вдасть же за вѣно [4]) Грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы исѣщи. а другия огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи с горы по Боричеву на Ручай, [5]) 12 мужа пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прельщаше симь образомъ человѣкы, да взъмездье приметь отъ человѣкъ. Велій еси, Господи, чюдная дѣла твоя! вчера чтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: „аще кде пристанеть вы, отрѣвайте его отъ берега, дондеже порогы проидеть; то тогда охабитеся его“. Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и, проиде сквозѣ порогы, изверже и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу [1]) Перуня Рѣнь [2]), якоже и до сего дне словеть. Посемъ же Володимиръ посла по всему граду глаголя: „аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть“. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли“. Наутрия же изиде Володимеръ с попы царицины и с Корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся безъ числа людий: влѣзоша в воду и стояху овы до шие, а друзии до персий, младенци же по перси отъ берега, друзии же младенци держаще, свершении же бродяху [3]), попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволя стеня глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣигласа сего,

---

[1]) Послѣ сего.
[2]) Отъ капь—изображеніе: статуи.
[3]) Мраморныя.
[4]) Вмѣсто вѣна, т. е. платы за невѣсту.
[5]) Ручей Почайна, впадающій въ Днѣпръ.

---

[1]) Прослыла.
[2]) Перуня Рѣнь—урочище на Днѣпрѣ, песчаная полоса.
[3]) Т. е. стоя въ бродъ.

а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ. Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо в домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо рече: „Боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, Господи, увѣдѣти тобе, истиньнаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя; утверди и вѣру в нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на суиротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его". И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идѣже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ.

Куликовская битва.

6-го сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать моголовъ или идти далѣе. Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился и, къ одобренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Димитрій, собравъ воеводъ и сказавъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ!" 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже, даруй побѣду государю нашему!" и вообразивъ, что многія тысячи сихъ добрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію, сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами, милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностью служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Доля князя", говорили они, „смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть, а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды". Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: братья! умремъ за отечество! Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ". Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила", первый уда-

рилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россіяне тѣснили моголовъ, индѣ моголы россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ, или княжескимъ, знаменамъ и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ десятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: „теперь наше время!“ Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска, свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „великъ Богъ христіанскій!“ и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ на костяхъ, или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?“ Никто не могъ дать о немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его, живого или мертваго; долго не находили; наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ, но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „Государь! ты побѣдилъ враговъ!“ Димитрій всталъ, видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу: обнялъ Владиміра чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостью подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провожаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ. Князья Бѣлозерскіе Ѳедоръ и сынъ его Іоаннъ, тарусскіе Ѳедоръ и Мстиславъ, дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные бояре: Симеонъ Михайловичъ, сынъ тысяцкаго Николай Васильевичъ, внукъ Акинѳовъ Михаилъ, Андрей Серкизъ, Волуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили голову за отечество, а въ числѣ ихъ и Сергіевъ инокъ, Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости его и другого Сергіева священновитязя, Осляби, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ

дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла россіянъ. Послѣ въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

Карамзинъ.

Характеристика Карамзина.

Онъ былъ русскій не только по рожденію, но и по чувству; всею жизнію своею и дѣятельностію, столь плодотворною, принадлежалъ онъ Россіи. Но въ своемъ качествѣ Русскаго, онъ былъ человѣкъ, и ничто человѣческое не считалъ себѣ чуждымъ; онъ былъ сынъ всемірной цивилизаціи. Качество русскаго и качество европейца не были въ немъ двумя чуждыми, другъ друга не знавшими силами, или двумя противными тяготѣніями; они не только не ссорились въ немъ, не только не отнимали другъ у друга мѣста, но были, какъ и слѣдуетъ, одною и тою же силой, и онъ былъ весь русскій въ своемъ европейскомъ качествѣ, онъ былъ весь европеецъ въ своемъ русскомъ чувствѣ. Онъ сходилъ во глубины нашего прошедшаго, изъ забытыхъ архивовъ воскресилъ онъ для русскаго народа память его давняго, темнаго минувшаго; но онъ остался сыномъ своей эпохи, и корни прошедшаго любилъ онъ въ цвѣтѣ настоящаго. Никто изъ его сверстниковъ не сдѣлалъ такъ много для русской народности, но онъ не былъ доктринеромъ какой-либо народной школы. Кто болѣе его любилъ Россію, кто былъ ревнивѣе къ ея достоинству, величію и чести? Въ комъ чище и сильнѣе горѣло святое пламя патріотизма? И однако никто изъ современныхъ ему дѣятелей не былъ болѣе его предметомъ слѣпой вражды доктринеровъ народности, полагавшихъ ея силу въ скованныхъ ими самими „шаропихахъ“ и „мокроступахъ“? Въ немъ жило на все отзывавшееся поэтическое чувство, и въ то же время онъ былъ высоко одаренъ здравымъ смысломъ дѣйствительности, и воображеніе мирилось въ немъ съ ясностію трезваго разума. Въ вѣкъ вольнодумства и отрицанія онъ былъ христіанинъ, искренно и глубоко убѣжденный, но религіозное чувство было свободно въ немъ отъ фанатизма и нетерпимости, и онъ умѣлъ отличить существенное отъ случайнаго, внутреннее отъ внѣшняго. Человѣкъ свѣтскаго образованія, онъ являетъ собою поучительный примѣръ постояннаго, упорнаго и усидчиваго труда; не будучи ученымъ, ни по приготовленію, ни по призванію, онъ въ себѣ являетъ намъ образецъ изслѣдователя, который не останавливается предъ трудностями, и это въ то время, когда дѣло науки въ Россіи было еще такъ скудно и слабо. Онъ былъ писатель, доводившій свое выраженіе до классической оконченности. Онъ былъ политическимъ дѣятелемъ, хотя и не находился на оффиціальныхъ поприщахъ государственной службы. Несмотря на то, что его время представляло мало условій для политическаго образованія, онъ обладалъ удивительно зрѣлымъ политическимъ умомъ, который онъ воспиталъ и укрѣпилъ своими историческими ученіями. Онъ не былъ придворнымъ, но находился въ самыхъ близкихъ, можно сказать, дружескихъ отношеніяхъ къ членамъ царской семьи и къ самому государю, который съ нимъ переписывался. Его переписка къ императоромъ Александромъ Павловичемъ, императрицею Елизаветой Алексѣевною и великою княгинею Еленою Павловною исполнена удивительной искренности, простоты и человѣчности. И, конечно, изъ числа людей, самыхъ приближенныхъ къ императору, никто не былъ преданъ ему болѣе Карамзина, но никакого раболѣпства ни въ дѣйствіяхъ, ни въ словахъ его. Чувство подданнаго въ Карамзинѣ, этомъ свѣтломъ представителѣ нашей народности, не было чувствомъ раба. Благоговѣя предъ святынею верховной власти, глубоко чувствуя и ясно разумѣя

силу семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ уставовъ, Карамзинъ представляетъ собою образецъ характера въ высокой степени независимаго и благороднаго. Онъ разумѣлъ всю цѣну порядка, но точно также понималъ онъ и цѣну свободы, и одно понималъ въ другомъ. Никто болѣе его не былъ чуждъ того поверхностнаго и пошлаго либерализма, который служитъ вѣрнымъ признакомъ умственной незрѣлости людей и политической незрѣлости обществъ; за то и никто болѣе его не обладалъ тѣмъ святымъ инстинктомъ свободы, безъ котораго человѣкъ не можетъ имѣть никакого нравственнаго достоинства. Независимость его характера восходила до гражданскаго мужества.

Катковъ.

Днѣпръ.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя вòды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ: глядишь и не знаешь, идетъ или нейдетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь онъ вылитъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые, они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ на нихъ, и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ на него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ! Чуденъ Днѣпръ и при лѣтней теплой ночи, когда все засыпаетъ—и человѣкъ, и звѣрь, и птица,—а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ въ темномъ лонѣ своемъ: ни одна не убѣжитъ отъ него—развѣ погаснетъ на небѣ; черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле-разломанныя горы, смѣясь, силятся закрыть его длинною тѣнью своей — напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ, и средь ночи, какъ средь дня, виденъ за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣческое око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки, равной ему въ мірѣ.

Когда-же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку,—а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки и заливается горючими слезами.

Гоголь.

О любви къ отечеству и народной гордости.

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать,

утро и колыбель человѣчества Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни: она есть первое счастіе, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!

Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращенный въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силъ въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется. Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству, ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая, или нравственная, любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная, или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе, ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связами отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ, или звеньевъ. На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ штатгальтеру и оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: «Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучить себя къ новостямъ—и мнѣ скучно».

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились греки и римляне. Патріотизмъ есть любовь къ благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія—и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу

отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма. Такъ греки и римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было не много патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ

Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе, ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа россійскаго, станемъ смѣло ва ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое и повторимъ его съ благородною гордостію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно грекамъ и римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе; слава была колыбелью народа русскаго, а побѣда вѣстницею бытія его. Римская имперія узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться, и которые отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра: имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ царей греческихъ. Въ первомъ-на-десять вѣкѣ русскіе, всегда превосходные своею храбростію, не уступали другимъ европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по религіи тѣсную связь съ Царемъ-градомъ, который дѣлился съ ними плодами учености, и во время Ярослава были переведены на славянскій языкъ многія греческія книги. Къ чести твердаго русскаго характера служитъ то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости. Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе князей приготовили торжество Чингисхановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства. Жители Владиміра, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости и тѣмъ спасли имя русскихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими несчастными временами, какъ ужасною безплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ и находитъ отраду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашали востокъ и западъ. Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи, такъ славно отомстилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому государю. Народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

Времена самозванцевъ представляютъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца: граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ, и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ. Древняя и новая исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго, геройскаго патріотизма. Въ царствованіе Александра позволено желать русскому сердцу, чтобы какой-нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ Новѣгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ отечеству), обновилъ въ нашей памяти славную эпоху русской исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ его счастливое время.

Петръ Великій, соединивъ насъ съ Европою и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость русскихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва великій государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою европейскою арміею. Явились генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ: мы показали какъ бьютъ шведовъ, турокъ и наконецъ французовъ. Сіи славные республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Италіи отъ перваго взмаха штыковъ русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души: народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе нежели въ другихъ оттого, что имъ болѣе занимались, какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего: однакожъ не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своей равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людскость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмагона-десять вѣка считался варварскимъ.

Завистники русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ высшей степени переимчивость; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываютъ, что учители Лейбница находили въ немъ также одну переимчивость.

Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того—и для того единственно, — что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи и проч. Если бы наши молодые дворяне, учась, могли доучиваться и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннетовъ. Успѣхи литературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки) доказываютъ великую способность русскихъ: Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У французовъ еще въ шестомъ-на-десять вѣкѣ философствовалъ и писалъ Монтань: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно-ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими какъ въ живописи мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но русскимъ нужно, по крайней мѣрѣ, вниманіе русскихъ. Расположеніе души моей, слава Богу, со-

всѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ жителей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу. Того-ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ французскіе и нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ [1]). Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ русскаго языка. Это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что русскій языкъ грубъ и непріятенъ, что charmant и séduisant, expansion и vapeurs не могутъ быть на немъ выражены, и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что онѣ ошибаются? Но мужчины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели французскій; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе аналогическихъ словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-французски и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ! Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ другъ друга и тотчасъ должны прибѣгать къ французскому. Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? Языкъ важенъ для патріота, и я люблю англичанъ за то, что они лучше хотятъ свистать и шипѣть по-англійски, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра. Какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ, но долженъ со временемъ быть самъ собою, чтобы сказать: я существую нравственно! Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ.

До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ, а мы еще въ срединѣ нашего славнаго теченія. Наблюдатель вездѣ видитъ новыя отрасли и раскрытія, видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его: труды и надежда! Побѣды очистили намъ путь къ благоденствію; слава есть право на счастіе.

Карамзинъ.

Изъ Похвальнаго Слова Петру I.

(Ломоносова).

Превосходенъ дарованіями, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ (безпримѣрнымъ) снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ под-

[1]) Такимъ образомъ самый худой французскій переводъ Ломоносова одъ и разныхъ мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ журналистовъ.

данными своими просто обращался, не имѣя великаго и монаршеское присутствіе показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было встрѣтиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. Многихъ прежде государей рабы на плечахъ, на головахъ своихъ носили; его снисхожденіе превознесло выше самихъ государей. Во время самаго веселія и отдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла веселія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! Какое увеселеніе за столомъ его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ какъ съ друзьями, и сколько время стола малымъ числомъ пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межъ толь многими государственными попеченіями жилъ какъ съ пріятелями въ прохлажденіи. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ свое величество и самыхъ низкихъ, но искусныхъ вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ! Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ! Ибо онъ привлекалъ въ томъ больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо присмотромъ, но и рукъ его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, крѣпости всегда видѣли и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Что-жъ его путешествія или, лучше, быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы, великія рѣки, южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана (Сена), Тамиза (Темза), Ренъ (Рейнъ) и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите: я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ, какъ пріятель, обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ: такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени, и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, не многіе, и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя? Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей, великими названныхъ. И правда: предъ другими велики, однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства, но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго, но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтелями украшенъ: но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на землѣ воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ землѣ при

стать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся, однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ—разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима: но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, отъ первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели, то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своей жизни. Кому-жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и моря: дхнетъ духъ Его—и потекутъ воды; прикоснется горамъ—и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. Итакъ, ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно: кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и героевъ блистаньемъ помрачающая, красуйся: дщерь твоя царствуетъ; внукъ—наслѣдникъ; правнукъ, по желанію нашему, родился; мы тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши.

Слово въ Великій Пятокъ.

Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ (Антоній Великій), вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: „Братія, давайте плакать“, и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно заключаются при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ.

Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?.. И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронутъ онѣ, тотъ тронется-ли отъ слабаго слова человѣческаго? На Голгофѣ не было проповѣди; тамъ только рыдали и били въ *перси своя* (Лук. 23, 48). И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ.

Братія! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать. Аминь.

Архіепископъ Иннокентій.

Слово въ Великій Пятокъ.

Паки Голгоѳа и крестъ! Паки гробъ и плащаница! И такъ есть еще фарисеи и книжники, убіеніемъ невинныхъ *мнящіеся службу приносити Богу* (Іоан. 12, 2)! есть еще Іуды, лобызающіе устами и предающіе руками! есть еще Пилаты и Ироды, ругающіеся истинѣ и омывающіе руки въ крови праведниковъ! Но, братія, есть ли между нами еще вѣрные и мужественные Іоанны, для принятія божественнаго всыновленія со креста? есть ли благоразумные сотники, достойные стоять на стражѣ у гроба Сына Божія? есть ли Іосифы и Никодимы, дерзающіе внити къ Пилату и просить Тѣла Іисусова? есть ли Саломіи и Магдалины, для принятія первой вѣсти о воскресеніи? Господь, по свидѣтельству Псалмопѣвца, *приниче* нѣкогда *съ небеси на сыны человѣческіе видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога,* и не узрѣлъ ни единаго: *вси уклонишася неключими быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго* (Пс. 13. 2). Теперь, братія, чтобы ближе видѣть, Господь приникаетъ не съ неба, не съ престола славы, а со креста, изъ гроба, приникаетъ видѣти уже не на сыны человѣческіе, а на сыны благодати своея: аще есть разумѣваяй силу смерти Его, распинаяйся Ему въ Духѣ. Что же, Господи, зришь ты теперь между нами? Болѣе-ли, лучше-ли прежняго? Видишь многократныя поклоненія, слышишь многочисленныя величанія; но и на Голгофѣ Ты видѣлъ покиванія главою, и въ преторіи Пилата Ты слышалъ: *радуйся,* царь Іудейскій!

*

Видишь на очахъ нѣкоторыхъ слезы, слышишь изъ устъ нѣкоторыхъ воздыханія: но и съ Голгоѳы многіе возвращались, *біюще въ перси своя* (Лук. 23, 48), и, не смотря на сіе, Твои перси оставались на крестѣ для уязвленія ихъ копіемъ.

Нѣтъ, братія, не то потребно для Господа и Спасителя Нашего; не для поклоненія и величаній, даже самыхъ усердныхъ, не для вздоховъ и слезъ, даже самыхъ горькихъ, благоволитъ Онъ являться намъ висящимъ на крестѣ и лежащимъ во гробѣ. У гроба сего должно быть большему: *здѣсь судъ міру* (Іоан. 12, 31),—судъ нашимъ мыслямъ, правамъ и дѣяніямъ. Здѣсь, въ настоящее время, долженъ происходить расчетъ Домовладыки съ рабами, Спасителя съ душами, искупленными Его кровію. *Пріидите*, вѣщаетъ Онъ намъ чрезъ пророка, *пріидите, и истяжимся* (Ис. 1. 18)!

Смотрите, что Я сдѣлалъ для васъ! у Меня была ваша глава, и она въ терновомъ вѣнцѣ; у Меня были ваши руки и ноги, и онѣ прободены; у Меня было ваше сердце, и оно отверсто для васъ копіемъ; у Меня была ваша плоть и кровь, и Я отдалъ ее за всѣхъ и доселѣ питаю ими васъ въ причащеніи. Единъ духъ Мой Я предалъ со креста—не вамъ, ибо въ сіи минуты вы не умѣли бы сохранить его, а Отцу; но по вознесеніи Моемъ на небо, Я ниспослалъ вамъ и Духа Св. отъ Отца. Вотъ что Я сдѣлалъ для васъ: Я весь вашъ! Явите, что вы сдѣлали для Меня или паче для себя, ибо все Мое для васъ: *пріидите и истяжимся*!

Можемъ-ли, братія, уклониться отъ сего призванія? И такъ, служитель алтаря, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы раздрать завѣсу церковную, закрывавшую отъ тебя святое святыхъ, и содѣлать тебѣ свободнымъ доступъ къ престолу благодати, Спаситель твой взошелъ на крестъ. Какъ пользуешься ты драгоцѣннымъ правомъ и какъ предстоишь у престола благодати? Низводишь-ли благословеніе на себя и предстоящихъ? возвѣщаешь-ли имъ пути живота? предходишь-ли примѣромъ благой жизни? Если ты право правишь слово истины и спасенія; если для тебя нѣтъ большей радости, какъ видѣть или слышать, что духовныя чада твои *ходятъ во истинѣ* (3 Іоан. 1. 4) Христовой; если, въ случаѣ нужды, ты, по примѣру великаго Пастыреначальника, готовъ душу свою положить за овцы своя: то благо тебѣ; ты іерей по чину Іисусову; приступай къ сему гробу съ дерзновеніемъ, лобызай сіи язвы и вдыхай изъ нихъ новый духъ мужества и любви на новые подвиги. По окончаніи чреды служенія на землѣ, ты внидешь въ нерукотворенную скинію на небеси, *идѣже Предтеча о насъ вниде Іисусъ* (Евр. 6. 20). Но если руки твои подъемлются горѣ, а сердце постоянно вращается долу; если ѳиміамъ восходитъ къ небу, а мысли всегда блуждаютъ по землѣ; если, предстоя трапезѣ Господней и преломляя хлѣбъ жизни для другихъ, ты самъ гладенъ духомъ и, вмѣсто манны, ищешь мясъ египетскихъ: то удались отъ сего гроба; здѣсь земля святая; твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы!

Властелинъ судьбы ближнихъ, коему дано право вязать и рѣшить, стань у гроба сего и дай отчетъ. И ты не имѣешь власти никоея-же, *аще не бы ти дано свыше* (Іоан. 19. 11), и ты творишь судъ Божій. Памятуешь-ли сіе и со страхомъ-ли Божіимъ держишь вѣсы правды? Чтобы ты не страшился за истину потерять, въ случаѣ нужды, имя друга кесарева, пріязнь сильныхъ земли, голгоѳскій Страдалецъ пріобрѣлъ для тебя имя друга Божія; чтобы ты всегда умѣлъ отличать невинность отъ преступленія, слабость отъ злонамѣренности, Онъ, въ помощь мерцанію твоей совѣсти, придалъ свѣтильникъ слова Своего: пользуешься-ли ты симъ средствомъ во благо ближнихъ и твердо-ли идешь путемъ закона и долга? Если ты не зришь на лица, работаешь по истинѣ, какъ бы она ни была презрѣна другими; если твой лиѳостротонъ не омытъ ни кровію, ни слезами неправедно осужденныхъ, то приступи къ будущему Судіи твоему и Господу, лобызай язвы Его и вдыхай изъ нихъ новую силу къ побѣжденію лжи и лукавства, къ сраженію съ искушеніями и соблазнами, къ священнодѣйствію правды. Тамъ, на всемірномъ судѣ, и ты станешь одесную; пріимешь милость и будешь

увѣнчанъ вѣнцемъ правды. Но если ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; если, вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями, заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ предъ народомъ: то удались отъ гроба сего. твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата!

Наперсникъ мудрости, ты, который всю жизнь проводишь въ изысканіи истины, въ познаніи тайнъ природы, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы тебѣ не блуждать напрасно по лабиринту человѣческихъ заблужденій и не исчезать въ суетныхъ помышленіяхъ о началѣ и концѣ вещей и человѣка, для сего Самъ единородный Сынъ Божій, *сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1.18), пріиде въ міръ и *далъ есть намъ разумъ и свѣтъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ* (1 Іоан. 5.20). Въ пользу-ли тебѣ сіе снисхожденіе и руководство послѣ толикихъ трудовъ и усилій, позналъ-ли ты, что есть истина? увѣрился-ли, что ея нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ, какъ токмо въ Томъ, Кто есть истина и источникъ всякія истины по самому существу Своему, въ единородномъ Сынѣ и Словѣ Божіемъ? Увѣрившись въ семъ, памятуешь-ли, что *есть истина во Христѣ* (Еф. 4.21); что она состоитъ *не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа* (1 Кор. 2.4) и силы; не въ высокоумныхъ мечтаніяхъ, а въ томъ, чтобы *отложить ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ, и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины* (Еф. 5. 22—24)? Если ты право правишь слово истины, *не скрывая ее въ неправдѣ* (Рим. 1. 18) ни своего, ни общественнаго мнѣнія; если на служеніе истинѣ взираешь какъ на служеніе Самому Богу; если слава Божія и благо ближнихъ, а не самолюбіе и корысть, движутъ и руководятъ тебя въ твоихъ изысканіяхъ, то приступай съ дерзновеніемъ къ сему гробу величайшаго Свидѣтеля и Творца истины, лобызай язвы, понесенныя за истину, и почерпай мужество на новые подвиги для истины. Любя ее здѣсь, ты пріимешь за нее и отъ нея все на небѣ; будешь представленъ туда, гдѣ одна истина, одинъ свѣтъ, одна радость. Но если святая истина въ занятіяхъ твоихъ служитъ токмо средствомъ къ достиженію другихъ, земныхъ цѣлей; если ты съ равнымъ усердіемъ готовъ защищать ложь, для тебя выгодную; если плодомъ твоихъ изысканій были одни сомнѣнія, превращеніе умовъ, возмущеніе совѣстей; если ты готовъ издѣваться надъ истиною, потому что она, какъ Іисусъ предъ Иродомъ, кажется тебѣ странною: то удались отъ сего гроба—святое *буйство* (1 Кор. 1.23) креста не по тебѣ: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Ирода!

Нужно ли глашать всѣхъ по имени? Каждый, кто носитъ имя христіанина, стань у гроба сего и дай отчетъ. Ты крестился въ смерть Христову; ты облекся въ бѣлую одежду заслугъ Христовыхъ; ты пріялъ обрученіе святаго Духа; сочетался навѣки Христу, отрекшись міра, діавола и всего служенія его. Какъ исполняешь все сіе? Гдѣ невинность и духъ? гдѣ вѣра и вѣрность? Яви теперь у гроба сего, что ты: ученикъ или предатель, другъ или навѣтникъ? Если ты всю жизнь проводишь такъ, какъ бы не вступалъ ни въ какое обязательство съ своимъ Спасителемъ: если ты дѣйствуешь во всѣхъ случаяхъ, какъ бы для тебя не было ни суда, ни вѣчности: то зачѣмъ являешься теперь здѣсь? Для чего возмущаешь смертный покой Божественнаго Страдальца? Кое причастіе сему кресту и твоему Веліару? Кое общеніе сему гробу и твоей мамонѣ? У тебя есть другія божества,—иди, поклоняйся имъ; у тебя есть другія язвы,—иди, лобызай ихъ.

Такъ, братія, у гроба Христова мѣсто только невинности или покаянію. Души вѣрныя Господу, Іосифы, Никодимы, Саломіи, Магдалины, явитесь! се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному страдальцу нужна плащаница: облеките его вашими

святыми помыслами; ему нужна смирна: представьте ваши молитвы. Ангелы Божіи, явитесь и смѣните насъ, недостойныхъ стрещи великую стражбу!

Но, братія, земные ангелы, подобно небеснымъ, всегда на божественной стражѣ: они всегда носятъ *на себѣ язвы своего Господа* (Гал. 6. 17); самый животъ ихъ всегда *сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 3. 3). Что речемъ о самихъ себѣ? Какъ согласимъ нашу нечистоту съ неприступностію сего священнаго мѣста? Дерзнемъ-ли приблизиться къ гробу Жизнодавца? Но лобызаніе нечистыми устами не будетъ ли новою язвою для пречистаго тѣла? Дерзнемъ-ли, гонимые неправдами нашими, оставить лежащаго во гробѣ Господа? Но *къ кому идемъ* (Іоан. 6. 68)? *Нѣсть инаго подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися* (Дѣян. 4. 12), кромѣ имени Его всеосвящающаго. Что же сотворимъ, братія? Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Исшедши изъ сего храма, удалившись отъ сего гроба, въ какомъ-либо святомъ уединеніи, омоемъ горькими слезами прежнія неправды наши и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь отъ Господа и святаго закона Его. Послѣ таковаго покаянія Господь не отвергнетъ и насъ, и если не предастъ намъ, какъ покаявшемуся апостолу, ключей, то не заключитъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ дверей царствія... Аминь.

Архіепископъ Иннокентій.

Поученіе предъ Св. Причащеніемъ.

Св. пророкъ Моисей однажды на горѣ увидѣлъ купину, которая горѣла и не сгорала. Онъ хотѣлъ подойти къ ней поближе, чтобы разсмотрѣть столь чудное явленіе, но вдругъ услышалъ голосъ, изъ купины къ нему говорящій: *Моисеи, Моисеи! не приближайся сѣмо: иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ* (Исх. 3. 4 и 5).

Слушатели благочестивые! купина, видѣнная Моисеемъ, подлинно была явленіе чудное и страшное: ибо горѣла и не сгарала, ибо изъ купины говорилъ самъ Богъ. Не столь же ли чудна и страшна св. чаша, которой вы предстоите и къ которой приступаете? Здѣсь, въ этой св. чашѣ, подъ видомъ хлѣба, преподается вамъ истинное тѣло Господа нашего Іисуса Христа, а подъ видомъ вина—истинная кровь Его. Здѣсь, въ этой св. чашѣ, огонь Божественный—„чудный, страшный огонь, достойныхъ очищающій и оживляющій, и недостойныхъ попаляющій и ожигающій". И потому отъ лица Бога, нѣкогда говорившаго изъ купины и теперь таинственно здѣсь присутствующаго, говорю всякому, приближающемуся къ св. чашѣ: не приближайся сѣмо; иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ; развяжи прежде всѣ грѣховныя узы, связующія твою душу.

Время еще не ушло; еще можно сдѣлать то, чего ты не могъ или не хотѣлъ, а долженъ бы сдѣлать прежде. Благоразумный разбойникъ, и на крестѣ вися, успѣлъ приготовить себя въ рай. Не удерживай въ душѣ твоей болѣзненныхъ вздоховъ: съ этими вздохами вылетаютъ грѣхи. Не стыдись твоихъ сердечныхъ слезъ: это бальзамъ на раны грѣховныя. Забудь все земное, тебя окружающее: на тебя теперь смотритъ Іисусъ Христосъ; на тебя теперь смотритъ твой Ангелъ-Хранитель; на тебя теперь смотритъ все воинство небесное. Ты теперь какъ-бы на страшномъ судѣ; теперь рѣшается твоя участь на цѣлую вѣчность, ты причастишься или въ вѣчную жизнь, или въ осужденіе вѣчное. И такъ, скажи въ душѣ своей: я грѣшникъ, первый въ мірѣ грѣшникъ, но я впередъ уже не хочу быть таковымъ; я хочу исправиться, хочу бросить худыя дѣла, оставить порочныя намѣренія; только сподоби меня, Господи, теперь достойно причаститься пречистыхъ Твоихъ таинъ. *Вѣрую, Господи,*—только помози моему невѣрію,—яко *Ты воистину Христосъ, сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти; еще вѣрую*—и еще молю Тебя, помози моему невѣрію,—*еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое и сія есть самая честная кровь Твоя.* Не даю Тебѣ лобзанія Іудина—нѣтъ,

я уже не промѣняю Тебя ни на какія удовольствія, не продамъ Тебя ни за какую цѣну, только помилуй меня и сподоби неосужденно причаститься пречистыхъ Твоихъ таинъ.

Съ такою вѣрою, съ такимъ намѣреніемъ приступающій къ сей св. чашѣ чистъ отъ грѣховъ; онъ разрѣшается отъ грѣховныхъ узъ, связующихъ его душу, и потому причастится пречистыхъ таинъ не въ судъ или осужденіе, но во отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. Дай Господи такъ причаститься всѣмъ намъ не только нынѣ, но и всегда. Аминь.

Протоіерей Родіонъ Путятинъ.

Поученіе въ день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Извѣстно вамъ, слушатели, какъ нѣкогда израильтяне странствовали по Аравійской пустынѣ: и пустыня та была непроходима, и солнце жгло тамъ пламенно; и потому Богъ далъ имъ облачный столпъ, который, носясь въ воздухѣ, показывалъ путь, куда идти, и вмѣстѣ укрывалъ отъ солнечнаго зноя. Богъ любилъ тогда свой народъ и велъ его въ землю Обѣтованную, и потому далъ ему такого чуднаго руководителя и защитника.

Сл. Хр.! и насъ Богъ любитъ не меньше израильтянъ. И мы имѣемъ подобный облачный столпъ—пречистую и преблагословенную Дѣву Марію. Она наша руководительница и заступница въ жизни, въ семъ мѣстѣ мрака и юдоли плача. Она намъ столпъ огненный, наставляющій во тьмѣ, и покровъ міру, ширшій облака. Она молнія, души просвѣщающая, и громъ, враговъ устрашающій. Она райскихъ дверей отверзеніе и отъ всѣхъ бѣдъ избавленіе. Она невидимыхъ враговъ мученіе и обуреваемыхъ пристанище. Она человѣковъ исправленіе и бѣсовъ ниспаденіе. Словомъ: Матерь Божія и отъ зноя несчастій насъ укрываетъ, и въ землю Обѣтованную—на небо—насъ вводитъ, и вѣчное спасеніе намъ доставляетъ, и отъ временныхъ скорбей насъ избавляетъ.

Такъ нѣкогда Ее видѣли на воздухѣ съ омофоромъ въ рукахъ, молящуюся за весь міръ. Это было во Влахернѣ, и именно въ нынѣшній день. Христіане тогда, какъ и мы теперь, стояли въ церкви и молились. Между ними были св. Андрей Христа ради юродивый и Епифаній, ученикъ его. Вдругъ подъ сводами храма является Божія Матерь, окруженная ангелами и св. мужами. Видя это и какъ-бы не довѣряя своимъ глазамъ, св. Андрей обращается къ Епифанію и спрашиваетъ его: видишь ли, брате, Ходатайницу міра? Вижу, св. отче, отвѣчаетъ Епифаній; вижу и ужасаюсь. Послѣ этого видѣнія церковь положила праздновать Покровъ Пресвятыя Богородицы.

Сл. бл.! мы не видимъ Божіей Матери, мы и недостойны Ее видѣть: Она является святымъ, а мы грѣшники; но Ея образъ предъ нами. И такъ къ нему нынѣ прилежно притецемъ, грѣшніи и смиренніи, и припадемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души: о, Всепѣтая Мати! Ты нѣкогда въ нынѣшній день покрыла омофоромъ христіанъ, стоявшихъ въ церкви: покрой и насъ кровомъ крилъ Твоихъ; защити отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ; избави отъ временныхъ и вѣчныхъ золъ. Мы, и не видя Тебя, будемъ свѣтло праздновать Покровъ Твой Святый. Аминь.

Протоіерей Родіонъ Путятинъ.

ПОЭЗІЯ.

Дѣтство Ильи Муромца.

(Изъ былины).

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью Муромца?
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать
три года;
Пришли къ нему нища братія,

Самъ Іисусъ Христосъ, два Апостола:
„Ты поди, Илья, принеси испить!“
— Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ! —
„Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!“
Илья сталъ вставать—ровно встрепаный;
Онъ пошелъ, принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
— Отъ земли столпъ былъ да до небушки,
Ко столбу было золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, Святорусску поворотилъ! —
„Ты поди, Илья, принеси другу чашу!“
Илья сталъ имъ поднашивать,
Они Ильѣ отворачиваютъ;
Выпилъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
— Во мнѣ силушки половинушка.—
„Проводи, Илья, насъ во чисто поле,
Во чисто поле, къ высоку бугру,
Къ высоку бугру, ко раскатисту“.
На бугрѣ Илья отдохнуть прилегъ.
Богатырскій сонъ на двѣнадцать дёнъ.
Онъ прославился сильнымъ воиномъ,
Богатыремъ сильнымъ, могучіимъ.

Пѣсня о взятіи Казани.

Вы послушайте ребята,
Что мы станемъ говорить;
А мы, старыя старушки,
Будемъ сказывати
Про грозна царя Ивана,
Про Васильевича;
Какъ царь государь
Подъ Казань подступалъ,
Онъ подъ рѣчку, подъ Казанку,
Подкопъ подкопалъ—
Сорокъ бочекъ закопалъ;
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ,
Чернымъ порохомъ;
А на бочки становили
Воску ярова свѣчи.
Злы татарева по городу
Похаживаютъ,
Похваляются
Да выхваляются,
Что не быть дескать Казанюшкѣ
Подъ бѣлымъ—подъ царемъ.
А и нашъ царь государь
Распаляется,
Распаляется, погнѣвляется,
А на завтра пушкарей
Онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкарчиковъ,
Зажигальщиковъ.
Какъ одинъ пушкарь
Посмѣлѣй всѣхъ былъ:
„А за первое, царь, слово
Мнѣ нѣтъ казни;
За другое, царь, слово
Головы не сними.
А въ тиши-то свѣчи,
Онѣ тише горятъ,
На вѣтру-то свѣчи
Онѣ шибче горятъ“.
Не успѣлъ пушкарь
Слово вымолвить,
Какъ и взорвало стѣну
Бѣлокаменную,
Поломало всѣ башенки
Узорчатыя.
Вдругъ нашъ царь-государь
Очень веселъ сталъ.
А на утро пушкарей
Велитъ жаловати,
И всѣмъ пушкарямъ
По пятидесяти рублей.
Одному пушкарю
Полтораста рублей.

Полтавскій бой.

(Изъ поэмы „Полтава“).

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло! Съ Богомъ!..“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.

Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се, равнину оглашая,
Далече грянуло „ура!"
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой:
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны—
Его товарищи-сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И—счастья баловень безродный—
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму, среди равнины,
И—грянулъ бой, Полтавскій бой!..
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженный,
Надъ павшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ-илеча.
Бросая груду тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, тонотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ, гнутся Шведы.
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ,—и врагъ бѣжитъ...
И слѣдомъ конница пустилась:
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Пушкинъ.

Воспитаніе Онѣгина.

(Изъ романа „Евгеній Онѣгинъ")

Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель.
Тамъ нѣкогда гулялъ и я;
Но вреденъ сѣверъ для меня.
Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва *madame* за нимъ ходила,
Потомъ *monsieur* ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, французъ убогій,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя.
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.
Когда-же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ *dandy* лондонскій одѣтъ,
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ:
Имѣлъ онъ счастливый талантъ,
Безъ принужденья въ разговорѣ,
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданныхъ эпиграммъ.
Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латыни,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *vale*,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

Татьяна.

Итакъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной
Не привлекла-бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная, боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвушкой чужой;
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.
Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
Съ ея холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозный,
И сани, и зарею поздней
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу крещенскихъ вечеровъ...
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали,
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.
Татьяна вѣрила преданьямъ
Простой народной старины,
И снамъ, и святочнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты,
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя
Мурлыча, лапкой рыльце мылъ:
То несомнѣнно знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогій ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,
Она дрожала и блѣднѣла.
Когда-жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла,
И разсыпалася, тотда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть...
Что-жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчію склонна.

Пушкинъ.

Приступъ.

(Изъ повѣсти „Капитанская дочка“ Пушкина).

Мы вошли на валъ, возвышеніе, образованное природой и укрѣпленное частоколомъ. Тамъ уже толпились всѣ жители крѣпости. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности одушевляла стараго воина бодростью необыкновенною. По степи, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, разъѣзжали человѣкъ двадцать верхомъ. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которыхъ легко было распознать по ихъ рысьимъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обошелъ свое войско, говоря солдатамъ: „Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку государыню и до-

кажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные!“ Солдаты громко изъявили усердіе. Швабринъ стоялъ подлѣ меня и пристально глядѣлъ на непріятеля. Люди, разъѣзжающіе въ степи, замѣтя движеніе въ крѣпости, съѣхались въ кучку и стали между собою толковать. Комендантъ велѣлъ Ивану Игнатьичу навести пушку на ихъ толпу и самъ поставилъ фитиль. Ядро зажужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ никакого вреда. Наѣздники, разсѣясь, тотчасъ ускакали изъ виду, и степь опустѣла.

Тутъ явились на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, не хотѣвшая отстать отъ нея.

„Ну, что?“—сказала комендантша. „Каково идетъ баталія? Гдѣ же непріятель?“

— Непріятель недалече,—отвѣчалъ Иванъ Кузмичъ. Богъ дастъ, все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?

— „Нѣтъ, папенька“, — отвѣчала Марья Ивановна: „дома одной страшнѣе“.

Тутъ она взглянула на меня и съ усиліемъ улыбнулась. Я невольно стиснулъ рукоять моей шпаги, вспомня, что наканунѣ получилъ ее изъ ея рукъ, какъ бы па защиту моей любезной. Сердце мое горѣло. Я воображалъ себя ея рыцаремъ. Я жаждалъ доказать, что былъ достоинъ ея довѣренности, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать рѣшительной минуты.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полуверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками.

Измѣнники кричали: „Не стрѣляйте; выходите вонъ къ государю. Государь здѣсь!“

— „Вотъ я васъ!“ — закричалъ Иванъ Кузмичъ. „Ребята, стрѣляй!“ Солдаты наши дали залпъ.

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ оборотилась къ мужу и сказала: „Иванъ Кузмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу“.

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузмичу, стала на колѣни и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ: „Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе“.

Маша кинулась ему на шею и зарыдала.

— Поцѣлуемся жъ и мы,—сказала, заплакавъ, комендантша. Прощай, мой Иванъ Кузмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила.

„Прощай, прощай, матушка!“— сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху. „Ну, довольно! ступайте домой; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ“.

Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ вслѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузмичъ обратился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣзжались около своего предводителя и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. „Теперь стойте крѣпко“, — сказалъ комендантъ: „будетъ приступъ“... Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую средину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди. Онъ махалъ саблею и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. „Ну, ребята“,—сказалъ комендантъ: „теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!“

Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но оробѣлый гарнизонъ не тронулся. „Что жъ вы, дѣтушки,

стоите?“ закричалъ Иванъ Кузмичъ. „Умирать, такъ умирать, дѣло служивое!“ Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибло было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь: нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: „Вотъ ужо вамъ будетъ, государевымъ ослушникамъ!“ Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ.

Русь.

... И опять по обѣимъ сторонамъ столбоваго пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ, пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ, городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавченками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: такой-то артиллерійской батареи, зеленыя, желтыя и свѣжеразрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны какъ мухи и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы: не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, окутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ, невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся во всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь-ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; не естественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..

Н. Гоголь.

Тройка.

... И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: чортъ побери все!

его ли душѣ не любить ее? Ее ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ, летитъ вся дорога ни вѣсть куда въ пропадающую даль, и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ тройка! птица тройка, кто тебя выдумалъ? знать у бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любитъ шутить, и ровнемъ гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а на-скоро живьемъ съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ да замахнулся, да затянулъ пѣсню—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ! и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась! И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: Не молнія-ли это, сброшенная съ неба? что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда-жъ несешься ты, дай отвѣтъ? Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь посторaниваются и даютъ ей дорогу другіе народы—государства.

Н. Гоголь.

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло.
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть:
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся,
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ;
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна;
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!
Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ
И взору нашему открылись
Исполнены Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!
Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Лiется радость твари всей.
Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,—

И что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь!

Ломоносовъ.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна, звѣздъ полна,
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо въ огнѣ:
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!
Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнцы тамъ горятъ;
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы Божества,
Тамъ равна сила естества.
Но гдѣ-жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ, –
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ!
Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ водъ верхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ;
И гладки волны бьютъ эфиръ.
Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите-жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите-жъ, коль великъ Творецъ?

Ломоносовъ.

Богъ.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ—въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: Богъ!
Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій,—
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ.
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.
Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ;
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ.
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ;
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будишь въ вѣкъ!
Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный ясный день зимой
Пыливки инея сверкаютъ,

Вратятся, зыблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.
Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эфиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.
Какъ капля, въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ
Міры умноживъ милліономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой—ничто.
Ничто! Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь—конечно есь и Ты.
Ты есь! природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь—и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ, я червь—я богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произшелъ?—безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность обратился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но, если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Державинъ.

Подражаніе псалму 14.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому,—чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.
И святъ, о Боже, Твой избранникъ!
Мечемъ ли руку ополчитъ—
Велѣній Господа посланникъ—
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ—его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы,
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ-ли арфу—дивной силой
Духъ преисполнится его
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!

Языковъ.

По прочтеніи псалма.

Земля трепещетъ; по эфиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ; онъ судитъ міру:

„Израиль, Мой народъ, внимай!
Израиль, ты Мнѣ строишь храмы;
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь они горятъ.
Къ чему Мнѣ вашихъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой,
Хочу и—словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.
Къ чему Мнѣ злато? въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ,
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ:
Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.
Къ чему куренье? Предо Мною
Земля со всѣхъ своихъ концовъ
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.
Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой,
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?
Твой скуденъ даръ... Есть даръ безцѣнный,
Даръ, нужный Богу твоему:
Ты съ нимъ явись, и, примиренный,—
Я всѣ дары твои приму:
Мнѣ нужно сердце чище злата,
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна мнѣ правда на судѣ!“

Хомяковъ.

Гимнъ.

Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ,
Не можетъ изъяснить языкъ;
Великъ Онъ въ небесахъ на тронѣ,
Въ былинкахъ на землѣ великъ.
Вездѣ, Господь, вездѣ Ты славенъ,
Въ нощи, во дни сіяньемъ равенъ.
Тебя твой Ангелъ златорунный
Въ себѣ изображаетъ намъ;
Псалтирью мы десятиструнной
Тебѣ приносимъ ѳиміамъ.
Прими отъ насъ благодаренье,
Какъ благовонное куренье.
Ты солнцемъ смертныхъ освѣщаешь,
Ты любишь, Боже, насъ, какъ чадъ;
Ты насъ трапезой насыщаешь,
И зиждешь намъ въ Сіонѣ градъ;
Ты грѣшныхъ, Боже, посѣщаешь,
И плотію Твоей питаешь.
О, Боже, во Твое селенье
Да внидутъ наши голоса,
И взыдетъ наше умиленье
Къ тебѣ, какъ утренняя роса!
Тебѣ въ сердцахъ алтарь поставимъ,
Тебя, Господь, поемъ и славимъ.

Херасковъ.

Великопостная молитва.

Отцы — пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ.
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста,
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
„Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія—змѣи сокрытой сей
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи...“

Пушкинъ.

Размышленіе по случаю грома.

Гремитъ!.. благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій Деньми съ небеси
Изъ кроткой благотворной длани
Перуны сѣетъ по земли!
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край

Твоей молніецвѣтной ризы
И—исчезаю предъ Тобой!
Что человѣкъ! Паритъ-ли къ солнцу,
Смиренно-ль идетъ по землѣ,—
Увы, тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ въ океанѣ жизни
Пловецъ на утлой ладіи,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ—и мчится на скалу!
Ты дхнешь—и двигнешь океаны,
Речешь—и вспять они текутъ.
А мы?.. одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей—
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари.

Дмитріевъ.

Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ.
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, Пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей“.

Пушкинъ.

Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,—
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда-же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ, хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ,
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!“

Лермонтовъ.

Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?
И пальма та жива-ль понынѣ?
Все также-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?
Или, въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?
Повѣдай: набожной рукою

Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?
Иль, Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?
Заботой тайною хранима,
Передъ иконою святой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ,—символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Лермонтовъ.

Родина.

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ её разсудокъ мой:
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно.
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ.

Лермонтовъ.

Клеветникамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненіе Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,—
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы!
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали:
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага!
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За что-жъ? отвѣтствуйте: за то-ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы?
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?..
Такъ высылайте-жъ къ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

Пушкинъ.

Элегія.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ль во многолюдный храмъ,
Сижу-лъ межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу-ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца-ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю—
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Пушкинъ.

Элегія.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ,
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ.
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать о нихъ, не знаю!

Батюшковъ.

Единое благо.

Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья,
Въ землѣ сокрытый гробъ, и въ гробѣ этомъ тлѣнье:
Вотъ каждаго удѣлъ за жизненной тропой!
Прахъ внидетъ снова въ прахъ; пловецъ къ странѣ родной
Причалитъ, и душа въ отчизну возвратится
И въ двери райскія къ ночлегу постучится..
Блаженъ, кого тогда небесный Серафимъ
Пріосѣнитъ крыломъ привѣтливо своимъ
И двери отопретъ, и тотъ пришлецъ усталый
Блеснетъ въ ряду лучей зари отъ вѣка алой.

Ап. Майковъ.

Слезы матери.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не мужа, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости, и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Некрасовъ.

Севастопольское Братское кладбище.

Какой тутъ дышетъ миръ! Какая славы тризна
Средь кипарисоръ, миртъ и каменныхъ гробовъ!
Рукою набожной сложила здѣсь отчизна
Священный прахъ своихъ сыновъ.

*

Счастливцы! Высшею пылали вы любовью:
Тутъ что ни памятникъ, ни надпись— все боецъ.
И рядомъ улеглись, своей залиты кровью,
И дѣдъ со внукомъ, и отецъ.
Изъ каменныхъ гробовъ ихъ голосъ вѣка слышенъ,
Имъ внуковъ поучать навѣки суждено,
Ихъ слава такъ чиста, ихъ жребій такъ возвышенъ,
Что имъ завидовать должно...

Фетъ.

Завѣщаніе.

„Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ.
На мѣстѣ семъ меня разбудитъ
Одинъ гласъ трубный въ небесахъ.
Тогда со всѣхъ концовъ вселенной
На страшный судъ, не лицемѣрный,
Стекутся люди всякихъ вѣръ;
Цари смѣшаются съ рабами;
Безумцы станутъ съ мудрецами;
Съ ханжей столкнется изувѣръ.
Въ пространномъ царствѣ всей природы
Ударитъ вѣчной жизни часъ;
Увидимъ разные народы,
Колико не было до насъ,
И тѣхъ, въ которыхъ мы живали,
И коихъ вовсе не знавали,
Потомковъ тьмы явятся тутъ;
Сердецъ познаются движенья,
Умовъ сокрыты помышленья
Тогда въ явленіе придутъ.
Всѣхъ вѣръ изыщется начало;
Какъ пчелы, секты зашумятъ;
Соблазновъ ядовито жало
Стрѣлами правды притупятъ.
Не спросятъ тамъ, въ какомъ кто гробѣ
Лежалъ дотоль въ земной утробѣ,
И былъ-ли онъ парчей одѣтъ?
Съ пальбой-ли въ землю опустили,
Иль просто въ саванѣ свалили?
Вопросъ: какъ жилъ?—Давай отвѣтъ!
И я, проснувшись на кладбищѣ,
Что подъ Филями за Москвой,
Предстану также на судище.
Гдѣ станетъ земнородныхъ строй.
Съ друзьями тамъ соединюся,
Съ отцемъ, съ сестрой, съ дѣтьми сойдуся,
И вѣрю, Богомъ духъ плѣня,
Что радости сея священной,
Ни съ чѣмъ на свѣтѣ несравненной,
Никто не возьметъ отъ меня.
О вы, друзья мои любезны!
Не ставьте камня надо мной:
Всѣ ваши бронзы безполезны!
Онѣ души не скрасятъ злой.
Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
И въ кучѣ тѣлъ простонародныхъ
Пускай истлѣетъ мой составъ!
Повѣрьте: съ чѣмъ ни схоронится,
Земля все въ землю обратится;
Се равенство природныхъ правъ!
Добро, какое я имѣю,
Даю женѣ и дѣтямъ все;
Давать могу, доколь владѣю:
Умру—ничто ужъ не мое.
Печальныхъ картъ не посылайте
И черныхъ платьевъ не надѣвайте:
Пустой убытокъ, пышный вздоръ!
Ни въ дождь, ниже во время ясно,
Не мучьте вкругъ меня напрасно
Богатыхъ пастырей соборъ.
Молитесь лучше Богу вѣчну,
Созвавъ убогихъ и сиротъ,
Чтобъ Онъ пучину безконечну
Явилъ бы мнѣ своихъ щедротъ,
Чтобъ Онъ, врагамъ моимъ прощая
И клятвы ихъ съ меня слагая,
Въ Эдемскій рай мой духъ вселилъ.
Предъ Богомъ словъ не надо много:
Душевный вздохъ къ Нему дорога,—
Онъ самъ ее къ намъ проложилъ.
Не славьте вы меня стихами:
Они не нужны мертвецамъ;
Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
Какъ онымъ жертвовалъ я вамъ.
Стихи отъ ада не избавятъ,
Въ раю блаженства не прибавятъ;
Въ нихъ только гордость и тщета.
Протокъ воды, двѣ, три березы,
Да ближнихъ искреннія слезы—
Вотъ монументовъ красота!"

Кн. Долгорукій [1]).

26 мая 1828 г.

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

---

[1]) *Князь И. М. Долгорукій* (1764—1823) лирическій писатель. Стихотворенія его трехъ родовъ: одни шутливыя, исполненныя умной и веселой ироніи („Авось", „Живетъ". „Везетъ"), другія въ стилѣ Гораціевыхъ одъ, но въ духѣ русскомъ,

Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?
Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, праздненъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Пушкинъ.

Жизнь.

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана.
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Душу самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забытый мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый умъ!

Митрополитъ Филаретъ.

Стансы Митрополиту Московскому Филарету [1]).

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольный звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ,

Пушкинъ.

Кто онъ?

На берегу Невы великой,
По тропиночкѣ лѣсной
Ѣхалъ всадникъ. Вкругъ все дико:
Ель, сосна, да мохъ сѣдой.
Передъ нимъ рыбачья хата,
Подъ сосной, у синихъ волнъ,
Старый рыбарь бородатый
Колотилъ дырявый челнъ.
Всадникъ молвилъ: „Дѣдъ, здорово!
Богъ на помощь! какъ живешь?
Много-ль ловишь ты и лова
Гдѣ добычу продаешь?»
Отвѣчалъ старикъ сердито:
„Рыбы мало-ли въ рѣкѣ...
Только нѣтъ иного сбыта,
Какъ въ сосѣднемъ городкѣ.
Да теперь мнѣ что въ ловитвѣ?
Вишь, какая здѣсь возня!
Вы дрались, а бомбой въ битвѣ
Челнъ прошибло у меня“.
Всадникъ прочь съ коня; безмолвно
Взялъ топоръ и млатъ съ пилой,
Мигомъ сбилъ борты у челна,
Руль повѣсилъ за кормой.
„Ну, старинушка готово:
Смѣло въ воду челнъ содвинь
И на счастіе Петрово
Сѣти на море закинь!“
Онъ исчезъ. Старикъ строптивый
Думалъ молча: „что за диво?
Съ виду смотритъ онъ царемъ
А гораздъ такъ топоромъ“...

А. Майковъ.

Мадонна.

(Сонетъ).

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.
Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,

относятся къ дидактической лирикѣ („Завѣщаніе“, „Каминъ въ Пензѣ“), третьи принадлежатъ къ сатирамъ („Приказъ швейцару“, „Пиръ“ и др.).

[1]) „*Стансы*“ написаны въ отвѣтъ на стихотвореніе: „Жизнь“ („*Не напрасно, не случайно*“...), которое Митрополитъ Филаретъ передѣлалъ изъ стихотворенія Пушкина „26 мая 1826 г.“ („*Даръ напрасный, даръ случайный*“...) (см. выше).

Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ Божественный Спаситель—
Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.
Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

Пушкинъ.

Благовѣстъ.

(Сонетъ).

Я полемъ шелъ одинъ; изъ церкви недалекой,
Въ вечернемъ воздухѣ дрожа, пронесся звонъ,
И мнѣ казалося, что съ неба льется онъ,
Все наполняя вкругъ гармоніей широкой.
Въ моей душѣ больной, какъ бы въ пустомъ сосудѣ,
Отдался каждый звукъ со всею полнотой,—
И мой потухшій взоръ увлажился слезой,
Молитвы жаркой вопль вдругъ вырвался изъ груди.
Ты, Господи Творецъ, благословилъ металлъ,
Бездушной мѣди далъ святое назначенье,
Чтобъ звонъ ея людей къ молитвѣ призывалъ,—
И пѣснямъ дай моимъ Свое благословенье,
Чтобъ въ мірѣ голосъ ихъ, какъ колоколъ, звучалъ
И пробуждалъ въ сердцахъ высокія стремленья.

Омулевскій [1]).

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются звучныя, какъ музыка дубравы.

Майковъ.

Совѣсть.

Сколь неизбѣжна власть твоя,
Гроза преступниковъ, невинныхъ утѣшитель,
О, совѣсть, нашихъ дѣлъ законъ и обличитель,
Свидѣтель и судья!

Жуковскій.

Скупой богачъ.

Крезъ богатѣетъ каждый годъ,
И скупость каждый годъ его сильнѣе мучитъ.
Бѣда, коль новое наслѣдство Крезъ получитъ,
Онъ съ голоду умретъ.

Кн. Вяземскій.

Исторія плохого стихотворца.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ Свистъ,
Мараетъ онъ единымъ духомъ Листъ,
Потомъ всему терзаетъ свѣту Слухъ,
Потомъ печатаетъ—и въ Лету Бухъ.

Пушкинъ.

Христіанину.

Вся жизнь его была съ страстями битва,
И самъ онъ былъ весь—кротость и молитва.

Глинка.

---

[1]) Переводъ изъ Сырокомли.

Къ портрету князя Антіоха Кантемира.

Старинный слогъ его достоинствъ не умалитъ,
Порокъ! не подходи - сей взоръ тебя ужалитъ.

Дмитріевъ.

Къ портрету Хераскова.

Пускай отъ зависти сердца зоиловъ ноютъ,
Хераскову они вреда не принесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ [1]) щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Державинъ.

Къ портрету Карамзина.

Согражданъ слава,мудрыхъ честь,
Безсмертнымъ подвигомъ писателя—витіи,
Умѣлъ отчизнѣ онъ великій даръ принесть,
И гробъ его кропимъ слезами всей Россіи.

Писаревъ.

Къ могилѣ Карамзина.

Лежитъ вѣнецъ [2]) на мраморѣ могилы.
Ей молится Россіи вѣрный сынъ...
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя—*Карамзинъ.*

Жуковскій.

На Багратіона.

О, какъ великъ *На-поле-онъ!*
Онъ хитръ и быстръ, и твердъ во брани;
Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
Къ нему съ штыкомъ *Бог-раті-онъ.*

Державинъ.

---

[1]) Имена героевъ поэмъ Хераскова.

[2]) Могила Карамзина въ Невской Лаврѣ. На бѣлой мраморной гробницѣ высѣченъ лавровый *вѣнокъ,* имя Карамзина и надпись: «*Блаженни чистіи сердцемъ*».

Баснописцу Крылову въ день юбилея.

(2 февраля 1838).

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта—наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Кн. Вяземскій.

Антигона и Креонъ.

(Изъ траг. „Антигона").

Креонъ (*Антигонѣ*).

Ну, что склонила голову къ землѣ?
Признаешься, что сдѣлала, иль нѣтъ?

Антигона.

Я сдѣлала и въ этомъ не запрусь.

Креонъ (*сторожу*).

Теперь, свободный отъ вины тяжелой,
Ступай себѣ, куда угодно...
(*Антигонѣ*).
Ты же
Скажи мнѣ, только коротко: ты знала-ль—
Законъ былъ изданъ этого не дѣлать?

Антигона.

Объ этомъ знала... какъ же! это было
Извѣстно всѣмъ!

Креонъ.

Ты знала и дерзнула
Законъ нарушить?

Антигона.

Не Зевесъ его
Мнѣ возвѣстилъ и не богиня правды,
Живущая съ подземными богами:
Не думала я видѣть столько силы
Въ твоихъ уставахъ, чтобы, смертный, могъ
Ты ими попирать боговъ законы;
Неписаны, незыблемы, они
Явились не вчера, или сегодня;
Но жили прежде и всегда: начало
Ихъ никому невѣдомо. За нихъ-то
Не захочу я дать отвѣтъ богамъ,
Страшась нарушить волю человѣка!
Умру... я знала: какъ же быть иначе?
Безъ твоего рѣшенья это было-бъ;

А если преждевременно умру,
То въ этомъ снова выгода моя.
Тому, кто жизнь свою всегда влачилъ,
Подобно мнѣ, среди однихъ несчастій,
Какъ можетъ смерть невыгодной казаться?
Поэтому нисколько не прискорбна
Мнѣ горькая судьба моя; но еслибъ
Умершій братъ, единокровный мнѣ,
Лежалъ безъ погребенья... да! объ этомъ
Скорбѣла-бъ я, не о моей судьбѣ! [1]).

Монологъ Гамлета.

(Изъ траг. „Гамлетъ").

Быть, или не быть—таковъ вопросъ! что лучше,
Что благороднѣй для души: сносить ли
Удары стрѣлъ враждующей фортуны,
Или возстать противу моря бѣдствій
И ихъ окончить? умереть—уснуть,
Не болѣ; сномъ всегдашнимъ прекратить
Всѣ скорби сердца, тысячи мученій,
Наслѣдье праха—вотъ конецъ, достойный
Желаній жаркихъ! Умереть - уснуть!
Уснуть? Но сновидѣнья?—Вотъ препона!
Какія будутъ въ смертномъ снѣ мечты,
Когда мятежную мы свергнемъ бренность,
О томъ помыслить должно. Вотъ источникъ
Столь долгой жизни бѣдствій и печалей!
И кто бъ снесъ бичъ и поношенье свѣта,
Обиды гордыхъ, притѣсненья сильныхъ,
Законовъ слабость, знатныхъ своевольство,
Осмѣянной любови муки, злое
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда кинжала лишь одинъ ударъ—
И онъ свободенъ? Кто въ ярмѣ ходилъ бы,
Стеналъ подъ игомъ жизни и томился,
Когда бы страхъ грядущаго по смерти—
Невѣдомой страны, изъ коей нѣтъ
Сюда возврата—не тревожилъ воли,
Не заставлялъ скорѣй сносить зло жизни,
Чѣмъ убѣгать отъ ней къ бѣдамъ безвѣстнымъ?
Такъ робкими творитъ всегда насъ совѣсть;
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой,
Именъ дѣяній не стяжаютъ.

(*Переводъ Вронченко*).

[1]) См. переводъ трагедіи въ Христ. Филонова, ч. III.

Монологъ Бориса Годунова.

(Изъ траг. «Борисъ Годуновъ»).

Достигъ я высшей власти:
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно;
Но счастья нѣтъ моей душѣ...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной:
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ!
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая,—
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ, я имъ сыскалъ работы,—
Они-жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ,
Я выстроилъ имъ новыя жилища,—
Они-жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...

И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру-царицу,
Монахиню смиренную .. все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить,
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть...
Такъ, здравая, она возторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою.
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда! Какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда..... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

Пушкинъ.

Келья въ Чудовомъ монастырѣ.

(изъ траг. «Борисъ Годуновъ»).

Ночь. Отецъ Пименъ. Григорій, спящій.

Пименъ (*пишетъ предъ лампадой*).

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя;
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный,
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу:
Минувшее проходитъ предо мною...
Дазно-ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?...
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).

Григорій (*пробуждается*).

Все тотъ-же сонъ! Возможно-ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ! и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О тёмномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ!
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ?

Григорій.

Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ.

Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье

Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что̀ муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи,—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ иодъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь...
Я долго жилъ и много насладился,
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ;
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ—
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ),—здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный:
Мы передъ нимъ недвижимо стояли.
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
„Отцы мои, желанный день пріидетъ,
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши“.
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились.—
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,

И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась,—а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ Царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ Царя.
О, страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-Царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда-жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
„Вотъ, вотъ злодѣй!“ раздался общій вопль,
И вмигъ его на стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ:
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтеся!“ — народъ имъ загремѣлъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было—
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ . Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай костыль Григорій. (*Уходитъ*).

Григорій.

Борисъ, Борисъ, все предъ тобой трепещетъ;
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Пушкинъ.

Рѣчь патріарха.

(Изъ траг. „Борисъ Годуновъ").

Благословенъ Всевышній, поселившій
Духъ милости и кроткаго терпѣнья
Въ душѣ твоей, великій государь!
Ты грѣшному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной
Всѣхъ озаритъ.
Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:
Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именемъ Царевича, какъ ризой
Украденной, безстыдно облачился:
Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ
Онъ наготой своею посрамится.
Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ.
Знай, Государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на Царскую державу,—
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:
„Въ младыхъ лѣтахъ, сказалъ онъ, я ослѣпъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лѣчился
И зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ;
Напрасно я ходилъ на поклоненье
Въ обители къ великимъ чудотворцамъ,
Напрасно я изъ кладезей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи—
Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
Вотъ наконецъ утратилъ я надежду
И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
Мнѣ видимыхъ вещей ужъ не являли,
А снилися мнѣ только звуки. Разъ
Въ глубокомъ снѣ я слышу—дѣтскій голосъ
Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
Ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья;
Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
Богъ милостивъ—и я тебя прощу.
Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ,
И я теперь великій чудотворецъ.
Иди, старикъ.—Проснулся я и думалъ:
Что-жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
Пойду—и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святый соборъ и слушаю обѣдню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ
Повелъ меня — и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку".
Вотъ государь, что̀ мнѣ повѣдалъ старецъ.

(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ).

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
И свѣдано, что многіе страдальцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой Царевича доски.
Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить ихъ въ соборѣ
Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ, яко прахъ.

Пушкинъ.

Изъ комедіи „Недоросль".

(Дѣйст. IV явл. 7.)

Стародумъ, Софья, Правдинъ, Милонъ, Скотининъ, Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова. Во-первыхъ прошу милости всѣхъ садиться. (*Всѣ*

садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка: за молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ-бъ и умолить) даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно-ль, мой батюшка, взять на себя трудъ посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. О, сударыня! До моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу впередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учась у Кутейкина, и какому математику, учась у Цифиркина. (*къ Правдину*): Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-то его выучилъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, батюшка!

Простаковъ. Всему, мой отецъ!

Митроф. Всему, чему изволишь.

Правдинъ (*Митрофану*). Чему жъ бы, напримѣръ?

Митроф. (*Подаетъ ему книгу*). Вотъ, грамматикѣ.

Правдинъ (*взявъ книгу*). Вижу, что грамматика. Что-жъ вы въ ней знаете?

Митроф. Много. Существительное да прилагательное.

Правдинъ. Дверь, напримѣръ, какое имя? Существительное или прилагательное?

Митроф. Дверь! Котора дверь?

Правдинъ, Котора дверь! вотъ эта.

Митроф. Эта? прилагательная.

Правдинъ. Почему-жъ?

Митроф. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена, такъ та покамѣстъ существительна.

Правдинъ. Такъ поэтому у тебя слово „дуракъ„ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митроф. И вѣдомо.

Г-жа Прос-ва. Что? Каково, мой батюшка?

Прос-въ. Каково, мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Прос-ва. То, мой блтюшка, онъ еще съ-измала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ, откуда что берется!

Г-жа Прос-ва. Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ (*Митрофану*). А далеко ли вы въ исторіи?

Митроф. Далеко-ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ... Имя что-то знакомое.

Митроф. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ: онъ, что̀ я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Прос-ва. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не у ней ли оба вы учились и географіи?

Г-жа Прост. (*сыну*) Слышь, другъ мой сердечный? Это что за наука?

Митроф. (*Тихо матери*). А я почемъ знаю.

Г-жа Прос-ва (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митроф. (*тихо матери*). Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Прос-ва (*Правдину*). Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Прос-ва. Слышишь, еоргафія!

Митроф. Да что такое! Господи, Боже мой! Пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Прос-ва. И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая это наука-то, онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Прос-ва. А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежелибъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-жа Прос-ва. Ахъ, мой батюшка! Да извозчики-то на что жъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда—свезутъ куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечо, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня! Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Прос-ва. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго, сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не пожалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ. Препохвально! Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалалеича. О грамотѣ никто отъ него слышалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была головушка!

Правдинъ. Что-жъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки, забылъ наклониться—какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, и борзый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился? А дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы-ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ, однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ. Объ закладъ не бейся, другъ мой! Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Прос-ва. Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленнѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Фонъ-Визинъ.

Монологъ Чацкаго.

(Изъ ком. «Горе отъ ума»).

„Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и пашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука Русскаго, ни Русскаго лица
Не встрѣтилъ; будто-бы въ отечествѣ, съ друзьями;
Своя провинція! Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ!
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды!
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ.—И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ:
„Ахъ, Франція! Нѣтъ лучше въ мірѣ края!"
Рѣшили двѣ княжны, сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако, вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья,—
Чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою вожжой.
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой,

Пускай меня объявятъ старовѣромъ,—
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ:
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду—на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у Китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ.
Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за Нѣмцевъ?"...

Грибоѣдовъ.

Изъ комедіи „Ревизоръ".

Дѣйствіе V, явленіе VIII.

Почтмейстеръ. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго вы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

Всѣ. Какъ, не ревизоръ?

Почтм. Совсѣмъ не ревизоръ,— я узналъ это изъ письма.

Городничій. Что̀ вы, что̀ вы? Изъ какого письма?

Почтм. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ—вижу: „въ Почтамтскую улицу". Я такъ и обомлѣлъ. „Ну", думаю себѣ, „вѣрно нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство". Взялъ да и распечаталъ.

Городн. Какъ же вы?

Почтм. Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эштафетой; но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: „Эй, не распечатывай! пропадешь, какъ курица"; а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: „Распечатай, распечатай, распечатай!" И какъ придавилъ сургучъ—по жиламъ огонь, а распечаталъ—морозъ, ей Богу, морозъ. И руки дрожатъ, и все помутилось.

Городн. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтм. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городн. Чтожъ онъ по-вашему такое?

Почтм. Ни сё, ни то; чортъ знаетъ, что̀ такое!

Городн. (запальчиво). Какъ ни сё, ни то? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? Я васъ подъ арестъ...

Почтм. Кто? вы?

Городн. Да, я!

Почтм. Коротки руки!

Городн. Знаете-ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу?

Почтм. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь? далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтм. (читаетъ). „Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физіономіи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не рѣшился только, съ которой начать—думаю, прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на шерамыжку, и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ аглицкаго короля? Теперь

совсѣмъ другой оборотъ. Всѣ мнѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные: отъ смѣху ты бы умеръ. Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу"...

Одна изъ дамъ. Какой реприманд неожиданный!

Городн. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу какія-то свиныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! (Машетъ рукою).

Почтм. Куды воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина. Вотъ ужъ, точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Однакожъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже триста рублей.

Почтм. (вздыхаетъ). Охъ! и у меня триста рублей.

Бобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

Аммосъ Ѳедоровичъ (въ недоумѣніи разставляетъ руки). Какъ же это, господа? Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали?

Городн. (бьетъ себя по лбу) Какъ я—нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду. Трехъ губернаторовъ обманулъ!.. Что губернаторовъ! (махнувъ рукой), нечего и говорить про губернаторовъ... (послѣ нѣкотораго молчанія). До сихъ поръ не могу притти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго—и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте.

Арт. Филипп. (разставляя руки). Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Амм. Ѳедор. Дакто выпустилъ,— вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! (показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго).

Бобчинскій. Ей, ей, не я! и не думалъ...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Арт. Филипп. Конечно, вы.

Лука Лукичъ. Разумѣется. Прибѣжали, какъ сумасшедшіе, изъ трактира: „Пріѣхалъ, пріѣхалъ и денегъ не платитъ"... Нашли важную птицу!

Городн. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Арт. Фил. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

Городн. Только рыскаете по городу, да слушаете всѣхъ, трещотки проклятыя! Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Амм. Ѳедор. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ Колпаки!

Арт. Филипп. Сморчки коротко-брюхіе! (Всѣ обступаютъ ихъ).

Бобчин. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчин. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того..

Бобчин. А вотъ и нѣтъ; первые-то были вы.

Явленіе послѣднее.

Тѣже и жандармъ.

Жандармъ. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостинницѣ.

Гоголь.

ХРІЯ.

Учащимся при разработкѣ тэмы и при изложеніи мыслей можетъ оказать большую помощь упражненіе въ составленіи хрій. Именемъ *хріи* (изобрѣтена въ IV в. риторомъ Аѳоніемъ) въ старинныхъ реторикахъ называлась особая форма сочиненія, въ которой по извѣстнымъ правиламъ, въ строго опредѣленномъ порядкѣ, изъясняется и доказывается нравоучительное изреченіе (сентенція) или дѣйствіе какого-либо великаго человѣка, или то и другое вмѣстѣ [1]).

Самыми удобными тэмами для хрій могутъ служить нравоучительныя истины, замѣчательныя изреченія писателей, поэтовъ, а также народныя пословицы.

Хрія состоитъ изъ слѣдующихъ восьми частей:

1) Приступъ, въ которомъ указывается происхожденіе тэмы, иногда съ похвалою автору (dictum cum laude auctoris), если тэмой служитъ изреченіе извѣстнаго лица.

2) Изъясненіе смысла тэмы.

3) Доводы или причины, подтверждающія справедливость высказанной въ тэмѣ истины.

4) Противное, т. е. доказательство отъ противнаго, или противоположеніе мнѣнія, опровергающаго истину, заключающуюся въ тэмѣ.

5) Примѣръ—подтвержденіе тэматической истины примѣромъ изъ исторіи или жизни.

6) Подобіе—объясненіе истины сравненіемъ.

7) Свидѣтельство—подтвержденіе доказанной истины словами Св. Писанія, или извѣстнаго писателя, или народной пословицей.

8) Заключеніе, — въ которомъ повторяется тэма или выводится изъ всего сказаннаго какое-либо нравственное правило съ указаніемъ примѣненія онаго.

Сущность хріи состоитъ въ томъ, чтобы данную мысль, которая, по своей отрывочности или поэтической формѣ, всегда представляется съ перваго раза темною, изъяснить и выразить описательно; заключающуюся въ этой мысли истину подтвердить доказательствами, обставить ее мыслями противоположными, дабы придать доказательству большую убѣдительность; наконецъ, оживить доказанную такимъ образомъ истину и показать примѣненіе ея сравненіемъ, примѣромъ, свидѣтельствомъ.

Планъ (схема) хріи изъ реторики Ломоносова. Тэма: *„Я все несу съ собою“*.

Приступъ состоитъ: а) изъ разъясненія тэмы: Мудрецъ греческій Біасъ въ то время, когда, при разграбленіи врагами его родного города Пріэны, другіе жители, уходя, захватили всѣ свои пожитки, онъ же съ собой ничего не взялъ, — на вопросъ объ этомъ, отвѣчалъ: *„Я все свое несу съ собой“*; б) изъ перифраза словъ Біаса: „Главное достоинство человѣка—его мудрость и добродѣтель“; в) похвалы Біасу: „Біасъ былъ мудрѣйшій изъ гражданъ, и слова его истинны“.

Причина. Истинное сокровище и прочное счастье состоитъ въ добродѣтели и знаніяхъ.

Противное. Напротивъ, богатство—ненадежное, мнимое сокровище и нерѣдко бываетъ причиною разныхъ пороковъ: праздности, невоздержанія.

Подобіе. Богатый человѣкъ, но дурной нравственности, и въ драгоцѣнномъ одѣяніи есть гробъ позолоченный, полный смрада и костей.

Примѣръ. Праведный Іовъ, при всѣхъ своихъ несчастіяхъ, оставался твердымъ и добродѣтельнымъ.

Свидѣтельство. Римскій комическій писатель Плавтъ говоритъ: „Добродѣтельный человѣкъ самъ въ себѣ носитъ безцѣнныя сокровища“.

Заключеніе. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Біасъ справедливо полагалъ истинное богатство въ од-

[1]) Реторика Ломоносова, стр. 231—232.

нихъ духовныхъ сокровищахъ: „Коль блаженъ, великъ и прехваленъ, кто сіе нерасхитимое сокровище пріемлетъ и повсюду во всѣхъ скорбяхъ неотлучно при себѣ имѣетъ“ [1]).

Примѣръ хріи на тэму: *„Смерть за отечество прекрасна и славна“*.

(Dulce et decorum est pro patria mori).

Horat. Od. Lib. III, 2., 13.

Приступъ. „Смерть за отечество прекрасна и славна“, говоритъ римскій поэтъ Горацій, коего произведенія полны изреченій, продиктованныхъ ему жизненной мудростью.

Разъясненіе. Когда отечество въ опасности, то высшая слава и лучшее украшеніе для его сыновъ—отдать за него драгоцѣннѣйшее изъ благъ—свою жизнь.

Прямое доказательство. а) Отечество для человѣка тоже, что родная семья, тамъ все для него драгоцѣнное –

Тамъ родныхъ милый домъ
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь! [2]).

Слѣдовательно, защищая отечество, мы охраняемъ наше собственное благосостояніе. б) Величайшій подвигъ—смерть за отечество—достойно вознаграждается признательностью современниковъ, славою въ исторіи, безсмертіемъ въ потомствѣ.

Доказательство отъ противнаго. Кто не внемлетъ призыву отечества, кто считаетъ свои потери, когда обстоятельства сулятъ общую гибель, кто малодушно боится за свою жизнь, кто изъ личныхъ выгодъ служитъ врагу: тотъ заслуживаетъ всеобщее презрѣніе и навсегда покрываетъ свое имя позоромъ.

Подобіе. Неразумныя животныя и насѣкомыя защищаютъ гнѣздо свое, если ему угрожаетъ опасность.

Примѣръ. Русскій народъ во всѣ времена твердо стоялъ за честь своей родины. Русская исторія представляетъ множество примѣровъ геройскаго самоотверженія и славной смерти въ борьбѣ съ врагами отечества: вспомнимъ Сусанина, войну 1812 года, защитниковъ Севастополя, героевъ послѣдней войны за освобожденіе Болгаръ.

Свидѣтельство. Тысячелѣтіе прошло, но мы слышимъ голосъ князя Святослава, гремящій передъ дружиной, готовящейся къ бою: „Не посрамимъ земли русскія, но ляжемъ костьми, мертвіи бо срама не имутъ“.

Петръ великій, объѣзжая полки, предъ Полтавскимъ сраженіемъ, говорилъ войску: „Воины! пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за отечество... а о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, лишь бы жила Россія въ славѣ и благоденствіи!“

Слава тѣхъ не умираетъ,
Кто за отечество умретъ:
Она такъ въ вѣчности сіяетъ,
Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ.
Временъ въ глубокомъ отдаленьи
Потомство тѣхъ увидитъ тѣни,
Которыхъ мужественъ былъ духъ;
Съ гробовъ ихъ въ души огнь польется,
Когда по рощамъ разнесется
Безсмертной лирой дѣлъ ихъ звукъ [1]).

Хвала имъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды,
„Отъ нихъ учитесь умирать“!
Такъ скажутъ внукамъ дѣды [2]).

Заключеніе. Итакъ, умереть за отечество есть подвигъ великій и прекрасный.

Хрія на тэму:

„Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось“! [3])

Приступъ съ похвалой автору. Великій нашъ поэтъ, въ сердцѣ котораго находили вдохновенный откликъ всѣ завѣтныя стремленія русскаго народа, подъѣзжая къ Москвѣ, сказалъ:

Но вотъ ужъ близко; передъ нами
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,

---

[1]) Реторика Ломоносова, стр. 107. [2]) Жуковскій.

[1]) Державинъ [2]) Жуковскій. [3]) Пушкинъ.

Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

Изъясненіе тэмы. Не только величественный, живописный видъ этого историческаго города, пребываніе въ краснорѣчивыхъ стѣнахъ его, но самое имя *Москва* много говоритъ русскому сердцу, пробуждая въ немъ рой глубокихъ думъ, сладостныхъ чувствъ и подъемлющихъ русскій духъ воспоминаній.

Доказательства. Москва по географическому положенію—срединный городъ Россіи, средоточіе промышленности, торговли, народности; въ историческомъ и политическомъ отношеніи—первопрестольная столица, — зерно, изъ котораго расцвѣло древо государственнаго могущества, такъ какъ исторія Москвы есть исторія всей Россіи. Московскіе князья и цари собрали воедино разрозненныя русскія земли, возвеличили и прославили Русь. Твердыня русской земли, носительница мощнаго русскаго духа, Москва своей грудью не разъ защищала отечество отъ многочисленныхъ враговъ въ самыя тяжелыя времена. Въ нравственномъ отношеніи Москва—сердце Россіи: не даромъ русскій человѣкъ называетъ ее: „*Матушка*—Москва".

Сравненіе. Москва для русскаго народа то же, чѣмъ были для древнихъ грековъ—Аѳины, для латинянъ—Римъ, для израильтянъ—Іерусалимъ: въ Москвѣ высится свой Акрополь, свой Капитолій и свой Сіонъ—это славный Кремль. Кремль—ковчегъ всенародной русской святыни—

Кремль—алтарь нашъ и твердыня!
Онъ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ;
Онъ—наша сила и святыня,
Молельникъ и Архистратигъ! [1])

Противное. Еслибы нашелся такой русскій человѣкъ, котораго сердцу имя Москвы не говоритъ ничего, то можно смѣло назвать его недостойнымъ сыномъ родины; мѣсто такому человѣку въ станѣ враговъ Россіи, въ станѣ завистниковъ славы и величія нашего отечества; ибо, по слову поэта:

„*Развѣ пасынки Россіи* не поклонятся Москвѣ..." [1]).

Примѣръ. Славное имя Москвы съ древнѣйшихъ временъ было названіемъ *всей Россіи*: прежде (въ XV—XVI вѣкѣ) въ странахъ Европы и Азіи не было извѣстно имя Россіи, но знали *Московію;* и до сихъ поръ не только въ Азіи, но и въ Европѣ говорятъ: *Москва*, *Москаль,* подобно тому, какъ *Римъ* и *Римлянинъ* обозначали цѣлое всемірное государство и многомилліонныхъ его гражданъ.

Свидѣтельство. Русскій народъ въ своихъ пѣсняхъ, пословицахъ, величаетъ Москву „родимой", „дорогой", „златоглавой", „бѣлокаменной", „первопрестольной столицей", „сердцемъ Россіи", „Матушкой"! Русскіе духовные проповѣдники, историки, поэты оставили въ своихъ сочиненіяхъ свидѣтельства о великомъ значеніи Москвы для Россіи. Погодинъ пишетъ: „Москва сохраняетъ еще свою народность, со всѣми ея добродѣтелями и, если угодно, недостатками. Вотъ почему она можетъ назваться представительницей Святой Руси. Вотъ почему всякій русскій питаетъ сыновнее благоговѣніе къ этому первопрестольному граду своихъ предковъ. Здѣсь святыня отечества, здѣсь почиваютъ Великіе Угодники и Чудотворцы, теплыми своими молитвами заступники родины предъ престоломъ Вышняго. Здѣсь памятники всѣхъ важныхъ событій. Здѣсь цари принимаютъ вѣнецъ свой и клянутся блюсти уставы отечества. Здѣсь вѣрный народъ ихъ въ эту великую минуту молится за ихъ благополучное царствованіе. Словомъ, здѣсь земля историческая, здѣсь русскій духъ во-очію совершается. Вотъ почему, въ важныя и рѣшительныя эпохи, русская преданность Вѣрѣ, Государю, Отечеству является въ Москвѣ во всемъ своемъ блескѣ и величіи. Если Петербургъ называется главою Россіи, то Москва, безъ сомнѣнія, есть ея сердце—сердце горячее, пылающее любовью къ отечеству, которое живо бьется при всякой его радости, которое тяжко ноетъ при всякомъ бѣдствіи, которое готово на всякія пожертвованія, на труды и болѣзни, на раны и смерть, для его счастія, которое свято доро-

[1]) Кн. Вяземскій.

[1]) Ѳ. Глинка.

*

житъ его славою и которое пламенно, искренно любитъ добрыхъ, великихъ царей, посылаемыхъ ей Богомъ".

Муравьевъ пишетъ: „Доколѣ стоитъ Кремль, будетъ стоять Москва; доколѣ стоитъ Москва, будетъ стоять Св. Русь, а съ нею и православіе!" Батюшковъ говоритъ: „*Кто*, стоя въ Кремлѣ, холодными глазами смотрѣлъ на исполинскія башни, на древніе монастыри, на величественное Замоскворѣчье, не гордился своимъ отечествомъ и не благословлялъ Россіи,—*для того* (и я скажу это смѣло) чуждо все великое, ибо онъ безжалостно ограбленъ природою при самомъ своемъ рожденіи".

Лермонтовъ обращается къ Москвѣ:

„Москва, Москва! люблю тебя, какъ сынъ,
Какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный".

Имя Москвы на поляхъ сраженій воспламеняло духъ русскихъ воиновъ. Передъ Бородинскою битвою полководцы русскихъ войскъ,—разсказываетъ старый воинъ,—объѣзжая ряды войскъ, говорили:

„Ребята! не *Москва-ль* за нами?
Умремте-жъ *подъ Москвой*.
—И умереть мы обѣщали
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой".

Не только для русскихъ, но и для всего славянства Москва—дорогой, родной, любимый, священный городъ. Чешскіе, хорватскіе, сербскіе, черногорскіе поэты, вдохновленные именемъ первопрестольной русской столицы, не разъ выражали ей свой сердечный привѣтъ:

„Златоглавый городъ,
Мать—Москва родная!
Слышишь?—этотъ голосъ
Съ береговъ Дуная.
Городъ, вѣчно юный,
Дорогой и милый—
Ты—что сонъ отрадный,
Навѣянный Вилой [1]).
Всѣ къ тебѣ мы съ юга
Устремляемъ очи,
Дивная невѣста
Свѣтлой полуночи!
Шибко бьется сердце,
Кровь вскипаетъ въ жилахъ,
Чуть тебя вспомянешь,
Мать намъ братьевъ милыхъ!
Славиться, гордиться
Можешь ты по праву,
Искони добывши
Честь себѣ и славу!
Ты въ крови купалась
И въ слезахъ горючихъ,
Истинная гордость
Россіянъ могучихъ!
Такъ услышь же, мати,
Этотъ голосъ съ юга,
Голосъ братьевъ вѣрныхъ,
Кличъ ко другу друга" [2]).

„Москва золотая,
Полсвѣта столица!
Всѣмъ ты градамъ русскимъ
Матушка-царица.
На тебя Россія
Цѣлая взираетъ,
Все къ тебѣ славянство
Длани простираетъ" [3]).

Заключеніе. Если сыны отдаленныхъ славянскихъ земель восторгаются Москвой, мудрено ли, что въ груди великаго нашего родного поэта, избраннаго и помазаннаго сына русской земли, какъ въ чуткой, полногласной, златострунной арфѣ, имя Москвы отозвалось полнымъ дивной гармоніи гимномъ, рокочущимъ славу первопрестольной столицы?...

Юноши русскіе! поклонъ до земли Москвѣ бѣлокаменной! ея всенародной святынѣ—древнему Кремлю, его стражу—исполину Ивану Великому, златоглавнымъ соборамъ, царскимъ чертогамъ и теремамъ! Будемъ прилежно изучать священныя достопамятности Москвы; станемъ внимать вѣковымъ глаголамъ, которые, вмѣстѣ съ благовѣстнымъ гуломъ колоколовъ, несутся съ заоблачныхъ высотъ Ивана Великаго, и подъ ихъ пантіемъ воспитывать въ себѣ русскій духъ, русскій разумъ, и до конца жизни нашей пребудемъ вѣрны завѣтамъ, живущимъ въ сердцѣ Россіи...

Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

---

[1]) *Вила* – добрая фея, по народному вѣрованію Сербовъ, живущая въ лѣсахъ.

[2]) „*Привѣтъ Москвѣ*" Субботина, въ переводѣ Н. Берга. [3]) Кукулевичъ-Сакцинскій.

Оглавленіе.

ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

стр.

Понятіе о словесности.—Опредѣленіе теоріи словесности и раздѣленіе ея 1

ОБЩАЯ ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

Объ основныхъ и общихъ свойствахъ сочиненій.

Составъ сочиненій и главнѣйшія требованія отъ сочиненія. Понятіе о сочиненіи.—Требованія относительно содержанія.—Единство содержанія.—Полнота содержанія. — Точка зрѣнія 1

Требованія относительно изложенія. — Разборъ стихотворенія „Среди природы“ Лермонтова.—Монологическая и діалогическая формы изложенія. 3

Стилистика. Виды слога 4

Обыкновенный слогъ. Качества слога.—Синонимы.—Омонимы.—Солецизмы. — Барбаризмы. — Архаизмы. — Неологизмы.—Провинціализмы 5

Благозвучіе обыкновенной рѣчи. Слогъ отрывистый.—Лаконическая рѣчь.—Періодическій слогъ.—Виды періодовъ. Естественный слогъ. 11

Художественный слогъ. Изобразительность слога.—Эпитеты.—Сравненія, символы и эмблемы.—Тропы.—Метафора.—Аллегорія.—Олицетвореніе.—Иронія.—Метонимія.—Синекдоха.—Гипербола.—Объ употребленіи троповъ и фигуръ. 17

Музыкальность рѣчи. 26

Мѣрная рѣчь. Происхожденіе ея и связь съ музыкой 28

Стихосложеніе. Понятіе о стихосложеніи.—Народное и литературное стихосложеніе.—Силлабическое стихосложеніе. — Стопа.—Гекзаметръ.—Риѳмованные стихи.—Бѣлые.—Смѣшанные.—Вольные.—Цезура.—Строфа.—Куплеты.—Сонетъ.—Разнообразіе русскаго стиха. . 29

ЧАСТНАЯ ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

О родахъ и видахъ словесныхъ произведеній.

Понятіе о прозѣ и поэзіи 35

ТЕОРІЯ ПРОЗЫ.

Раздѣленіе прозаическихъ сочиненій 37

Описательно-историческія сочиненія.

Описаніе. Понятіе объ описаніи.—Предметъ и виды описанія.—Ученыя и художественныя описанія 37

Путешествіе. Содержаніе путешествій.—Образцы 38

Лѣтопись. Понятіе о лѣтописи.—Лѣтопись Нестора.—Содержаніе ея.—Лаврентіевскій списокъ.—Изложеніе лѣтописи 39

Записки современниковъ. Понятіе о нихъ.—Образцы.—Значеніе записокъ 41

Біографія.—Автобіографія. — Некрологъ.—Анекдотъ.—Характеристика 42

Исторія Понятіе объ исторіи.—Отличіе отъ лѣтописи и записокъ.—Слогъ исторіи.—Виды исторіи.—Образцы.—„Исторія Государства Россійскаго".—Разборъ отрывка „Славная Куликовская битва".—Исторія—Соловьева 43

Ученыя сочиненія. Характеръ ихъ.—Методы изслѣдованій: аналитическій и синтетическій.—Формы ученыхъ сочиненій 46

Система или наука 47

Разсужденіе. Составъ разсужденій.—Образцы.—Содержаніе разсужденія Ломоносова „О пользѣ книгъ церковныхъ".—Разсужденіе Карамзина „О любви къ отечеству и народной гордости".—„О счастливѣйшемъ времени жизни".—Виды разсужденій. Монографія и диссертація.—Критика.—Рецензія и антикритика 47

Ораторская рѣчь. Понятіе объ ораторствѣ 51

Свѣтское краснорѣчіе. Виды ораторскихъ рѣчей: политическія, судебныя и похвальныя рѣчи.—Построеніе ораторской рѣчи.—Древніе ораторы.—Рѣчи Демосѳена и Цицерона.—„Похвальное Слово Петру 1-му" Ломоносова 51

Духовное краснорѣчіе. Развитіе церковнаго краснорѣчія и его формы.—Образцы.—„Слово о безсмертіи души» Митроп. Филарета.—„Слово въ Великій Пятокъ" Арх. Иннокентія".—Поученія протоіерея Путятина.—Свойства истиннаго краснорѣчія . . . — 54

ТЕОРІЯ ПОЭЗІИ.

Понятіе о поэзіи. Что такое искусство?—Мѣсто поэзіи въ ряду другихъ искусствъ—Творчество.—Поэтическій вымыселъ.—Идеальный элементъ и отношеніе его къ дѣйствительному міру.—Идеалъ.—Типическое изображеніе жизни.—Типъ.—Художественный характеръ.—Народная и искусственная поэзія.—Раздѣленіе поэзіи.—Польза поэзіи. 58

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Понятіе объ эпосѣ 62

Формы народнаго эпоса . . — 63

Сказка. Миѳическія сказки.—Бытовыя.—Сказки о животныхъ.—Языкъ сказокъ.—Историческое значеніе и нравственная и поэтическая ихъ сторона 63

Пословицы. Историческія пословицы.—Значеніе пословицъ . . . 66

Загадка 67

Былины. Понятіе о былинѣ.—Отличіе былины отъ сказки.—Былины о старшихъ и младшихъ богатыряхъ.—Старшіе богатыри: Святогоръ и Микула Селяниновичъ.—Младшіе богатыри: Кіевскіе—Илья Муромецъ; Новгородскіе—Садко и Василій Буслаевъ. 67

Историческія пѣсни. Понятіе о нихъ.—Сходство съ былинами.—Историческія черты 70

Легенды. Понятіе о легендѣ.—Содержаніе ея. 71

Духовные стихи 72

Особенности народнаго эпоса. 72

Формы художественнаго эпоса 74

Классическая поэма. Краткое содержаніе Иліады и Одиссеи.—Свойства Гомеровскаго эпоса.—Значеніе поэмъ. 74

Подражательная ложноклассическая поэма. „Энеида“ Виргилія.—Теорія ложноклассическаго эпоса.—„Россіада“. 76

Поэма Новаго времени. Понятіе о новой поэмѣ.—Отличіе ея отъ героической. — Поэмы Байрона.—„Шильонскій узникъ“.—Русскіе образцы новой поэмы.—«Полтава» Пушкина.—„Пѣсня про царя Ивана Васильевича“.—„Мертвыя души“. 79

Идиллія. Понятіе объ идилліи.—Образцы: „Отставной солдатъ“.—„Старосвѣтскіе помѣщики“. 81

Романъ. Понятіе о романской поэзіи.—„Русланъ и Людмила“.—Рыцарскіе романы.—„Донъ-Кихотъ“.—Англійскіе романы.—Вальтеръ-Скоттъ, Диккенсъ 83

Современный романъ. Понятіе о романѣ.—Виды романа.—Условія художеств. романа.—Значеніе романа.—„Евгеній Онѣгинъ“.—„Капитанская дочка“.—„Тарасъ Бульба“.—„Война и Миръ“. 86

Баллада. Понятіе о балладѣ.—Образцы балладъ 90

Басня. Понятіе о баснѣ.—Нравоучительная и художественная басня.—Народность басенъ Крылова.—Языкъ басенъ Крылова.—Образцы. 93

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Понятіе о лирической поэзіи.—Предметъ лирики.—Образцы.—Раздѣленіе лирической поэзіи 98

Народная лирика. Общая форма народной лирики.—Обрядовыя пѣсни.—Семейныя.—Особенности русской народной пѣсни. 100

Художественная лирика. Понятіе о гимнѣ.—Псалтирь св. пр. Давида.—Церковныя пѣснопѣнія.—Образцы гимновъ 102

Ода. Понятіе объ одѣ.—Ложноклассическая ода.—Современная ода.—Образцы 103

Пѣсня. Художественная пѣсня.—Образцы.—Пѣсни Кольцова . . 106

Элегія. Понятіе объ элегіи.—Характеръ русскихъ элегій.—Образцы. 107

Сатира. Понятіе о сатирѣ.—Историческое ея развитіе.—Виды сатиръ.—Сатиры Кантемира.—„Чужой толкъ“ Дмитріева.—Эпиграмма. 109

Мелкія формы лирики. Романсъ.—Тріолетъ.—Мадригалъ.—Сонетъ.—Октава.—Эпитафія—Антологическія стихотворенія. 111

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Понятіе о драмѣ.—Соединеніе въ драмѣ элементовъ лирики и эпоса.—Свойства драматическихъ произведеній.—Значеніе драматической поэзіи 114

Греческій театръ. Особенности греческой трагедіи.—Хоръ.—Рокъ.—Трагическій элементъ.—Единство времени и мѣста.—Устройство греческаго театра. 115

Трагедіи Софокла „Эдипъ царь“. и „Антигона“.—Содержаніе и значеніе ихъ 117
Греческая комедія.—«Облака» Аристофана 119
Подражательная ложноклассическая трагедія и комедія. Правила ложноклассической трагедіи и комедіи.—Русская ложноклассическая трагедія и комедія 120
Новая драма. Различіе между древней и новой драмой.—Драма Шекспира.—Геній Шекспира.—Пять трагедій Шекспира.—„Гамлетъ“.—Содержаніе и разборъ „Гамлета“.—„Борисъ Годуновъ“ Пушкина.—Разборъ трагедіи и достоинства ея. 122
Драма въ собственномъ смыслѣ. Различіе между трагедіей и драмой.—„Скупой рыцарь“ Пушкина.—„Гроза“ Островскаго. 129
Новая комедія. Опредѣленіе комедіи.—Сходство трагедіи и комедіи.—Образцы комедіи. — „Недоросль“.—„Горе отъ ума“.—„Ревизоръ“.—„Свои люди сочтемся“. 131
Значеніе театра. 136

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Образцы различныхъ видовъ прозы и поэзіи.

Проза. Крещеніе Руси. *Изъ лѣтописи Нестора.*—Куликовская битва. *Карамзина.*—Характеристика Карамзина. *Каткова.*—Днѣпръ. *Гоголя.*—О любви къ отечеству. *Карамзина.*—Изъ Похвальнаго Слова Петру I. *Ломоносова.*—Слово въ Великій Пятокъ. *Арх. Иннокентія.*—Слово въ Великій Пятокъ („Паки Голгоѳа“). *Его же.*—Поученіе предъ св. Причащеніемъ. *Прот. Путятина.*—Поученіе въ день Покрова Пресв. Богородицы. *Его же.* 137
Поэзія. Дѣтство Ильи Муромца. *Изъ былины.*—Пѣсня о взятіи Казани.—Полтавскій бой. *Пушкина.*—Воспитаніе Онѣгина. *Его же.*—Татьяна. *Его же.*—Приступъ (Изъ пов. „Капитанская дочка“). *Его же.*—Русь. *Гоголя.*—Тройка. *Его же.*—Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ. *Ломоносова.*—Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія. *Его же.*—Богъ. *Державина.*—Подражаніе псалму 14. *Языкова.*—По прочтеніи псалма. *Хомякова.*—Гимнъ. *Хераскова.*—Великопостная молитва. *Пушкина.*—Размышленіе по случаю грома. *Дмитріева.*—Пророкъ. *Пушкина.*—Пророкъ. *Лермонтова.*—Вѣтка Палестины. *Его же.*—Родина. *Его же.*—Клеветникамъ Россіи. *Пушкина.*—Брожу ли я вдоль улицъ... *Его же.*—Элегія. *Батюшкова.*—Единое благо. *Майкова.*—Слезы матери. *Некрасова.*—Севастопольское Братское кладбище. *Фета.*—Завѣщаніе. *Кн. Долгорукаго.*—26 мая 1828 г. *Пушкина.*—Жизнь. *Митр. Филарета.*—Стансы митрополиту Филарету. *Пушкина.*—Кто Онъ? *Майкова.*—Мадонна (сонетъ). *Пушкина.*—Благовѣстъ. *Омулевскаго.*—Октава. *Майкова.*—Совѣсть. *Жуковскаго.*—Скупой богачъ. *Кн. Вяземскаго.*—Исторія плохого стихотворца. *Пушкина.*—Христіанину. *Глинки.*—Къ портрету кн. А. Кантемира. *Дмитріева.*—Къ портрету Хераскова. *Державина.*—Багратіону. *Его же.*—Къ портрету Карамзина. *Писарева.*—Къ могилѣ Карамзина. *Жуковскаго.*—Баснописцу Крылову въ день юбилея. *Кн. Вяземскаго.*—Антигона и Креонъ. *Изъ трагедіи Софокла.*—Монологъ Гамлета. *Изъ траг. „Гамлетъ“. Шекспира.*—Монологъ Бориса Годунова. *Изъ драмы „Борисъ Годуновъ“ Пушкина.*—Келья въ Чудовомъ монастырѣ. *Оттуда же.*—Рѣчь Патріарха. *Оттуда же.*—Изъ комедіи „Недоросль“ *Ф. Визина.*—Монологъ Чацкаго. *Изъ ком. „Горе отъ ума“. Грибоѣдова.*—Изъ ком. «Ревизоръ». *Гоголя* 151
Хрія 177

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Uroki teorii slovesnosti / so
808 R131U
D90176359/